



РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
М. А. ХОМЯКОВА, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

*Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.*

*Использование материалов возможно
только с письменного согласия редакции*

*Фотографии, использованные в номере,
предоставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий*

*Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции*

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Цалиев А. М.**
О вопросах судебной власти
в России в свете конституционных
и законодательных новелл 4
- Фомичева О. А.**
Об определении порядка
законотворческого процесса в рамках
применения народного вето 13
- Окулич А. И.**
«Белое пятно» российской правовой
действительности: множественная
форма дискриминации личности 20

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Ведель И. А.**
Международно-правовое
регулирование международной
деятельности субъектов Российской
Федерации: регионализм при отсутствии
универсализма 28

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

- Налбандян Е. Л., Сазонова М. А.**
Привлечение директора
к ответственности за причиненные
организации убытки 38

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Гаврин Д. А.**
Частное и публичное право:
нарушая гравитацию правовой материи 49

НОТАРИАТ

- Михайлова Е. В.**
Защита гражданских прав
в нотариальной сфере 57

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, В. В. Невинский, Е. И. Носырева, В. Д. Перевалов, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, И. Н. Сорокотягин, А. С. Смыкалин, П. И. Савицкий, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажиев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чиботарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

КРИМИНАЛИСТИКА**Кокурин Г. А.**

О некоторых аспектах раскрытия половых преступлений

65

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**Сидоров С. Г., Бараковских С. А., Юлчурин С. А., Кабрильо А. С.**

Имплементация международных бизнес-технологий в современном юридическом образовании (комплаенс-система)

70

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Бендюрина С. В.**

Рецензия на коллективную монографию М. С. Саликова, С. Э. Несмеяновой, А. Н. Мочалова и др. «Права человека в сети Интернет»

78

Колобаева Н. Е. Качество юридического образования в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса: обзор конференции

81

CONSTITUTIONAL LAW

Tsaliev A. M. On the Issues of Judicial Power in Russia (from the Point of View of Constitutional and Legislative Novelties)	4
Fomicheva O. A. On Determining the Order of the Legislative Process within the Framework of the People's Veto	13
Okulich A. I. «White Spot» of Russian Legal Reality: Multiple Discrimination	20

INTERNATIONAL LAW

Vedel I. A. International Legal Regulation of the Russian Constituent Entities' International Activities: Regionalism in the Absence of Universalism	28
---	----

BUSINESS LAW

Nalbandian E. L., Sazonova M. A. The CEO's Accountability for the Losses Suffered by a Company	38
--	----

THEORY OF LAW

Gavrin D. A. Private and Public Law: Disturbing the Gravity of a Legal Matter	49
---	----

NOTARY

Mikhailova E. V. Protection of Civil Rights in the Notarial Sphere	57
--	----

FORENSIC SCIENCE

Kokurin G. A. Some Aspects of Solving Sexual Crimes	65
---	----

LEGAL EDUCATION

Sidorov S. G., Barakovskiy S. A., Yulchurin S. A., Cabrillo A. C. Implementation of International Business Technologies in Modern Legal Education (Compliance System)	70
--	----

REVIEWS

Bendyurina S. V. Review of the Collective Monograph by M. S. Salikov, S. E. Nesmeyanova, A. N. Mochalov et al. «Human Rights on the Internet»	78
Kolobaeva N. E. Quality of Legal Education in the Conditions of Distance Interaction of Participants of the Educational Process	81

А. М. Цалиев

Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(Владикавказ)

О ВОПРОСАХ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

На основе сравнительно-исторического анализа рассматриваются вопросы судоустройства национальных государственно-правовых образований в России. Указываются особенности судоустройства и судопроизводства в одном из национально-государственных автономных образований Северного Кавказа – Северо-Осетинской автономной области. Раскрывается социальная значимость конституционных (уставных) судов субъектов РФ, необходимость в которых признается как на научном, так и на практическом уровне, поскольку они решают не только институциональные задачи, но и связанные с формированием федеративного государства. Критикуется федеральная законодательная норма об упразднении данных органов судебной власти и возможности создания вместо них конституционных (уставных) советов при законодательных органах субъектов РФ, цели и задачи которых не определены, а предложенный им статус нарушает известный правовой принцип – запрет быть судьей в собственном деле.

Констатируется ошибочность конституционной нормы о включении мировых судей в федеральную судебную систему, поскольку это свидетельствует о полной централизации судебной власти, лишении региональной государственной власти одной из ее ветвей, осуществляющей правосудие с учетом местных особенностей, но в соответствии с Конституцией РФ и федеральным законодательством. Обосновывается необходимость сохранения полноты государственной власти субъектов РФ с целью устойчивого и стабильного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: федеративное правовое государство, субъекты Российской Федерации, национально-государственные образования, региональная государственная власть, конституционные (уставные) суды, мировые суды

Для цитирования

Цалиев А. М. О вопросах судебной власти в России в свете конституционных и законодательных новелл // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 4–12. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_4.

УДК 342.52

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_4

В любом обществе и государстве существует судебная власть. Она является обязательной и самостоятельной ветвью государственной власти, организуемой на основе известного принципа разделения властей по горизонтали. Но в государствах с федеративным устройством (как союзах, объединениях государственно-правовых образований) разделение власти происходит и по вертикали – на уровне федерации и ее субъектов. Этот процесс нацелен на сбалансированный учет интересов федеральной и региональной власти, сохранение полноты государствен-

ной власти в субъектах РФ, без чего невозможно эффективное решение стоящих перед ними задач.

В советский период, особенно в первые его два десятилетия, принципу разделения государственной власти придавали большое значение, в чем можно убедиться на примере судебной власти и органов, ее осуществляющих, в национально-государственных автономных образованиях. Так, в Северной Осетии были организованы и осуществляли правосудие избираемые гражданами посреднические (третейские), местные, сель-

ские, горские, народные, шариатские суды и Главный суд как высшая судебная инстанция. Большинство из них, за исключением народного и Главного суда, действовали и в царский период. Они вершили правосудие на основе норм обычного – неписаного права, которое (как материальное, так и процессуальное) формировалось на основе народных обычаев. Оно было весьма развито, в частности в Осетии. В связи с этим обычное право стало предметом исследования признанных отечественных и зарубежных ученых [Ковалевский 1986; Пфафф 1971]. Причем его нормы носили строго обязательный характер в индивидуальном и общественном сознании. Еще в конце XIX в. известный ученый В. Б. Пфафф отмечал, что осетинские обычаи действуют со всей силой неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них [Пфафф 1971: 169].

Шариатское судопроизводство, основанное на нормах мусульманского права, получило широкое распространение в национальных районах России с мусульманским населением. Правосудие осуществлялось кадием – мусульманским судьей, возглавляющим шариатский суд и единолично осуществляющим судопроизводство. Со временем в процессе их деятельности между представителями царской администрации и населением возникали острые дискуссии, результатом которых иногда становились организационно-управленческие решения и действия царской администрации, а затем представителей новой власти. Особенно часто это происходило в первые месяцы установления советской власти, когда ее ставленники попытались грубо игнорировать сложившиеся нормы права, в частности стали упразднять шариатское судопроизводство, которое к тому времени имело более чем двухсотлетнюю историю существования. Это привело к тому, что в начале 1918 г. в Кабарде муллы приняли меры для захвата власти и настояли на том, чтобы восстановили шариатское судопроизводство [Цалиев 2003].

Новая власть Северо-Кавказских национально-государственных образований объективно оценила сложную политическую ситуацию, сложившуюся в результате игнорирования роли и значения шариатских судов в судопроизводстве того периода. Поэтому

4 марта 1918 г. во Владикавказе на II Съезде народов Терской области его делегаты приняли следующую резолюцию: «Каждому народу предоставляется право организовать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам». Такое решение означало признание региональной специфики в государственном строительстве. Оно было поддержано на федеральном уровне, о чем свидетельствует выступление И. В. Сталина 17 ноября 1920 г. на очередном Съезде народов Терека во Владикавказе с докладом «О советской автономии Терской области», в котором он заявил: «Если будет доказано, что нужен шариат, пусть будет шариат. Советская власть не думает объявить войну шариату».

В указанный период правосудие начали осуществлять также народные суды, которые в соответствии с Положением о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. избирались общим собранием районных Советов и действовали в пределах района. Высшей судебной инстанцией для них были главные суды в губерниях и автономных республиках, назначаемые ЦИК этих государственных образований и утверждаемые Президиумом ВЦИК по заключению Верховного Суда РСФСР.

Народные судьи на основании ст. 109 Конституции СССР 1936 г. стали избираться гражданами района на основе всеобщего прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Краевые, областные суды и суды автономных образований, являющиеся судами второй инстанции, избирались соответствующими Советами народных депутатов. Принцип выборности судей сохранялся весь советский период и стал основой формирования судейского корпуса. Правосудие осуществляли районные суды и суды автономных республик, краев и областей. Они фактически представляли собой региональную судебную власть как подсистему федеральной судебной власти.

Формированию такой системы способствовали объявленная в 1991 г. Концепция судебной реформы в РСФСР и поддержанная Верховным Советом РСФСР децентрализация властных функций. Отмечу также, что учреждение института мировых судей в свое время мотивировали необходимостью дальнейших демократизации и децентрализации судебной власти и необходимостью развития федеративных отношений. Кроме того,

в постановлении III (внеочередного) Всероссийского съезда судей от 25 марта 1994 г. «О концепции судебной системы Российской Федерации» была предусмотрена двухуровневая судебная система, состоящая из федеральной и местной судебных систем. Наличие последней логично обосновывалось тем, что «если есть судебная система государства в целом, должны быть ее составные части – судебные системы, что является прямым отражением сущностной природы России как федерации» [Саликов 2013: 19].

Однако со второй половины 1990 г. под лозунгами демократизации и федерализации страны в системе судебной власти начались противоположные процессы. Их идеологическую основу разрабатывали ученые либерал-демократы, обслуживавшие интересы определенных групп. Критики правосудия советского периода заявляли, что «судебные приговоры и решения согласовывались с парткомом» [Судебная власть 2003: 4]. Подобного рода нелепые и клеветнические измышления составляли основу принимаемых законодательных и организационно-управленческих решений, затрагивавших формирование судебной власти и лиц, ее осуществлявших. Некоторые ученые-юристы наряду с практическими работниками, чаще всего из сферы судебной власти, объясняли ошибки в осуществлении правосудия вмешательством местной власти в принятие судебных решений.

Конечно, нельзя исключать подобные случаи, в том числе в работе других органов государственной власти. Однако низкий уровень профессиональной деятельности, допускаемые в ней ошибки нельзя оправдывать исключительно вмешательством извне, тем более судьям, чья независимость, несменяемость и неприкосновенность закреплены на конституционном уровне и в специальных федеральных законах об их статусе. Отмечу, что таких правовых гарантий не имеют специалисты и должностные лица законодательной и исполнительной власти. Несмотря на это с целью повышения объективности правосудия было предложено расширить материальные и социальные гарантии судьи, еще более укрепить его правовой статус. Для этого начали проводить линию на централизацию судебной власти, подчинение ее только федеральной власти. Уверен, что здесь сыграла

существенную роль часть той политической и бизнес-элиты, которая с целью обеспечения личной безопасности решила результаты своего незаконного обогащения «закрепить» судебными решениями, имеющими окончательный и обязательный характер. Это стало особенно очевидным в середине 1990-х гг. – периоде наиболее активной приватизации природных ресурсов (земли, нефти, газа, драгоценных металлов и т. д.) и созданных в советский период богатств. Тогда централизации судебной власти начали придавать законодательный характер.

Так, в 1996 г. был подготовлен проект федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», в соответствии с которым все суды, начиная с районного, были включены в федеральную судебную систему. Вводился принцип назначения всех федеральных судей Президентом РФ. Против такой централизации судебной власти выступили не только многие специалисты, но и руководители субъектов РФ. И не без оснований, поскольку в других федеративных государствах к федеральным судебным органам относятся только суды высшей инстанции. Поэтому в конце 1996 г., когда принимался упомянутый федеральный конституционный закон, члены Совета Федерации, коими тогда являлись руководители законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, дважды голосовали против. Более того, на открытом заседании Совета Федерации, посвященном данному вопросу, президент Республики Северная Осетия – Алания А. Х. Галазов публично заявил: «Я вначале хотел поддержать данный закон, но поскольку происходит открытое выкручивание рук, буду голосовать против». Однако Б. Ельцин не привык считаться с мнением других людей, и любые логически обоснованные аргументы его не убеждали.

Было проведено третье заседание Совета Федерации, и лишь с помощью опросных листов законопроект получил одобрение. Не согласившись с предложенной в нем централизацией судов и поставив цель восстановить существовавшие ранее права, а также повысить роль региональных органов государственной власти в регулировании организации и деятельности судов, функционирующих на территории субъектов Россий-

ской Федерации, высшие должностные лица 16 республик в составе Российской Федерации осенью 1998 г. направили в Конституционный Суд РФ запрос о проверке конституционности положений чч. 1–4 ст. 4, ч. 6 ст. 13, ч. 3 ст. 20 и ч. 3 ст. 21 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Но Конституционный Суд РФ в Определении от 12 марта 1998 г. признал конституционность данного Закона.

Согласно ч. 4 ст. 4 указанного Закона судами субъектов РФ были признаны конституционные и уставные суды (далее – к/у суды) и мировые судьи. Но последние по существу являются федеральными судами, поскольку основу их организации и деятельности составляют федеральные законы; финансируются они из федерального бюджета; функционируют при федеральных судах, составляя первичное звено судов общей юрисдикции; осуществляют правосудие именем Российской Федерации. В соответствующих региональных законах говорится, что полномочия, порядок деятельности мировых судей устанавливаются Конституцией РФ, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Кроме того, Федеральный закон от 19 июня 2004 г. «О внесении изменений в статьи 1 и 10 Федерального закона „О мировых судьях в Российской Федерации“» внес существенные изменения в правовое регулирование статуса мировых судей субъектов РФ. Вопреки здравому смыслу региональный законодатель был лишен права устанавливать дополнительные гарантии материальной и социальной защиты для мировых судей, а также дополнительные требования к кандидату на должность мирового судьи, определять порядок отправления правосудия даже по административным делам. Усматривая в этом необоснованные попытки централизации судебной власти, я неоднократно выступал в центральной печати, на публичных мероприятиях, в том числе на круглом столе по вопросам института мировых судей, организованном 16 апреля 2015 г. Комитетом Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению с целью сохранения статуса мировых судей как института судебной власти субъектов РФ.

Окончательная централизация судебной власти произошла в результате принятия последних конституционных новелл.

Так, согласно ч. 3 ст. 118 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» мировые судьи были включены в федеральную судебную систему. При этом федеральный законодатель продолжает именовать их мировыми судьями субъектов РФ, дабы создать видимость наличия региональной судебной власти и тем самым попытаться обеспечить принцип разделения государственной власти. Это напоминает мне известный библейский сюжет о фиговом листочке...

Региональную судебную власть реально представляли и могут представлять к/у суды субъектов РФ. Ученые, в том числе автор этих строк, и практические работники в области конституционного правосудия на протяжении почти трех десятилетий в печати и на различных международных научно-практических конференциях приводили многочисленные и никем не оспаривавшиеся аргументы в пользу организации и функционирования органов региональной конституционной юстиции. Неслучайно в постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 17 декабря 2019 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития в 2012–2016 годах» отмечается, что без внимания незаслуженно остаются конституционные (уставные) суды субъектов РФ, которые играют роль дополнительного гаранта прав граждан, в том числе на судебную защиту.

Несмотря на изложенное, согласно ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» (далее – ФКЗ № 7) субъекты РФ лишены указанных органов власти. В прошлом в силу ч. 1 ст. 27 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» они могли создаваться «субъектом Российской Федерации для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования консти-

туции (устава) субъекта Российской Федерации». Поскольку эти суды ныне упразднены, то следует считать, что поставленные перед ним задачи решены или уже неактуальны. И то и другое утверждение не соответствует действительности, ибо они столь же постоянны, сколь законотворческий процесс, в котором неизбежны ошибки, как и в трудовой деятельности любого иного вида.

Эту простую истину следует осознать нашим законодателям, как и то, что там, где есть законодательная власть, должна быть и контрольная власть. Причем «каждому уровню законодательной власти должен соответствовать свой уровень конституционного контроля» [Несмеянова 2003: 24]. К тому же

стует известному принципу разделения государственной власти. Кроме того, в отличие от к/у судов субъектов РФ, не определены цели и задачи конституционных (уставных) советов субъектов РФ.

В связи с этим возникает вопрос к авторам данной федеральной законодательной нормы, а также к депутатам, голосовавшим за ее принятие: чем они мотивировали свое решение закрепить возможность создания нового государственного органа, как объясняют его целесообразность? К тому же налогоплательщик вправе знать, с какой целью он должен финансировать создание и деятельность любого органа государственной власти. В данном случае эта проблема особенно остра, поскольку в любом законодательном органе субъекта РФ уже существует комитет по законодательству, а также правовой отдел.

В чем же смысл создания предлагаемого подразделения регионального парламента? На мой взгляд, законодательная норма о конституционных (уставных) советах субъектов РФ может стать предметом прокурорского реагирования или коллективного обращения председателей к/у судов субъектов РФ в Конституционный Суд РФ на предмет соответствия ее Конституции РФ. При этом следует иметь в виду, что специалисты, исследовавшие основания прекращения деятельности к/у судов субъектов РФ, пришли к однозначному выводу о том, что «существующая практика их упразднения является не только незаконной, но и неконституционной» [Современная модель государственной власти 2019: 132].

Новый государственный орган имеет право на существование, он учрежден в зарубежных странах, но как самостоятельный квазисудебный орган власти. Отмечу, что еще в конце XIX в. предлагалось создать специализированный децентрализованный и самостоятельный орган контрольной власти [Муромцев 1898]. Как писал один из отцов Конституции США А. Гамильтон, законодательный орган не должен быть конституционным судьей в собственном деле. Со временем был сформулирован общеправовой принцип, согласно которому «никто не может быть судьей в собственном деле». Федеральные органы государственной власти данный принцип проигнорировали.

Думается, в сложившейся ситуации создание самостоятельных конституционных

В сложившейся ситуации создание самостоятельных конституционных (уставных) советов – единственный путь, по которому должны следовать субъекты РФ

неслучайно председатель Государственного совета Республики Татарстан Ф. Х. Мухаметшин в своем выступлении 23 июня 2003 г. на заседании Президиума Совета законодателей России, посвященном практике создания конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и проблемам законодательного регулирования их деятельности, заявил, что «сложившаяся в условиях российского федерализма система организации власти в субъектах Федерации объективно диктует необходимость формирования региональной конституционной юстиции».

По-видимому, Государственная Дума РФ, пытаясь избежать упреков в централизации государственной власти и политического капитала, а также с целью восполнить образовавшийся вакуум в системе региональной контрольной власти, закрепила в ст. 7 ФКЗ №7 норму о том, что «субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации». Такая абсурдная, гибридная, к тому же «декоративная» правовая норма ни в одном зарубежном законодательстве не предусматривается, поскольку абсолютно не соответ-

(уставных) советов – единственный путь, по которому должны следовать субъекты РФ. Это необходимо, в том числе, для того, чтобы способствовать реализации федеральных конституционных положений о федеративном правовом характере Российского государства (ст. 1 Конституции РФ); об осуществлении государственной власти в Российской Федерации на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ); об осуществлении государственной власти субъектами РФ через образуемые ими органы государственной власти (ст. 11 Конституции РФ); об организации системы органов государственной власти республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации (ст. 77 Конституции РФ).

Проанализировав данные конституционные нормы, М. А. Митюков, долго проработавший в должности представителя Президента РФ в Конституционном Суде РФ, отметил, что «с точки зрения историко-правового и буквального прочтения федеральной Конституции конституционное правосудие должно было быть неотъемлемым и необходимым элементом организации государственной власти в каждом субъекте Российской Федерации» [Митюков 2007: 19]. К сожалению, этого не случилось, поскольку законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов РФ не заинтересованы в создании самостоятельного и независимого органа государственной власти, проверяющего конституционность их деятельности. Это естественное желание любого органа власти.

Именно поэтому многократные официальные обращения, как коллективные (Обращение участников расширенного заседания Консультативного совета председателей органов конституционного (уставного) контроля в РФ к Президенту РФ, депутатам Государственной Думы и членам Совета Федерации, Федерального Собрания РФ, высшим должностным лицам, органам законодательной и исполнительной власти субъектов РФ от 18 января 2001 г.), так и индивидуальные [Цалиев 2010], в адрес федеральных и региональных органов государственной власти с предложением ускорить образование к/у

судов субъектов РФ не дали положительного результата. В данном вопросе указанные судебные органы, а также те, кто ратовал за их повсеместное создание в регионах, особую надежду возлагали на инициативу председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина. Но, увы, возможности Конституционного Суда РФ в развитии законодательства в части образования органов конституционного контроля использованы не были, хотя многие федеральные конституционные судьи высказывались в пользу их образования, а практически никаких мер не предприняли.

Так, Б. С. Эбзеев писал, что субъекты РФ, в которых функционируют к/у суды, «находятся в более выгодном в отношении населения и обеспечения его прав положении, нежели абсолютное большинство субъектов, которые хотя и имеют должную законодательную базу, но не могут решиться на то, чтобы создать этот институт» [Эбзеев 2005: 15]. Однако став главой Карачаево-Черкесской Республики, он не образовал там данный суд, что вызвало крайнее удивление у многих юристов.

В результате сложившихся обстоятельств уже объявлены «похороны» конституционных (уставных) судов субъектов РФ, но согласно ФКЗ № 7 этот процесс должен завершиться к 1 января 2023 г. Однако если учесть неумное желание федеральной судебной и законодательной власти упразднить к/у суды, этот процесс должен завершиться раньше. Неслучайно он так подробно и тщательно расписан в упомянутом ФКЗ. Об этом свидетельствует и тот факт, что проект федерального закона «О конституционных (уставных) судах субъектов РФ», внесенный в Государственную Думу РФ 8 мая 2014 г., через два дня без всякого обоснования получил резко отрицательную оценку; уже 12 мая 2014 г. эта информация появилась в газете «Коммерсантъ». Такая оперативность не всегда характерна даже для спецслужб.

Очевидно, что происходит необоснованное ограничение региональной государственной власти. А если еще учесть, что большинство органов государственной власти на местах представлены территориальными органами федеральных государственных органов в лице правоохранительных, силовых, контрольно-надзорных и иных органов власти, то вполне естественно возникает риторический вопрос о полноте государственной

власти субъектов РФ, особенно республик, которые в Конституции РФ, хотя и в скобках, названы государством, и их отличия по правовому статусу от муниципальных образований, являющихся административно-территориальными единицами, где также организованы и функционируют представительные и исполнительные органы власти. Игнорирование конституционно-правового статуса национально-государственных образований, история которых насчитывает не одно тысячелетие, – очень опасная тенденция в строительстве федеративного государства. Она

может при соответствующих внутренних и внешних обстоятельствах накопить общественно-политическую обстановку в стране, чему есть многочисленные исторические примеры.

Таким образом, налицо необходимость совершенствования организации государственной власти с учетом принципа разделения ее на три ветви и оптимального распределения властных полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами с тем, чтобы придать стабильность развитию Российского государства.

Список литературы

Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1986. 410 с.

Митюков М. А. Современные тенденции развития региональной конституционной юстиции (опыт социологического исследования) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14. С. 19–24.

Муромцев С. А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. 1898. Т. 2. С. 1–12.

Несмеянова С. Э. Проблемы развития конституционной юстиции в Российской Федерации // Конституционные чтения. Саратов, 2003. Вып. 4. Ч. 1. С. 23–26.

Пфафф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1971. Т. 1. 167 с.

Саликов М. С. Региональные конституционные (уставные) суды: место в судебной системе России // Российское право: образование, практика, наука. 2013. № 2–3. С. 18–22.

Современная модель государственной власти в Российской Федерации / под ред. А. Т. Карасева. М.: Проспект, 2019. 190 с.

Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. 710 с.

Цалиев А. М. Судебная власть в республиках Северного Кавказа (1917–2003 гг.). М., 2003. 268 с.

Цалиев А. М. Обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации Ю. Я. Чайке // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 24–25.

Эбзеев Б. С. Конституционное правосудие в России // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 17 июня 2005 г.). Казань, 2005. С. 15–22.

Александр Михайлович Цалиев – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Кавказского горно-металлургического института, председатель Конституционного суда Республики Северная Осетия – Алания (2001–2017 гг.) в отставке. 362021, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Николаева, д. 44. E-mail: aronaron666@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-3406-462X

On the Issues of Judicial Power in Russia (From the Point of View of Constitutional and Legislative Novelties)

The author examines the issues of the judicial system of national state-legal formations in Russia. The features of the judicial system and legal proceedings in one of such formations of the North Caucasus – the North Ossetian autonomous region, are indicated. The social significance

of the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation is revealed, the need for which is recognized both at the scientific and practical levels, since they solve not only institutional problems, but also those associated with the formation of a federal state. The federal legislative norm on the abolition of these judicial authorities and the possibility of creating instead of them constitutional (statutory) councils under the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation is criticized. The goals and objectives of these councils are not defined, and the status proposed by it violates the well-known legal principle – the prohibition to be a judge in one's own case.

The erroneousness of the constitutional provision on the inclusion of justices of the peace in the federal judicial system is noted, since this indicates the complete centralization of the judiciary, the deprivation of regional state power by one of its branches that administers justice taking into account local specifics, but in accordance with the Constitution of the Russian Federation and federal legislation. The necessity of preserving the completeness of state power of the constituent entities of the Russian Federation with the aim of sustainable state development is substantiated.

Keywords: federal legal state, subjects of the Russian Federation, national-state formations, regional state power, constitutional (statutory) courts, justices of the peace

Recommended citation

Tsaliev A. M. O voprosakh sudebnoi vlasti v Rossii v svete konstitutsionnykh i zakonodatel'nykh novell [On the Issues of Judicial Power in Russia (from the Point of View of Constitutional and Legislative Novelties)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 4–12, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_4.

References

Ebzeev B. S. *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossii* [Constitutional Justice in Russia], *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossiiskoi Federatsii: pravovoe regulirovanie, opyt, perspektivy* [Constitutional Justice in the Russian Federation: Legal Regulation, Experience, Prospects]: conference papers, Kazan', 2005, pp. 15–22.

Karasev A. T. (ed.) *Sovremennaya model' gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii* [The Modern Model of State Power in the Russian Federation], Moscow, Prospekt, 2019, 190 p.

Kovalevskii M. M. *Sovremennyi obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Modern Custom and Ancient Law. the Common Law of the Ossetians in the Historical and Comparative Light], Moscow, 1986, 410 p.

Mityukov M. A. *Sovremennye tendentsii razvitiya regional'noi konstitutsionnoi yustitsii (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya)* [Modern Trends in the Development of Regional Constitutional Justice (Experience of Sociological Research)], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2007, no. 4, pp. 19–24.

Muromtsev S. A. *Pravo i spravedlivost'* [Law and Justice], *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy*, 1898, vol. 2, pp. 1–12.

Nesmeyanova S. E. *Problemy razvitiya konstitutsionnoi yustitsii v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of the Development of Constitutional Justice in the Russian Federation], *Konstitutsionnye chteniya*, 2003, no. 4, vol. 1, pp. 23–26.

Petrukhin I. L. (ed.) *Sudebnaya vlast'* [The Judiciary], Moscow, 2003, 710 p.

Pfaff V. B. *Narodnoe pravo osetin* [Ossetian People's Law], *Sbornik svedenii o Kavkaze*, Tiflis, 1971, vol. 1, 167 p.

Salikov M. S. *Regional'nye konstitutsionnye (ustavnye) sudy: mesto v sudebnoi sisteme Rossii* [Regional Constitutional (Statutory) Courts: Their Place in the Judicial System of Russia], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2013, no. 2–3, pp. 18–22.

Tsaliev A. M. *Obrashchenie k General'nomu prokuroru Rossiiskoi Federatsii Yu. Ya. Chaik*e [Appeal to the Prosecutor General of the Russian Federation Yu. Ya. Chaika], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2010, no. 4, pp. 24–25.

Tsaliev A. M. *Sudebnaya vlast' v respublikakh Severnogo Kavkaza (1917–2003 gg.)* [Judicial Power in the Republics of the North Caucasus (1917–2003)], Moscow, 2003, 268 p.

Aleksandr Tsaliev – honored lawyer of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of constitutional and administrative law, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute, chairman of the Constitutional Court of the Republic of North Ossetia – Alania (2001–2017), retired. 362021, Russian Federation, Vladikavkaz, Nikolaeva str, 44. E-mail: aronaron666@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-3406-462X

Дата поступления в редакцию / Received: 08.02.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2021

О. А. Фомичева

Московский финансово-юридический университет (МФЮА)
филиал в Орске
(Орск)

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОРЯДКА ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РАМКАХ ПРИМЕНЕНИЯ НАРОДНОГО ВЕТО

Вовлечение граждан в законотворческий процесс в рамках всенародного голосования по поправкам к Конституции России в 2020 г. вызвало необходимость в формировании нового подхода к организации законотворческого процесса. Автор рассматривает применение в российском законодательстве понятия вето и предлагает выработать правила реализации народом права вето как способа поиска баланса между интересами государства и общества. В статье приводятся мнения российских исследователей по этому вопросу. Ученые предлагают с осторожностью подходить к выбору народа в качестве законодателя, в частности, не рекомендуют вовлекать народ в решение вопросов, связанных с функционированием власти, из-за низкого уровня правовой культуры в обществе. Отмечается также, что гражданам необходимо дополнительно разъяснять содержание закона, а к публичному обсуждению законопроекта можно привлекать специалистов из соответствующей области.

С точки зрения автора, следует скорректировать правила проведения референдума с учетом имеющегося опыта всенародного голосования. Вместе с тем отмечается, что сложности в регламентации процедуры референдума препятствуют участию народа в принятии законов.

Ключевые слова: законотворческий процесс, граждане, конституционное право, парламент, вето, народ, законодатель

Для цитирования

Фомичева О. А. Об определении порядка законотворческого процесса в рамках применения народного вето // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 13–19. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_13.

УДК 340.13

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_13

Конституционно-правовые преобразования в Российской Федерации на современном этапе обусловили появление новых процедур законотворческого процесса. Новый способ принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. с участием народа в голосовании требует детализации механизма применения этого способа в нормах права. Но противоречия в законодательстве, равно как и отсутствие достаточной правовой основы для реализации всенародного голосования, приводят к невозможности развития новой процедуры принятия закона с участием народа.

Интерес ученых к процедуре всенародного голосования по поправкам к Конституции РФ в 2020 г. позволил выявить ряд проблем,

связанных, в том числе, с определением роли народа в данной процедуре и учетом мнения народа [Чеботарев 2020].

Участие общества в принятии законов признано средством «доведения забот, чаяний и проблем этих слоев до Государственной Думы» [Артамонов 2011: 92], средством поиска «соответствия законодательных решений интересам общества» [Сергеев 2002: 316], способом государственного управления [Гриб 2010: 30]. Все эти доводы указывают на необходимость развития данного института в России. Апробированный в ходе голосования по поправкам к Конституции РФ способ согласования закона с обществом основан на принципе демократизма.

Вопрос развития демократических основ государства становится актуальным в свете обеспечения конституционного права гражданина на участие в законотворческом процессе. В связи с этим следует обратить внимание на неоднократные обращения Президента РФ к парламенту с призывом вовлекать граждан в законотворческий процесс (Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)», Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г.). Отсутствие в ст. 104 Конституции РФ граждан в числе

Новое конституционное право народа участвовать в законотворческом процессе в рамках голосования можно назвать народным вето

субъектов законодательной инициативы обусловливает поиск иных способов участия граждан в законотворческом процессе. Проведенное в 2020 г. всенародное голосование по поправкам к Конституции РФ позволяет обратить внимание на участие граждан в законотворческом процессе на правах «законодателя».

С учетом того что конституционно-правовые основы обеспечивают право субъектов широкого круга свободно участвовать в законотворческом процессе (ст. 3, 31 Конституции РФ), целесообразно распространить эти правила на осуществление народом права вето. Вместе с тем характеристики народного вето в конституционном праве не определены.

Народное вето названо одним из элементов народной демократии [Комарова 2009], характеризующих участие народа в законотворческом процессе. В науке конституционного права оно рассматривается и как способ участия граждан в местном самоуправлении для отмены нормативных правовых актов местного самоуправления [Ерыгина 2006], в том числе как «аброгативный референдум» [Руденко 2003: 111].

В Италии народное вето рассматривается как возможность для отмены уже действующего закона (отменительный референдум по Конституции 1947 г. [Шустров 2014: 159]).

Подобные правила действуют в Швейцарии, Дании и некоторых штатах США [Пашков 2014].

Вместе с тем в России понятие вето в законотворческом процессе означает право Президента РФ отклонить федеральный закон, рассмотренный и принятый парламентом (Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П по делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации). Термин «вето» в Конституции РФ не применяется, но закрепленная в ее ч. 3 ст. 107 возможность отклонить принятый федеральный закон до момента его подписания характеризуется как средство воздействия на парламент [Беляев 2005: 66] или взаимодействия парламента и Президента РФ [Булаков, Рязанцев 2007] для предотвращения вступления в силу законов с целью устранения в них противоречий, пробелов и других недостатков.

Исходя из понимания вето как возможности применения запрета к недействующему закону, можно отметить, что этот термин более подходит для употребления применительно к праву народа голосовать по вопросу принятия или отклонения принятого парламентом федерального закона. Новое конституционное право народа участвовать в законотворческом процессе в рамках голосования можно назвать народным вето. Но поскольку вето Президента РФ может быть преодолено парламентом, то и участие народа в законотворческом процессе в рамках субъекта права народного вето требует регулирования.

Не менее важным для определения правил применения народного вето является учет характеристики народа как субъекта законотворческого процесса, которому предоставлено право принять или отклонить закон. При этом следует учитывать доводы зарубежных исследователей, которые указывают на необходимость установления такого требования к участнику законотворческого процесса, как наличие у него особой правовой культуры [Crabbe 2010]. Российские ученые также предлагают с осторожностью подходить к выбору народа в качестве законодателя. По мнению В. В. Лазарева, привлекать народ к решению вопросов, связанных с функционированием власти, не следует, поскольку подобные вопросы «требуют основательных знаний и умственных способностей» [Ла-

зарев 2020: 10]. Н. М. Добрынин также не является сторонником участия в законотворческом процессе народа, ссылаясь именно на низкий уровень правовой культуры граждан [Добрынин 2017: 26–27]. По справедливому замечанию В. В. Комаровой, голосования или консультации с народом должны проводиться «по базовым, основополагающим вопросам жизни» [Комарова 2018: 20]. В связи с этим возникает необходимость уточнить сферы регулирования законов, которые могут быть приняты с применением народного вето.

Принимая решение, гражданин должен понимать содержание закона. Для этого требуется дополнительное разъяснение сущности закона, его последствий. При этом любое комментирование текста закона исходит от конкретного субъекта, что не исключает лоббирования чьих-либо интересов. Следует также учитывать (повторим) низкий уровень политической и правовой грамотности большинства населения. Наряду с ростом численности юристов [Свистунов, Шепанский 2016], незнание права (закона) остается ключевой проблемой для вовлечения граждан в законотворческий процесс. К примеру, С. Э. Либанова разработала методологию демократии, которая все так же остается малоэффективным средством общественного контроля и надзора ввиду незнания права (закона) гражданами [Либанова 2014].

Как верно отмечают ученые-конституционалисты, законотворчество – это механизм, технический процесс, удел профессионалов [Глигич-Золотарева, Кирюхин 2011; Югов 2018]. Для того чтобы понять, может ли закон быть принят в рамках процедуры народного вето, необходимо определить не только сферы регулирования законопроекта, но и его тип (федеральный закон, федеральный конституционный закон, закон субъекта РФ). Предполагается, что предварительно требуется подвергать законопроект публичному обсуждению, для чего можно привлечь специалистов из соответствующей области.

При развитии института народного вето следует учесть, что народ уже признан законодателем: закреплено его право на прямое волеизъявление на референдуме (ст. 83 Федерального конституционного закона от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»). В ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» определен

круг вопросов, по которым голосование не проводится. Назрела необходимость соотносить эти два порядка принятия народом закона и найти оптимальное решение: объединить референдум и правила народного вето и разработать новые правила голосования.

Вместе с тем в России из-за сложностей регламентации процедуры проведения референдума, на которые указывают многие ученые [Авакьян 2013; Мазуренко 2010; Невинский 2005; Степанова 2017; Уваров 2018], возможность участия народа в принятии законов исключена. Длительное отсутствие практики проведения референдума на федеральном уровне обосновывается также финансовыми и политическими причинами [Амелин, Чаннов 2017], поэтому приводятся доводы для перехода к информационным технологиям [Курячая 2017]. Однако исследователи отмечают, что при голосовании с помощью информационных технологий могут возникнуть проблемы (ненадлежащее обеспечение тайны голосования, необеспечение неизменности информации о волеизъявлении, отсутствие возможности наблюдения и контроля за процедурой волеизъявления граждан при дистанционном электронном голосовании [Григорьев 2020: 100]).

Развитие демократического института проведения процедуры голосования с возможностью использовать народное вето позволит отчасти разрешить проблему поиска баланса интересов государства и граждан при согласовании закона с народом. Так, В. М. Баранов утверждает, что следует обсуждать с народом только идею законопроекта [Баранов 2012], а не сам законопроект. Вместе с тем на практике граждане продолжают участвовать в законотворческом процессе в рамках обсуждения готового законопроекта в статусе «экспертов».

В отличие от процедуры народного вето, в которой народ является субъектом активного избирательного права, для процедуры обсуждения законопроекта лучше привлекать профессиональных участников (ученых, юристов) (см., например: [Султанов 2017; Бабкин 2018]).

В заключение еще раз подчеркнем, что вовлечение граждан в законотворческий процесс в рамках народного вето позволит повысить легитимность законов, что будет способствовать повышению уровня доверия народа к власти.

Список литературы

- Crabbe V. The Ethics of Legislative Drafting // Commonwealth Law Bulletin. 2010. № 36. P. 11–24.
- Авакьян С. А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27–30.
- Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 27–31.
- Артамонов А. Н. Создание законов в субъектах Российской Федерации: моногр. Ростов-н/Д: РЮИ РПА Минюста России, 2011. 192 с.
- Бабкин А. И. «Процессуальная реформа» в условиях профессиональной и общественной экспертизы // Российский судья. 2018. № 3. С. 3–5.
- Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1. С. 15–29.
- Беляев В. П. Контроль и надзор в Российском государстве: моногр. М.: Проспект, 2005. 272 с.
- Булаков О. Н., Рязанцев И. Н. Парламентское право России: курс лекций / под ред. О. Н. Булакова. М.: Юстицинформ, 2007. 296 с.
- Глигич-Золотарева М. В., Кирюхин К. С. «Забронзовевшее» представительство // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 26–31.
- Гриб В. В. Управление институтами гражданского общества в России // Российский судья. 2010. № 3. С. 28–33.
- Григорьев А. В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.
- Добрынин Н. М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С. А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 22–33.
- Ерыгина В. И. Политические партии как участники правотворческого процесса // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 7. С. 33–38.
- Комарова В. В. Демократия – конституционный императив // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 22. С. 2–5.
- Комарова В. В. Реальное и мнимое расширение предмета конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 11–23. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023.
- Курячая М. М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31–35.
- Лазарев В. В. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 3–18. DOI: 10.12737/jrl.2020.026.
- Либанова С. Э. Демократия: моногр. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. 318 с.
- Мазуренко А. П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М.: Юрист, 2010. 392 с.
- Невинский В. В. Общероссийский референдум: содержание и значение конституционно-правовых новелл 2002 и 2004 гг. // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 3. С. 14–17.
- Пашков О. В. О формах контроля муниципального управления и местного самоуправления в зарубежных странах // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 19–24.
- Руденко В. Н. Прямая демократия. Модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург, 2003. 476 с.
- Свистунов А. А., Шепанский И. С. Проблемные вопросы занятости юристов и ее структура // Юридический мир. 2016. № 4. С. 55–62.

Сергеев А. А. Проблемы демократизации законодательного процесса // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: материалы науч. конф. (МГУ, 21–23 марта 2002 г.) / отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 316–321.

Степанова А. А. Заметки о референдуме // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 2. С. 28–33.

Султанов А. Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием? // Российский судья. 2017. № 12. С. 12–33.

Уваров А. А. Эффективность народовластия в соотношении с формами прямого волеизъявления граждан // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 32–35.

Чеботарев Г. Н. Конституционное право граждан на внесение изменений в Конституцию Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 12. С. 7–15. DOI: 10.31857/S102694520012727-0.

Шустров Д. Г. Организация государственной власти и разделение властей в Италии // Организация государственной власти в России и зарубежных странах: учеб.-метод. комплекс / отв. ред. С. А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014. С. 152–163.

Югов А. А. Законотворческий процесс в Российской Федерации как принцип системности. Казань: Бук, 2018. 46 с.

Ольга Анатольевна Фомичева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета (МФЮА), филиал в Орске. 462401, Российская Федерация, Оренбургская область, Орск, ул. Строителей, д. 25. E-mail: olga-fomicheva@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-4000-0924

On Determining the Order of the Legislative Process within the Framework of the People's Veto

The involvement of citizens in the lawmaking process within the framework of the national vote on amendments to the Constitution of Russia in 2020 necessitated the formation of a new approach to the organization of the lawmaking process. The author examines the use of the concept of veto in the Russian legislation and proposes to develop rules for the exercise of the right of veto by people as a way to find a balance between the interests of the state and society. The article presents the views of Russian researchers on this issue. They suggest a selective approach to the choice of people as a legislator; in particular, they do not recommend involving people in solving issues related to the functioning of the government, due to the low level of legal culture in society. It is also necessary to additionally explain the content of the law to citizens, and to involve specialists in the public discussion of the bill.

From the point of view of the author, the rules for holding a referendum should be adjusted taking into account the experience of national vote. At the same time, difficulties in regulating the referendum procedure hinder the participation of people in the adoption of laws.

Keywords: legislative process, citizens, constitutional law, parliament, veto, people, legislator

Recommended citation

Fomicheva O. A. Ob opredelenii poriyadka zakonotvorcheskogo protsesssa v ramkakh primeneniya narodnogo veto [On Determining the Order of the Legislative Process within the Framework of the People's Veto], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 13–19, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_13.

References

Amelin R. V., Channov S. E. Pryamaya elektronnyaya demokratiya v Rossiiskoi Federatsii: vozmozhnosti i perspektivy [Direct E-Democracy in the Russian Federation: Opportunities and Perspectives], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 1, pp. 27–31.

Artamonov A. N. *Sozdanie zakonov v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii* [Creating Laws in the Subjects of the Russian Federation], Rostov-on-Don, RYuI RPA Minyusta Rossii, 2011, 192 p.

Avak'yan S. A. Konstitutsionalizm i publichnaya vlast': kontseptsii i perspektivy [Constitutionalism and Public Power: Concepts and Perspectives], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2013, no. 11, pp. 27–30.

Babkin A. I. «Protsessual'naya reforma» v usloviyakh professional'noi i obshchestvennoi ekspertizy [Procedural Reform in Conditions of Professional and Public Evaluation], *Rossiiskii sud'ya*, 2018, no. 3, pp. 3–5.

Baranov V. M. Ideya i kontsepsiya zakonoproekta: ponyatie, znachenie, dialektika funktsionirovaniya [The Idea and the Concept of a Bill: Meaning, Sense and the Dialectics of Functioning], *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, no. 1, pp. 15–29.

Belyaev V. P. *Kontrol' i nadzor v Rossiiskom gosudarstve* [Control and Supervision in the Russian State], Moscow, Prospekt, 2005, 272 p.

Bulakov O. N., Ryazantsev I. N. *Parlamentskoe pravo Rossii* [Russian Parliamentary Law], Moscow, Yustitsinform, 2007, 296 p.

Chebotarev G. N. Konstitutsionnoe pravo grazhdan na vnesenie izmenenii v Konstitutsiyu Rossiiskoi Federatsii [Constitutional Right of Citizens to Initiate Amendments to the Constitution of the Russian Federation], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 12, pp. 7–15, DOI: 10.31857/S102694520012727-0.

Crabbe V. The Ethics of Legislative Drafting, *Commonwealth Law Bulletin*, 2010, no. 36, pp. 11–24.

Dobrynin N. M. Narodovlastie i suverenitet v sovremennoi paradigme rossiiskogo konstitutsionalizma: k 10-letiyu so dnya opublikovaniya raboty prof. S. A. Avak'yana «Tochka otscheta – narod» [The People's Governance and The Sovereignty within the Contemporary Paradigm of the Russian Constitutionalism: to the 10th Anniversary of Publication of «The Starting Point Is the Nation» by Professor S. A. Avak'yan], *Gosudarstvo i pravo*, 2017, no. 7, pp. 22–33.

Erygina V. I. Politicheskie partii kak uchastniki pravotvorcheskogo protsesssa [Political Parties as Participants in the Law-Making Process], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2006, no. 7, pp. 33–38.

Gligich-Zolotareva M. V., Kiryukhin K. S. «Zabronzovevshee» predstavitel'stvo [«Bronze» Representation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2011, no. 4, pp. 26–31.

Grib V. V. Upravlenie institutami grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Management of Civil Society Institutions in Russia], *Rossiiskii sud'ya*, 2010, no. 3, pp. 28–33.

Grigor'ev A. V. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii pri osushchestvlenii institutov pryamoi demokratii v Rossii* [Constitutional and Legal Regulation of the Use of Modern Information and Communication Technologies in the Implementation of Institutions of Direct Democracy in Russia]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2020, 224 p.

Komarova V. V. Demokratiya – konstitutsionnyi imperativ [Democracy Is a Constitutional Imperative], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2009, no. 22, pp. 2–5.

Komarova V. V. Real'noe i mnimoe rasshirenie predmeta konstitutsionnogo prava [Real and Imaginary Extension of the Subject Matter of Constitutional Law], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 10, pp. 11–23, DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.011-023.

Kuryachaya M. M. Elektronnoe golosovanie kak etap razvitiya neposredstvennoi demokratii [Electronic Voting as a Direct Democracy Development Stage], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 11, pp. 31–35.

Lazarev V. V. Gosudarstvo v svete memologii [State in the Light of Memology], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2020, no. 3, pp. 3–18, DOI: 10.12737/jrl.2020.026.

Libanova S. E. *Demokuriya* [Democuria], Kurgan, Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2014, 318 p.

Mazurenko A. P. *Rossiiskaya pravotvorcheskaya politika: kontsepsiya i real'nost'* [Russian Law-Making Policy: Concept and Reality], Moscow, Yurist, 2010, 392 p.

Nevinskii V. V. Obshcherossiiskii referendum: sodержanie i znachenie konstitutsionno-pravovykh novell 2002 i 2004 gg. [All-Russian Referendum: The Content and Significance of Constitutional and Legal Novels 2002 and 2004], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2005, no. 3, pp. 14–17.

Pashkov O. V. O formakh kontrolya munitsipal'nogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya v zarubezhnykh stranakh [On Forms of Control of Municipal Government and Local Self-Government in Foreign States], *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 2014, no. 9, pp. 19–24.

Rudenko V. N. *Pryamaya demokratiya. Modeli pravleniya, konstitutsionno-pravovye instituty* [Direct Democracy. Models of Government, Constitutional and Legal Institutions], Ekaterinburg, 2003, 476 p.

Sergeev A. A. *Problemy demokratizatsii zakonodatel'nogo protsessa* [Problems of Democratization of the Legislative Process], Avak'yan S. A. (ed.) *Parlamentskie protsedury: problemy Rossii i zarubezhnyi opyt* [Parliamentary Procedures: Russia's Problems and Foreign Experience]: conference papers, Moscow, MGU, 2003, pp. 316–321.

Shustrov D. G. *Organizatsiya gosudarstvennoi vlasti i razdelenie vlastei v Italii* [Organization of State Power and Separation of Powers in Italy], Avak'yan S. A. (ed.) *Organizatsiya gosudarstvennoi vlasti v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Organization of State Power in Russia and Foreign Countries], Moscow, Yustitsinform, 2014, pp. 152–163.

Stepanova A. A. Zametki o referendume [Notes on Referendum], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 2, pp. 28–33.

Sultanov A. R. Yavlyaetsya li nemotivirovannoe pravosudie pravosudiem [Can Unsubstantiated Justice Be Considered Justice?], *Rossiiskii sud'ya*, 2017, no. 12, pp. 12–33.

Svistunov A. A., Shepanskii I. S. Problemnye voprosy zanyatosti yuristov i ee struktura [Problem Issues of Lawyers Engagement and Its Structure], *Yuridicheskii mir*, 2016, no. 4, pp. 55–62.

Uvarov A. A. Effektivnost' narodovlastiya v sootnoshenii s formami pryamogo voleiz'yavleniya grazhdan [Efficiency of the Rule of the People in Correlation with the Forms of Direct Expression of the Will of Citizens], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2018, no. 3, pp. 32–35.

Yugov A. A. *Zakonotvorcheskii protsess v Rossiiskoi Federatsii kak printsip sistemnosti* [The Legislative Process in the Russian Federation as a Principle of Systemicity], Kazan', Buk, 2018, 46 p.

Olga Fomicheva – candidate of juridical sciences, associate professor, head of the Department of civil law disciplines, Moscow Finance and Law University, a branch in Orsk. 462401, Russian Federation, Orsk, Stroitelei str., 25. E-mail: olga-fomicheva@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-4000-0924

Дата поступления в редакцию / Received: 29.01.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2021

А. И. Окулич
Частнопрактикующий юрист
(Челябинск)

**«БЕЛОЕ ПЯТНО»
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
МНОЖЕСТВЕННАЯ ФОРМА ДИСКРИМИНАЦИИ ЛИЧНОСТИ**

Провозглашая идею равенства прав, свобод и возможностей, государство, среди прочего, берет на себя ответственность по защите личности от неправомерного ограничения прав, в том числе дискриминации. В настоящее время мировое сообщество активно призывает государства ликвидировать все формы дискриминации. В зарубежной литературе наблюдается тенденция к всестороннему изучению множественной дискриминации. В российской же правовой действительности эта проблема остается незамеченной, что является существенным научным упущением.

Автор исследует зарубежные представления о множественной дискриминации, поскольку именно в таких странах, как США, Канада, Соединенное Королевство, начинают признавать существование множественной дискриминации, особенно если дело касается темнокожих женщин. В России множественной дискриминации подвергаются молодые беременные женщины. При этом антидискриминационное законодательство не разработано, отсутствует эффективный механизм защиты личности от дискриминации в целом и от множественной дискриминации в частности. Необходимо обеспечить решение данной проблемы, препятствующей развитию Российской Федерации как демократического и правового государства.

Ключевые слова: дискриминация, множественная дискриминация, зарубежные исследования дискриминации по нескольким признакам, права человека, судебная защита прав

Для цитирования

Окулич А. И. «Белое пятно» российской правовой действительности: множественная форма дискриминации личности // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 20–27. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_20.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_20

С момента принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. международное сообщество признает необходимость защиты прав человека. Именно Всеобщая декларация прав человека выступила основополагающим началом для разработки и принятия ряда документов, призванных гарантировать защиту прав человека. Международно-правовая система защиты прав человека включает защиту от дискриминации. Это следует из ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит: «Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации».

Позднее для борьбы с наиболее распространенными и трудноискоренимыми видами дискриминации были приняты международные документы, конкретизирующие дискриминацию исходя из группы людей, чьи права нарушаются вследствие нее (см., например: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.).

Несмотря на то что дискриминация обладает статусом осуждаемого и наказуемого деяния, к сожалению, для миллионов людей она становится неотъемлемым

элементом повседневной жизни. Личность может столкнуться с дискриминацией не только по признаку расы или пола, но и по признаку своего возраста, инвалидности, обладания положительным ВИЧ-статусом, внешнего облика и по многим другим признакам. Дискриминация влечет за собой самые неблагоприятные последствия, в частности ограничение или лишение возможности пользоваться правами и свободами в полном объеме.

Дискриминация может выражаться в различных формах, традиционно выделяются прямая и косвенная формы. Прямая дискриминация представляет собой разное обращение на основании какой-либо характеристики (пол, раса и др.). Косвенная дискриминация предполагает, что установленное равное обращение может быть обманчиво и какой-либо личностный признак скрыто влияет на объем реализации личностью ее прав и свобод [Fredman 2016].

В зарубежной и российской науке также выделяются следующие формы дискриминации: легальная и нелегальная [Крусс 2005: 30], материальная и формальная [Максимов 2012: 120], позитивная и негативная [Каменкова, Мурашко 2006: 3]. При этом существуют формы дискриминации (в частности, множественная), которым в российской науке до сих пор не дано теоретическое описание. Отсутствие исследований, зарегистрированных жалоб по фактам множественной дискриминации способствует тому, что она остается «невидимой» для общества и государства.

Как указано в Замечании общего порядка № 20: Недискриминация экономических, социальных и культурных прав (пункт 2 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) от 2 июля 2009 г. № E/C.12/GC/20, множественная дискриминация представляет собой неправомерное ущемление прав человека по нескольким личностным признакам. Например, женщина-инвалид пенсионного возраста может столкнуться с дискриминацией одновременно по признакам пола, инвалидности и возраста.

Одним из немногих международных документов, упоминающих множественную дискриминацию, является Конвенция о правах инвалидов (заключена в Нью-Йорке 13 декабря 2006 г.). Ее преамбула гласит, что го-

сударства-участники озабочены, в частности, «трудными условиями, с которыми сталкиваются инвалиды, подвергающиеся множественным или обостренным формам дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального, этнического, аборигенного или социального происхождения, имущественного положения, рождения, возраста или иного обстоятельства». Кроме того, в ст. 7 Конвенции подчеркивается, что «женщины-инвалиды и девочки-инвалиды подвергаются множественной дискриминации».

Справедливо отметим, что сегодня в зарубежной доктрине наблюдается тенденция к признанию существования множественной формы дискриминации, особенно отчетливо она прослеживается, если дело касается темнокожих женщин [Makkonen 2002: 23].

Консультант правозащитного фонда *Equal Rights Trust* П. Учеллари сказала следующее: «Люди многомерны, и поэтому их нельзя классифицировать или определять в соответствии с одной характеристикой. Каждый из нас имеет пол, сексуальную ориентацию, возраст, национальность и т. д., и какой-то отдельный аспект нашей личности не обязательно должен быть более важным, чем все остальные. Любая особенность личности или любая их комбинация может быть причиной для дискриминации. Однако несмотря на эту прописную истину многие модели антидискриминационного законодательства основаны на отдельном подходе к каждому отдельно взятому признаку, исходя из которого и произошел факт дискриминации» [Uchellari 2011: 27].

К. Шепард считает, что «существующие методы борьбы с дискриминацией по одному признаку не подходят для противодействия множественной дискриминации... Традиционные институциональные средства правовой защиты, такие как позитивные действия, также уделяют больше внимания устранению неравенства, возникающего в результате дискриминации по одному признаку» [Sheppard 2011: 5].

Понятие и определение множественной дискриминации было предложено в конце 1980-х гг. К. Креншоу [Makkonen 2002: 10]. Вместе с другими учеными он обратил внимание на множество вариаций сочетания расы и пола, приводящих к дискриминации

(особенно темнокожих женщин). К. Креншоу писал, что «люди могут принадлежать к нескольким уязвимым группам одновременно и потенциально страдать от определенных форм дискриминации» [Crenshaw 1989: 142].

Множественной дискриминации в основном уделяет внимание академическое общество в США, Канаде и в Соединенном Королевстве и Ирландии. Большинство ученых из этих стран согласны с тем, что термин «множественная дискриминация» описывает ситуацию, когда человек подвергается дискриминации более чем по одному личностному признаку [Bielefeldt 2007:17].

В зарубежной литературе выработано еще несколько классификаций дискриминации по разным признакам. Некоторые авторы выделяют сложную дискриминацию по двум и более признакам, причем одно основание усиливает неправомерное различие в обращении по другому основанию. Также зарубежная наука называет межсекторальную дискриминацию которая предполагает ситуацию, когда несколько личностных оснований неразрывно взаимодействуют друг с другом. Однако исходя из представлений англосаксонской доктрины сложная и межсекторальная дискриминация являются разновидностями множественной дискриминации [Uccellari 2011: 29].

В финской правовой науке немного иное представление о множественной дискриминации и ее компонентах. Так, Т. Макконен понимает ее как ситуацию, при которой лицо обладает несколькими личностными признаками, но дискриминация происходит то по одному, то по другому признаку в разное время. Составная дискриминация означает дискриминацию по двум или более признакам, один из которых дополняет другой. Дискриминацию по нескольким личностным пересекающимся признакам, по мнению Т. Макконена, следует называть перекрестной, а все эти типы дискриминации в совокупности составляют интерсекциональную дискриминацию [Makkonen 2002: 10].

В Канаде некоторые суды и трибуналы начали осознавать необходимость принятия специальных положений о множественной дискриминации и признания социального, экономического и исторического контекста, в котором она имеет место. В отдельных решениях Верховного Суда Канады со-

держались комментарии по множественной дискриминации и пересекающимся признакам, а также обсуждался социальный контекст и жизненный опыт лиц, подвергшихся ей.

Так, в деле «Иршад против Министерства здравоохранения провинции Онтарио» Суд определил, что причина, по которой заявителю отказали в медицинском страховании, заключалась том, что он был одновременно иммигрантом и лицом с ограниченными возможностями здоровья. Суд также установил, что согласно действующему законодательству если бы заявитель не был инвалидом, то он бы мог получить страховку в соответствии с Законом об иммиграции или получил бы страховку, если бы был гражданином Канады с инвалидностью.

В особом мнении по одному из дел судья Верховного Суда Канады Л'Эро-Дюбе отметила следующее: «Все больше признается, что основания дискриминации могут пересекаться и что отдельные лица страдали или могут страдать от исторической изоляции по признаку расы и пола, возраста и физических недостатков или какой-либо другой комбинации признаков». Она также подчеркнула, что «отнесение такой дискриминации к расовой или к гендерной неверно отражает реальность дискриминации в том виде, в каком ее могут испытывать отдельные лица. Дискриминация может иметь место по многим личностным основаниям, и в этом случае неверно утверждать, что это тот или иной признак спровоцировал дискриминацию. Возможно, будет более реалистичным признать, что оба признака могут присутствовать и пересекаться».

Зарубежные правоведы критически относятся к осуществлению защиты личности от дискриминации выборочно только по одному признаку, если имела место дискриминация по нескольким признакам; такая защита не соответствует главенствующей идее о том, что человек, его права и свободы есть высшая ценность [Bielefeldt 2007:17].

В российской правовой действительности (повторим) проблема множественной дискриминации остается незамеченной. Одним из немногих, кто говорит о ее существовании, является А. Г. Осипов, раскрывающий суть этого феномена через сочетание таких

личностных признаков, как этнос, гражданство и место жительства [Осипов 2009].

Конечно, говорить о том, в России не существует множественной дискриминации, было бы заблуждением. Например, на российском рынке труда весьма нередки случаи дискриминации женщин молодого возраста (здесь мы видим совокупность признаков: пол и возраст). Дело в том, что большинство работодателей не готово трудоустраивать молодую сотрудницу ввиду того, что она может временно прекратить осуществление трудовой функции в связи с отпуском по уходу за ребенком.

Признак беременности и материнства, согласно судебной практике Европейского союза, считается формой дискриминации по признаку пола. Находим такой подход обоснованным и отражающим причинные связи, поскольку беременность представляет собой ординарное состояние для женщины. На международном уровне такое дискриминационное основание как беременность, прямо не закреплено, однако в некоторых странах приняты законодательные акты, запрещающие дискриминацию по признаку беременности (например, Канадский акт о правах человека 1977 г. Закон о дискриминации в отношении беременных 1978 г. в Соединенных Штатах Америки).

Дискриминация по признаку беременности означает осуществление любых неблагоприятных действий (бездействие) в отношении женщины вследствие того, что она беременна или намеревается забеременеть. Многие работодатели, ссылаясь на экономические трудности, стремятся избежать дополнительных затрат и отказывают в приеме на работу женщинам, у которых есть или могут появиться маленькие дети, поскольку женщине в состоянии беременности необходимо предоставлять определенные льготы, например в виде легкого труда или сокращенного рабочего дня. С сожалением отметим, что работодатели, у которых появилась сотрудница, находящаяся в состоянии беременности, создают для нее невыносимые условия труда или снижают заработную плату. Такими действиями работодатели намеренно провоцируют увольнение работницы по собственной инициативе.

Подобное положение дел идет вразрез с нормами Конституции Российской Федерации, закрепляющими защиту материнства (ст. 38). Как справедливо отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации, «материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства».

Однако в силу опасения остаться без источника дохода многие работницы, находящиеся в состоянии беременности, претерпевают понижение в должности, мирятся с отсутствием перспектив карьерного роста, работают в условиях, не подходящих для беременных, рискуют своим здоровьем, а фактически – и здоровьем будущих поколений, что в итоге сказывается на дальнейшем развитии российского народа.

Средний возраст рождения ребенка у женщины колеблется от 20 до 35 лет, т. е. приходится на период молодости. В трудовой сфере в целом наблюдается необъективное отношение к молодым работникам ввиду того, что у них недостаточно опыта работы, а значит работодателю приходится понести определенные финансовые затраты с целью обучения сотрудника. Поэтому в большинстве случаев молодым работникам, особенно женского пола, отказывают в приеме на работу. Подобная практика является ничем иным как дискриминацией по признаку возраста или, как ее еще именуют зарубежные исследователи, «эйджизмом».

Положение молодых женщин усугубляется и тем, что в России женщины зарабатывают

меньше, чем мужчины. Согласно Добровольному национальному обзору хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., подготовленному Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации, в 2019 г. отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составило 72,1 %, т. е. фактически женщины получают на 30 % меньше, чем мужчины. При этом Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации (ч. 3 ст. 37).

Учитывая данные факты, можно констатировать, что женщины, особенно молодые, и так постоянно подвержены дискриминации по признаку пола, а такие признаки, как возраст и состояние беременности, создают предпосылки для множественной дискриминации женщин.

В России правовой подход к решению вопросов, связанных с множественной дискриминацией, не выработан

Предвзятое отношение в силу сочетания указанных выше признаков далеко не единственный пример множественной дискриминации. Личность обладает многими индивидуальными характеристиками, различные комбинации которых, к сожалению, в той или иной ситуации или сфере способны привести к дискриминации.

В России правовой подход к решению вопросов, связанных с множественной дискриминацией, не выработан. Проблема осложняется тем, что в нашей стране отсутствуют эффективные механизмы защиты личности от дискриминации в целом.

Сегодня рассмотрением и разрешением дел, связанных с дискриминацией, занимаются суды общей юрисдикции. Однако в большинстве случаев судебная практика в этой сфере представляет собой рассмотрение дел по ст. 5.62 (дискриминация) Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Например, в решении Ленинского районного суда Омска от 2 августа 2017 г. по делу № 12-175/2017 было установлено, что обще-

ство с ограниченной ответственностью нарушило трудовые права, свободы и законные интересы физического лица, отклонив его кандидатуру для трудоустройства на вакантную должность продавца продовольственных товаров ввиду удаленности его места жительства от места нахождения данного юридического лица. Суд признал общество с ограниченной ответственностью виновным по ст. 5.62 КоАП РФ и назначил наказание в виде административного штрафа.

В российской судебной практике много подобных судебных решений, и их ключевая проблема в том, что они направлены не на восстановление нарушенных прав личности, а на восстановление общественного порядка, и по факту все сводится к оплате штрафа в пользу государства. Практически невозможно найти судебные постановления, в которых устанавливался бы факт дискриминации и предписывалось выплатить заявителю компенсацию за нарушение прав, произошедшее вследствие дискриминации.

Кроме того, в судебной системе нет квалифицированных кадров, обладающих знаниями в области прав человека. Судьи не всегда представляют, как правильно рассматривать дела о дискриминации, ввиду того что они руководствуются только широким определением дискриминации, закрепленным в российском законодательстве (ст. 5.62 КоАП РФ, ст. 136 УК РФ).

Действительно, опираясь исключительно на законодательное определение, сложно установить состав дискриминации и признаки, которые прямо или косвенно на нее указывают. Отдельного внимания заслуживает проблема установления бремени доказывания. Согласно ст. 56 ГПК РФ «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается». Однако доказывание фактов дискриминации не вписывается в общую картину гражданских правоотношений в силу своей специфики, поэтому необходимо специальное распределение обязанностей по доказыванию по делам этой категории.

В делах, связанных с дискриминацией, страны общего права руководствуются концепцией доказательств *prima facie*, которая подразумевает, что очевидное и достаточное доказательство, кажущееся достоверным, является таковым при отсутствии опроверже-

ния. Подобные доказательства используются в порядке опровержимой презумпции – «при отсутствии доказательств в пользу противного» [Гребельский 2017]. Данная концепция была отражена в постановлении Европейского Суда по правам человека «Эндерби против Французского управления здравоохранения». Суд провозгласил принцип, согласно которому в случаях, когда *prima facie* дискриминация установлена, бремя доказывания ее отсутствия переходит на обвиняемую сторону.

Важно подчеркнуть, что российский судебный механизм защиты личности от дискриминации предполагает проверку факта дискриминации лишь по одному личностному признаку.

Учитывая изложенное, следует сказать, что в Российской Федерации механизм за-

щиты от дискриминации требует незамедлительного реформирования. Необходимо развивать правовую базу, предусматривающую ответственность за дискриминацию в целом и множественную дискриминацию в частности. Также отметим, что в России нет специализированного органа, занимающегося вопросами дискриминации, как, например, в развитых западных странах.

Сегодня Российскому государству нужно обеспечить постоянное внимание к проблеме дискриминации, в том числе множественной. Первоначальным этапом должны выступить научные правовые изыскания, авторы которых, анализируя опыт зарубежных исследований, должны разработать понятийно-категориальный аппарат с целью дальнейшего создания эффективных способов защиты личности от дискриминации.

Список литературы

Bielefeldt H. Tackling Multiple Discrimination: Practices, Policies and Laws. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. 70 p.

Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics // *The University of Chicago Legal Forum*. 1989. P. 139–167.

Fredman S. The Reason Why: Unravelling Indirect Discrimination // *Industrial Law Journal*. 2016. Vol. 45. № 2. P. 231–243.

Makkonen T. Multiple, Compound and Intersectional Discrimination: Bringing the Experiences of the Most Marginalized to the Fore. Turku: Åbo Akademi University, 2002. 65 p.

Sheppard C. Multiple Discrimination in the World of Work. Geneva: International Labour Organization, Global Report on Equality at Work, 2011. 57 p.

Uchellari P. Multiple Discrimination: How Legislation Can Reflect Reality // *The Equal Rights Review*. 2011. № 1. P. 24–49.

Гребельский А. В. Доказательства в международном коммерческом арбитраже: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 259 с.

Каменкова Л. Э., Мурашко Л. О. Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция // *Журнал международного права и международных отношений*. 2006. № 2. С. 3–10.

Крусс В. И. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // *Государство и право*. 2005. № 12. С. 30–42.

Максимов А. А. Теоретические проблемы определения и соотношения гендерного насилия и гендерной дискриминации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 10. С. 119–121.

Осипов А. Г. Дискриминация по признакам, связанным с местом жительства, – основные аспекты и контуры проблемы // *Демоскоп Weekly*. 2009. № 361.

Анастасия Ивановна Окулич – частнопрактикующий юрист. 454000, Российская Федерация, Челябинск. E-mail: nancyok08@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-0700-6424

«White Spot» of Russian Legal Reality: Multiple Discrimination

Proclaiming the idea of equality of rights, freedoms and opportunities, the state, among other things, assumes the responsibility to protect the individual from unlawful restrictions of rights, including discrimination. The international community is now actively calling on states to eliminate all forms of discrimination. Foreign scholars are paying interest to comprehensive study of multiple discrimination.

In the Russian legal reality the problem of multiple discrimination remains unnoticed, which is a significant scientific omission. The author of the paper analyzes foreign concepts of multiple discrimination, since it is in countries such as the United States, Canada, and the United Kingdom there is the tendency to recognize the existence of multiple discrimination, especially of black women. In Russia, multiple discrimination of young pregnant women takes place. Our country has not developed anti-discrimination legislation, and there is no effective mechanism for protecting individuals from discrimination in general and multiple discrimination in particular. Neglecting this issue will hinder the successful development of the Russian Federation as a democratic and legal state.

Keywords: *discrimination, multiple discrimination, foreign concepts of discrimination on several grounds, human rights, judicial protection of the rights and freedoms*

Recommended citation

Okulich A. I. «Beloe pyatno» rossiiskoi pravovoi deistvitel'nosti: mnozhestvennaya forma diskriminatsii lichnosti [«White Spot» of Russian Legal Reality: Multiple Discrimination], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 20–27, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_20.

References

Bielefeldt H. *Tackling Multiple Discrimination: Practices, Policies And Laws*, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 2007, 70 p.

Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politic, *The University of Chicago Legal Forum*, 1989, pp. 139–167.

Fredman S. The Reason Why: Unravelling Indirect Discrimination, *Industrial Law Journal*, 2016, vol. 45, no. 2, pp. 231–243.

Grebel'skii A. V. *Dokazatel'stva v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe* [Evidence in International Commercial Arbitration]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2017, 259 p.

Kamenkova L. E., Murashko L. O. Pozitivnaya diskriminatsiya: ponyatie, sodержanie, evolyutsiya [Positive Discrimination: Concept, Content, Evolution], *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, 2006, no. 2, pp. 3–10.

Kruss V. I. Diskriminatsiya i differentsirovannyi podkhod k obladatelyam konstitutsionnykh prav i svobod [Discrimination and Differential Treatment of Holders of Constitutional Rights and Freedoms], *Gosudarstvo i pravo*, 2005, no. 12, pp. 30–42.

Makkonen T. *Multiple, Compound and Intersectional Discrimination: Bringing the Experiences of the Most Marginalized to the Fore*, Turku, Åbo Akademi University, 2002, 65 p.

Maksimov A. A. Teoreticheskie problemy opredeleniya i sootnosheniya gendernogo nasiliya i gendernoi diskriminatsii [Theoretical Problems of Definition and Correlation of Gender-Based Violence and Gender Discrimination], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 10, pp. 119–121.

Osipov A. G. Diskriminatsiya po priznakam, svyazannym s mestom zhitel'stva, – osnovnye aspekty i kontury problemy [Discrimination on Grounds Related to Place of Residence – Main Aspects and Contours of the Problem], *Demoskop Weekly*, 2009, no. 361.

Sheppard C. *Multiple discrimination in the World of Work*, Geneva, International Labour Organization, Global Report on Equality at Work, 2011, 57 p.

Uchellari P. Multiple Discrimination: How Legislation Can Reflect Reality, *The Equal Rights Review*, 2011, no. 1, pp. 24–49.

Anastasiya Okulich – private legal practitioner. 454000, Russian Federation, Chelyabinsk.
E-mail: nancyok08@gmail.com.

ORCID: 0000-0003-0700-6424

Дата поступления в редакцию / Received: 05.02.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2021

И. А. Ведель

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛИЗМ ПРИ ОТСУТСТВИИ УНИВЕРСАЛИЗМА

Автор предпринял попытку сделать обобщающий анализ международно-правовой регламентации международной деятельности субъектов России на разных уровнях правового регулирования: универсальном, региональном и локальном (двустороннем). Вопросы, связанные с терминологией, формами и содержанием международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, затрагиваются лишь отчасти. В статье констатируется отсутствие международного регулирования рассматриваемых отношений на универсальном уровне. Подчеркивается, что международные нормы о международных связях субъектов Российской Федерации содержатся в основном в правовых актах, принятых некоторыми международными региональными организациями (на примере Совета Европы, Европейского союза, Содружества Независимых Государств).

Большое внимание уделяется изучению вопроса о регламентации международной деятельности российских регионов в двусторонних (межправительственных) международных соглашениях России с иностранными государствами. Такие соглашения делятся автором на четыре группы с точки зрения их содержания и направленности регулирования: 1) соглашения, имеющие общий характер и посвященные принципам, основам сотрудничества; 2) соглашения о содействии сотрудничеству между территориальными образованиями государств; 3) соглашения с сопредельными государствами в целях развития приграничного сотрудничества; 4) соглашения по отдельным субъектам РФ.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, международная деятельность субъектов Российской Федерации, международные и внешнеэкономические связи, субъекты Российской Федерации, межрегиональное сотрудничество, регионализм

Для цитирования

Ведель И. А. Международно-правовое регулирование международной деятельности субъектов Российской Федерации: регионализм при отсутствии универсализма // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 28–37. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_28.

УДК 341.213

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_28

Международное право регулирует отношения прежде всего между государствами, среди которых выделяются особые по форме государственного устройства, называемые федерациями. Большинство крупнейших (во многих смыслах этого слова) ныне существующих государств являются именно федеративными (Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Бразилия, Аргентина, Федеративная Республика Германия, Индия, Австралия, Канада и др.). Однако традици-

онными субъектами международного права, наделяемыми международными правами и обязанностями, считаются сами федеративные государства, а не их регионы (субъекты федерации).

Это не означает, что субъекты федеративных государств не могут участвовать в международной деятельности. Например, субъекты Российской Федерации являются активными участниками международных связей. Такие связи реализуются в основном по линии

внешнеэкономической деятельности, включая инвестиционное, внешнеторговое и иное экономическое взаимодействие. Данный аспект отмечен в работах многих исследователей. Так, Ю. С. Безбородов замечает, что одной из основных целей сотрудничества регионов с иностранными партнерами является стимулирование инвестиционной деятельности [Безбородов 2010: 31]. А. Ф. Линецкий и ряд других ученых с экономической точки зрения обосновывают роль внешнеэкономической деятельности в развитии субъектов России и отдельных муниципальных образований (в частности, в Уральском регионе) [Линецкий, Бочарникова, Котомцев 2020]. Воздействие глобализации на регионы федераций исследуют и представители философской науки, подчеркивая, что именно в экономической сфере это проявляется наиболее зримо [Мухортов 2011: 35–36; Фарушкин 2010: 83–84].

Тезис о том, что именно внешнеэкономические связи являются основой международного сотрудничества субъектов Российской Федерации, во всяком случае на современном этапе развития регионов России и государства в целом, представляется верным. Этому способствовали и процесс реальной федерализации государства, и либерализация экономики, и вхождение России в международные организации, стимулирующие региональное развитие. Для многих регионов внешнеэкономическая деятельность стала важным, а в ряде случаев – доминирующим фактором социально-экономического развития [Международные и внешнеэкономические связи 2001: 7]. Вместе с тем это далеко не единственная сфера взаимодействия российских регионов с иностранными партнерами. Ряд авторов отмечают, что необходимо разграничивать международные и внешнеэкономические связи субъектов РФ [Антонова 2015: 12; Белоцеркович 2018: 106–107].

Не вдаваясь в дискуссию о терминах, отметим, что настоящая работа преследует цель не раскрыть конкретные отношения, возникающие между российскими и иностранными регионами, а, скорее, проанализировать имеющееся международно-правовое регулирование различного уровня отношений между Российской Федерацией и иностранными государствами в сфере межрегионального сотрудничества. При этом

используется термин «международная деятельность», означающий любое взаимодействие (международные и внешнеэкономические связи) регионов на любом уровне.

В связи с этим можно сказать, что субъекты федеративных государств не только имеют возможность участвовать в международной деятельности, но и обладают в определенном смысле международной правосубъектностью. Схожей позиции придерживаются и некоторые иностранные авторы [Akehurt's Modern Introduction 2002: 81; Foreign Relations in Federal Countries 2009: 3]. Однако для реализации субъектами Федерации международной деятельности требуются правовые основания. Несмотря на то что правовое регулирование данной сферы достаточно общее, во многом не детализированное, а в определенных моментах весьма спорное, надо констатировать, что международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской

На универсальном уровне нормы международного права до сих пор не регулируют вопрос об участии субъектов федераций в международной деятельности

Федерации, так или иначе, регламентируются практически на всех уровнях правового регулирования. При этом общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры России, являясь частью российской правовой системы, служат одной из основ международных связей субъектов Российской Федерации.

На универсальном уровне нормы международного права до сих пор не регулируют вопрос об участии субъектов федераций в международной деятельности. Данная проблема обозначалась в науке международного права еще в 1990-х гг., но осталась не разрешенной. В частности, Г. В. Игнатенко отмечал, что «...само международное право практически свободно от норм, которые хоть в какой-то мере определяли бы международно-правовой статус политико-территориальных образований, являющихся составными частями федеративных государств...» [Игнатенко 1995: 15]. В. Л. Толстых указывал на то, что международное право не содержит универсальных норм, регулирующих между-

народную деятельность субъектов федерации [Толстых 1998: 61]. Э. Н. Лукьянченко утверждает, что «правовой статус субъектов Федерации (в частности, его „международные“ аспекты) не регулируется международным правом, его правовые основания следует искать исключительно в нормах внутрисоциального права» [Лукьянченко 2003: 10].

С последним утверждением согласиться сложно, учитывая разнообразие норм международного права, действующих не только на универсальном уровне, но и на региональном и локальном (двустороннем) уровнях международно-правового регулирования. Если, как уже отмечалось, универсальных международных норм, регулирующих вопросы международного статуса и международной деятельности субъектов федераций не выработано, то некоторые региональные международные организации и предусмотрели международные договорные нормы, регламентирующие региональное сотрудничество государств-участников. В качестве примеров приведем правовое регулирование данной сферы в Совете Европы, Содружестве Независимых Государств, Европейском союзе и некоторых других организациях.

В рамках Совета Европы в 1980 г. была заключена Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, к которой в 1995, 1998 и 2009 г. соответственно были приняты три дополнительных протокола. Для России указанная Конвенция вступила в силу в 2003 г., Дополнительный протокол и Протокол № 2 – в 2009 г., а Протокол № 3 действует с 2017 г. Значимость Конвенции состоит в том, что впервые в пределах Совета Европы были урегулированы основные аспекты международного приграничного сотрудничества между сопредельными территориями государств-членов этой организации. Она фактически ликвидировала государственные границы как социальный, экономический и культурный барьер и способствовала возникновению «Европы регионов» [Василькова 2020: 53].

Под территориальными сообществами и властями Конвенция понимает сообщества, властные структуры или их органы, осуществляющие властные полномочия на региональном и местном уровне и рассматриваемые в качестве таковых в соответствии

с внутренним законодательством каждого государства (п. 2 ст. 2). К приграничному сотрудничеству относятся любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более Договаривающихся Сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения указанных целей (п. 1 ст. 2). Сегодня Конвенция является основным нормативным правовым актом в Совете Европы, устанавливающим правовые рамки и формы участия региональных и местных властей государств-участников в международных приграничных связях.

Не менее важную роль в регулировании рассматриваемых отношений играют упомянутые три дополнительных протокола к Конвенции. Дополнительный протокол 1995 г. устанавливает обязательство стран-участниц Конвенции и данного протокола признавать и уважать право их территориальных сообществ и властей заключать соглашения о приграничном сотрудничестве в совпадающих областях в соответствии с процедурами, предусмотренными их уставными документами, но в рамках национального законодательства. Отдельно оговаривается, что соглашение о приграничном сотрудничестве влечет ответственность исключительно сообществ и властей, которые его заключили. Кроме того, закрепляется возможность создания в рамках соглашения органа по приграничному сотрудничеству, который может обладать или не обладать правосубъектностью.

Значение Протокола № 2 заключается в том, что он вводит новый термин «межтерриториальное сотрудничество», подразумевающее любые согласованные действия (в том числе ведение переговоров, заключение соглашений), направленные на установление отношений не только между приграничными, но и между несопредельными территориальными общинами и властями в соответствии с процедурами, предусмотренными их уставами в рамках национального законодательства. Таким образом, очевидно, что со вступлением в силу Протокола № 2 европейские государства получили юридический инструмент, регулирующий межрегиональное сотрудничество на континенте [Международные и внешнеэкономические связи 2001: 108].

Наконец, Протокол № 3 выводит приграничное (межтерриториальное) сотрудничество европейских регионов на новый уровень: у региональных и местных властей появилась возможность создавать европейские региональные объединения сотрудничества (ЕвРОС). В Протоколе № 3 регламентируются статус ЕвРОС, процедура учреждения на основании соглашения, частью которого должен быть учредительный акт (устав) данного объединения, его компетенция и сфера действия, ответственность, разрешение споров между ЕвРОС и его членами и другие вопросы.

В Содружестве Независимых Государств действует Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ 2008 г. Она регламентирует приграничное сотрудничество, под которым понимаются согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, заключение в соответствии с законодательством Сторон соглашений, необходимых для достижения этих целей (ст. 1). Как и в Европейской рамочной конвенции 1980 г. и дополнительных протоколах к ней, в Конвенции СНГ предусматривается возможность создания совместных органов по приграничному сотрудничеству (ст. 5). Особенность Конвенции СНГ еще и в том, что в ней перечисляются конкретные направления деятельности, в рамках которых прежде всего и предполагается приграничное сотрудничество: создание особых экономических зон, приграничная торговля, мероприятия по охране окружающей среды, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществление инвестиционных проектов, производственно-техническое сотрудничество, транспорт, сельское хозяйство, информационные технологии и связь, правоохранительная деятельность, здравоохранение, образование, туризм, культура и спорт, научное сотрудничество и т. д. (ст. 7). Столь широкий перечень направлений приграничного сотрудничества свидетельствует о высокой степени взаимной заинтересованности в развитии такого сотрудничества между Россией и странами СНГ в целом, приграничными субъектами РФ и сопредельными регионами соседних республик бывшего СССР.

Несмотря на фактическую приостановку в последние годы сотрудничества между

Российской Федерацией и Европейским союзом по многим направлениям (в том числе по вопросам межрегионального сотрудничества) из-за политических разногласий, нельзя не упомянуть Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, заключенное в 1994 г. между Россией и ЕС (вступило в силу для России в 1997 г.). В соответствии со ст. 73 данного соглашения Стороны укрепляют взаимное сотрудничество по вопросам регионального развития, поощряют обмен информацией между национальными, региональными и местными властями по вопросам политики регионального развития и землеустройства, а также по методам разработки региональной политики, обращая внимание при этом на проблемы развития находящихся в неблагоприятных условиях регионов. Кроме того, Стороны способствуют прямым контактам между соответствующими регионами и государственными органами, ответственными за планирование регионального развития с целью обмена методами и формами поощрения регионального развития.

В 2005 г. была утверждена «Дорожная карта» по общему экономическому пространству. В ее п. 1.7 «Межрегиональное и приграничное сотрудничество» провозглашается цель – углубление и диверсификация межрегионального сотрудничества, для достижения которой необходимы следующие действия: повышение значения регионального развития и приграничного сотрудничества посредством активной поддержки приграничных инициатив и программ; поощрение вовлечения основных местных и региональных участников, таких как органы власти и гражданское общество, по всем аспектам приграничного сотрудничества; дальнейшее углубление сотрудничества и содействие инвестициям в области приграничной инфраструктуры и в вопросах, имеющих отношение к приграничному сотрудничеству; содействие установлению и укреплению экономических связей между регионами России и ЕС, а также между населением этих регионов.

На основании указанных документов и в развитие межрегионального и приграничного сотрудничества между Россией и Европейским союзом в 2007 г. был подписан

Меморандум о взаимопонимании для установления диалога о региональной политике между Министерством регионального развития Российской Федерации и Европейской комиссией. Как указано в п. 7 Меморандума, он не создает каких-либо международных обязательств для России и Европейских сообществ и не является международным соглашением в соответствии с международным правом. Однако этот документ отражает намерения России и Европейского союза развивать и углублять сотрудничество по линии межрегионального взаимодействия, обмениваться информацией, мнениями и наработками, опытом разработки региональных стратегий и методик подготовки многолетних программ, а также координировать совместные действия и решать другие вопросы региональной политики, представляющие взаимный интерес.

В 1985 г. отдельными регионами преимущественно государств Западной Европы был учрежден Совет европейских регионов, переименованный позднее в Ассамблею регионов Европы (АРЕ). Сегодня членами АРЕ являются регионы 35 государств, в том числе некоторые субъекты Российской Федерации (в частности, Республики Мордовия и Татарстан). Как сказано в ст. 1 Устава Ассамблеи регионов Европы, ее миссия заключается в том, чтобы быть голосом регионов Европы, а в качестве целей провозглашаются продвижение интересов регионов в Европе и за ее пределами и содействие межрегиональному сотрудничеству для обмена опытом и развития региональной политики.

В рамках Ассамблеи в 1996 г. был принят важный с точки зрения развития межрегионального сотрудничества документ, определивший понятие «регион», отразивший вопросы компетенции и взаимоотношения между регионами и государством, в которое они входят, между регионами и муниципальными властями, а также установивший принципы и рамки международной деятельности регионов (возможность заключать международные соглашения, открывать свои представительства за рубежом, участвовать в соответствующих международных организациях и т. д.), но в пределах внутригосударственного законодательства. Речь идет о Декларации Ассамблеи регионов Европы по регионализму в Европе. В ее ст. 13 особо отмечается, что данный документ

носит политический характер и не является юридически обязательным. В то же время в ней подчеркивается, что регион выступает наилучшей формой организации, разрешающей региональные проблемы. Государства Европы должны, насколько это возможно, способствовать передаче регионам полномочий, а также финансовых ресурсов, необходимых для их существования, внося при необходимости изменения в международные нормы. АРЕ и ее члены обращаются к правительствам, институтам Европейского союза и другим европейским органам с просьбой о содействии в достижении целей Декларации.

Большую роль в регулировании международной деятельности субъектов Российской Федерации играют двусторонние международные (межправительственные) соглашения. Они заключались и во времена Советского Союза (например, Соглашение между Правительством СССР и Правительством Канады о сотрудничестве между союзными республиками Союза ССР и провинциями Канады от 20 ноября 1989 г., состоявшее всего из трех статей и прекратившее действие в связи с заключением Соглашения между Россией и Канадой в 2000 г.). Практика заключения межправительственных соглашений в данной сфере была продолжена Российской Федерацией в 1990-х гг., такая работа ведется и сегодня.

Двусторонние межправительственные соглашения по региональному сотрудничеству различны с точки зрения субъектного состава. Среди действующих двусторонних договоров можно выделить договоры, заключенные Российской Федерацией с иностранными федеративными и унитарными государствами; со странами дальнего и ближнего зарубежья; с приграничными государствами и странами, не имеющими общих границ с Россией. Однако наибольший интерес вызывает разнообразие заключенных межправительственных соглашений о межрегиональном сотрудничестве с точки зрения их содержания и направленности регулирования. Можно выделить следующие группы таких соглашений.

1. Сегодня действуют двусторонние соглашения о содействии сотрудничеству на региональном уровне, которые имеют общий (рамочный) характер и посвящены принципам, основам такого сотрудничества. К ним,

например, относятся российско-китайское межправительственное Соглашение о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов Российской Федерации и местными правительствами Китайской Народной Республики 1997 г., а также подобные соглашения с Вьетнамом, Индией и Канадой, заключенные в 2000 г. (в названиях отражается, что это соглашения именно о принципах сотрудничества между регионами России и соответствующих государств). В этих договорах закреплено, что Стороны будут активно содействовать развитию двустороннего (и многостороннего, как сказано в Соглашении с Канадой) сотрудничества между субъектами России и регионами указанных государств. Во всех соглашениях предусмотрено право регионов достигать в соответствии с национальным законодательством договоренности и заключать друг с другом международные соглашения, которые не являются международными договорами (это также отдельно указывается во всех названных соглашениях). Кроме того, в соглашениях обозначены сферы, в рамках которых органы власти регионов не вправе иметь какие-либо связи: вопросы государственного суверенитета, территориальной целостности, внешней политики, обороны и другие вопросы, находящиеся в ведении самих договаривающихся государств.

2. С некоторыми государствами (как в рамках СНГ, так и за его пределами), у которых нет общих границ с Российской Федерацией, заключены двусторонние соглашения о содействии сотрудничеству между территориальными образованиями.

В частности, можно выделить межправительственные соглашения, заключенные Российской Федерацией с Францией в 2011 г., Таджикистаном в 2012 г. и Узбекистаном в 2017 г. В данных соглашениях употребляются термины «территориальное образование» или «регион» (субъект РФ и административно-территориальная единица – как указано в договорах с Таджикистаном и Узбекистаном, по соглашению с Францией – регион, департамент, коммуна, объединение коммун), «компетентные органы государств Сторон» и «хозяйствующие субъекты». Отмечается, что Стороны содействуют развитию между территориальными образованиями торгово-экономического, научно-технического, куль-

турно-гуманитарного и другого взаимовыгодного сотрудничества в соответствии с национальным законодательством. Отдельно называются основные направления сотрудничества: формирование и реализация региональной политики; разработка и реализация стратегий территориального развития, а также методик подготовки долгосрочных целевых программ; реализация региональной инвестиционной политики и повышение инвестиционной активности в территориальных образованиях; развитие инновационной сферы; осуществление совместных программ и проектов, реализуемых в целях социально-экономического развития регионов; содействие установлению и развитию контактов (в том числе деловых) между регионами и т. д.

В силу ст. 8 Соглашения между Россией и Францией 2011 г. координация реализации настоящего Соглашения возлагается на специально создаваемый межгосударственный орган – Комиссию, состоящую из представителей обеих Сторон. Комиссия заседает по мере необходимости, но не реже одного раза в год, поочередно в России и во Франции. Кроме того, Комиссия может создавать координационные органы и рабочие группы по конкретным областям сотрудничества, а также привлекать экспертов для изучения и обсуждения конкретных вопросов и подготовки рекомендаций по ним.

3. Несколько двусторонних международных соглашений подписаны Россией с сопредельными государствами в целях развития приграничного сотрудничества, т. е. они направлены прежде всего на развитие международных связей тех субъектов России, которые граничат с иностранными государствами. Одним из последних было заключено межправительственное Соглашение между Россией и Монголией о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству 2019 г. К схожим по вопросам регулирования относятся соглашения, заключенные Российской Федерацией в 2010 г. с Казахстаном и Украиной, а также в 2012 г. с Финляндией. В них содержится понятийный аппарат, во многом схожий с терминологией в рассмотренных ранее соглашениях с Францией, Таджикистаном и Узбекистаном. Особенность в том, что в соглашениях о приграничном сотрудничестве дается определение понятия «приграничный

регион». Под ним понимаются субъект РФ и регион соответствующего иностранного государства, территории которых прилегают к государственным границам Сторон. В Соглашении с Казахстаном 2010 г., помимо прочего, дается определение межрегионального и приграничного сотрудничества: это согласованная компетентными органами деятельность, направленная на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации и областей Республики Казахстан, в том числе приграничных субъектов Российской Федерации и приграничных областей Республики Казахстан, повышение благосостояния населения, укрепление взаимовыгодных и дружественных отношений между государствами (ст. 3).

Двусторонние соглашения данной группы во многом схожи по содержанию с соглашениями о содействии сотрудничеству между территориальными образованиями, однако соглашения о приграничном сотрудничестве более объемны и содержательны (в среднем они состоят из 14–17 статей, соглашения же о содействии сотрудничеству между территориальными образованиями включают не более 11 статей). Кроме того, совпадают многие направления сотрудничества и формы взаимодействия, но в соглашениях о межрегиональном и приграничном сотрудничестве выделены особые сферы, в рамках которых Стороны оказывают друг другу содействие. Это, например, охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов на территории приграничных регионов, а также взаимная помощь при чрезвычайных ситуациях трансграничного характера (ст. 8 Соглашения с Монголией, ст. 10 Соглашения с Украиной, ст. 10 Соглашения с Казахстаном, ст. 8 Соглашения с Финляндией); обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия и предотвращение угроз возникновения инфекционных заболеваний (ст. 9 Соглашения с Монголией, ст. 11 Соглашения с Украиной); противодействие трансграничной противоправной деятельности (ст. 11 Соглашения с Казахстаном, ст. 11 Соглашения с Монголией); осуществление перевозки грузов и пассажиров между приграничными регионами и транзита через территории Сторон (ст. 9 Соглашения с Украиной, ст. 9 Соглашения с Казахстаном). В Соглашении с Финляндией, по аналогии с российско-французским

Соглашением 2011 г., предусмотрено создание Межправительственной комиссии для координации реализации Соглашения.

4. Особого внимания заслуживают двусторонние межправительственные соглашения, которые можно обозначить как соглашения по отдельным субъектам Российской Федерации. Однако данная группа двусторонних соглашений также неоднородна. Часть подобных соглашений предусматривает сотрудничество конкретного субъекта России с органами власти регионов иностранного государства (связка «субъект РФ – регионы иностранного государства»), а часть соглашений касается вопросов сотрудничества конкретного российского региона с иностранным государством в целом (связка «субъект РФ – иностранное государство»).

В первом случае речь идет, например, о Соглашении между Российской Федерацией и Польшей о сотрудничестве региона Санкт-Петербурга и регионов Республики Польша 1992 г. и Соглашении между Россией и Литвой о долгосрочном сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и регионов Литовской Республики 1999 г. В обоих соглашениях определены сферы сотрудничества, фиксируется возможность региональных и местных властей указанных субъектов России и иностранных регионов устанавливать непосредственные контакты на всех уровнях, заключать соответствующие соглашения, уделяется большое внимание транспортным связям, финансово-экономическому сотрудничеству, предусмотрено создание различных координационных органов долгосрочного сотрудничества.

Ярким примером межправительственного соглашения по линии «субъект РФ – иностранное государство» является Соглашение между Россией и Грецией о развитии регионального сотрудничества между Краснодарским краем Российской Федерации и Греческой Республикой 1993 г. Соглашение состоит из шести статей, в которых провозглашаются цели сотрудничества между Краснодарским краем и Грецией (эффективное использование их природных, экономических и трудовых ресурсов, повышение жизненного уровня народов, более полное использование культурного потенциала), перечисляются основные сферы сотрудничества (промышленность, сельское хозяйство,

строительство, транспорт, связь, финансы, экология, культура, наука, образование и т. д.). Надо отметить, что подобного рода межправительственных соглашений достаточно мало, и заключены они были в 1990-х гг., в дальнейшем практика их заключения не получила развития.

В заключение необходимо отметить, что международно-правовое регулирование вопросов международной деятельности субъектов России достаточно разнообразно, несмотря на то что универсальных международных норм в данной сфере сегодня не предусмотрено. Нормы международного права о межрегиональном сотрудничестве в основном приняты на уровне отдельных международных региональных организаций, в рамках которых есть объективная необходимость в регулировании подобных отноше-

ний, а также на двустороннем (межправительственном) уровне. Двусторонние международные соглашения России по вопросам международной деятельности регионов характеризуются отсутствием единого подхода к установлению содержания и направленности регулирования, во многом обобщенной и поверхностной регламентацией данных вопросов, эпизодичностью принятия и часто неопределенностью целей и задач, поставленных перед субъектами России и самим государством. Очевидно, что международно-правовая регламентация международных связей российских регионов, в которой участвует государство, находится в стадии становления и развития, но при этом очевиден и тот факт, что в межрегиональном сотрудничестве заинтересованы и региональные власти, и федеральный центр.

Список литературы

Akehurt's Modern Introduction to International Law / ed. by P. Malanczuk. 7th rev. ed. L.; N. Y.: Taylor & Francis e-Library, 2002. 449 p.

Foreign Relations in Federal Countries // A Global Dialogue on Federalism / ed. by H. Michelmann. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2009. Vol. V. 413 p.

Антонова Е. И. Некоторые проблемы правового регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации // Концептуальные основы стратегического управления региональным развитием в условиях глобальных вызовов: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксарский филиал ФГБОУ ВПО «РАНХиГС при Президенте РФ», 5 фев. 2015 г.). Чебоксары: Новое время, 2015. С. 11–15.

Безбородов Ю. С. Реализация субъектами Российской Федерации права осуществлять международные и внешнеэкономические связи // Вестник Федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». 2010. № 1. С. 27–32.

Белоцеркович Д. В. Проблемы правового регулирования международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 1. С. 105–113.

Васькова Е. А. Общая характеристика Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве сообществ и властей // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 1. С. 53–57.

Игнатенко Г. В. Международно-правовой статус субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 1995. № 1. С. 3–20.

Линецкий А. Ф., Бочарникова Е. В., Котомцев А. А. Международные и внешнеэкономические связи мегаполисов и регионов России как важнейший фактор экономического развития территорий // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 6. С. 36–42. DOI: 10.24158/rep.2020.6.6.

Лукьянченко Э. Н. Взаимодействие международного и внутригосударственного права и проблемы регулирования международных связей субъектов Российской Федерации (1991–1999 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.

Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. А. Г. Гранберга. М.: Науч. кн., 2001. 352 с.

Мухортов В. В. Глобализация как фактор трансформации федеративного устройства государств // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2011. № 2. С. 34–50.

Толстых В. Л. О правовой природе международной деятельности субъектов федерации // Российский юридический журнал. 1998. № 1. С. 58–61.

Фарушкин М. Х. Судьбы федерализма в условиях глобализации // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6. № 2. С. 82–98.

Игорь Анатольевич Ведель – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: igor_wedel@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4855-0047

International Legal Regulation of the Russian Constituent Entities' International Activities: Regionalism in the Absence of Universalism

The author attempted to make a generalized analysis of the international legal regulation of the Russian constituent entities' international activities at different levels of legal regulation: universal, regional and local (bilateral). Issues related to the terminology, forms and content of international and foreign economic relations of the constituent entities of the Russian Federation are only partially touched upon. In the paper, the lack of international regulation of the relations under consideration at the universal level is stated. It is emphasized that international norms on international relations of the constituent entities of the Russian Federation are mainly contained in legal acts adopted by some international regional organizations (for example, the Council of Europe, the European Union, the Commonwealth of Independent States).

Much attention is paid to studying the issue of regulating the international activities of Russian regions in bilateral (intergovernmental) international agreements between Russia and foreign states. The author divides them into four groups in terms of their content and direction of regulation: 1) agreements of a general nature dedicated to the principles of cooperation; 2) agreements on promoting cooperation between territorial entities of states; 3) agreements with neighboring states in order to develop cross-border cooperation; 4) agreements on individual constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: *international legal regulation, international activities of the constituent entities of the Russian Federation, international and foreign economic relations, constituent entities of the Russian Federation, interregional cooperation, regionalism*

Recommended citation

Vedel' I. A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie mezhdunarodnoi deyatel'nosti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: regionalizm pri otsutstvii universalizma [International Legal Regulation of the Russian Constituent Entities' International Activities: Regionalism in the Absence of Universalism], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 28–37, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_28.

References

Antonova E. I. *Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnykh i vnesh-neekonomicheskikh svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Some Problems of Legal Regulation of International and Foreign Economic Relations of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Kontseptual'nye osnovy strategicheskogo upravleniya regional'nykh razvitiem v usloviyakh global'nykh vyzovov*: [Conceptual Bases of Strategic Management of Regional Development in Conditions of Global Challenges]: conference papers, Cheboksary, Novoe vremya, 2015, pp. 11–15.

Belotserkovich D. V. Problemy pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Problems of Legal Regulation of International and Foreign Economic Relations of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2018, no. 1, pp. 105–113.

Bezborodov Yu. S. Realizatsiya sub"ektami Rossiiskoi Federatsii prava osushchestvlyat' mezhdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi [Rights of The RF Constituent Entities for International and Foreign Economic Relations], *Vestnik Federal'nogo byudzhethnogo uchrezhdeniya «Gosudarstvennaya registratsionnaya palata pri Ministerstve yustitsii Rossiiskoi Federatsii»*, 2010, no. 1, pp. 27–32.

Farukshin M. Kh. Sud'by federalizma v usloviyakh globalizatsii [The Fate of Federalism in the Context of Globalization], *Politicheskaya ekspertiza*, 2010, vol. 6, no. 2, pp. 82–98.

Granberg A. G. (ed.) *Mezhdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [International and Foreign Economic Relations of the Constituent Entities of the Russian Federation], Moscow, Nauch. kn., 2001, 352 p.

Ignatenko G. V. Mezhdunarodno-pravovoi status sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [International Legal Status of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 1995, no. 1, pp. 3–20.

Linetskii A. F., Bocharnikova E. V., Kotomtsev A. A. Mezhdunarodnye i vneshneekonomicheskie svyazi megapolisov i regionov Rossii kak vazhneishii faktor ekonomicheskogo razvitiya territorii [International and Foreign Economic Relations of Megacities and Regions of Russia as the Most Important Factor in the Economic Development of the Territories], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2020, no. 6, pp. 36–42, DOI: 10.24158/pep.2020.6.6.

Luk'yanchenko E. N. *Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava i problemy regulirovaniya mezhdunarodnykh svyazei sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (1991–1999 gg.)* [The Interaction of International and Domestic Law and the Problems of Regulation of International Relations of the Constituent Entities of the Russian Federation (1991–1999)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2003, 24 p.

Malanczuk P. (ed.) *Akehurt's Modern Introduction to International Law*, 7th rev. ed., London, New York, Taylor & Francis e-Library, 2002, 449 p.

Michelmann H. (ed.) *Foreign Relations in Federal Countries. A Global Dialogue on Federalism*, Montreal, Kingston, McGill-Queen's University Press, 2009, vol. V, 413 p.

Mukhortov V. V. Globalizatsiya kak faktor transformatsii federativnogo ustroistva gosudarstva [Globalization as a Factor of Transformation of the Federative State Structure], *Vestnik Bashkirkogo instituta sotsial'nykh tekhnologii*, 2011, no. 2, pp. 34–50.

Tolstykh V. L. O pravovoi prirode mezhdunarodnoi deyatel'nosti sub"ektov federatsii [About the Legal Nature of International Activities of the Federation's Constituent Entities], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 1998, no. 1, pp. 58–61.

Vasil'kova E. A. Obshchaya kharakteristika Evropeiskoi ramochnoi konventsii o prigranichnom sotrudnichestve soobshchestv i vlastei [General Characteristics of the European Outline Convention on Transfrontier Co-Operation between Territorial Communities or Authorities], *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 2020, no. 1, pp. 53–57.

Igor Vedel – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of international and European law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: igor_wedel@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4855-0047

Дата поступления в редакцию / Received: 18.02.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 28.03.2021

Е. Л. Налбандян

Сургутский государственный университет,
Сургутская торгово-промышленная палата
(Сургут)

М. А. Сазонова

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ДИРЕКТОРА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ УБЫТКИ

Корпоративные споры по сей день являются одними из сложнейших и трудоемких споров в арбитражных судах. В статье анализируются соответствующие нормативно-правовое регулирование и актуальная судебная практика. Одна из важнейших проблем, по мнению автора, – «размытость» действующего законодательства в части закрепления полномочий единоличного исполнительного органа, в результате чего директор получает практически неограниченные полномочия. Это зачастую приводит к возникновению убытков либо вовсе к банкротству. Вместе с тем анализ судебной практики позволил выявить, что не всегда возникновение убытков напрямую связано с недобросовестными действиями директора.

Сравнение российского и зарубежного законодательства показало, что модель фидуциарной ответственности директора в России частично заимствована из американского законодательства. Но в отличие от российской, американская модель полностью закреплена на законодательном уровне и четко определяет границы должного поведения единоличного исполнительного органа. Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются истцы при доказывании недобросовестного поведения директора, является скрытая аффилированность. В целом же можно заметить положительную динамику развития судебной практики в исследуемой сфере.

Авторы приходят к выводу, что процесс доказывания по делам о взыскании убытков с директора сводится к возложению бремени доказывания виновных действий директора на истца, а сам директор, в свою очередь, должен доказать обратное.

Ключевые слова: ответственность директора, фидуциарная ответственность, единоличный исполнительный орган, добросовестность и разумность действий директора, преюдиция, аффилированные лица

Для цитирования

Налбандян Е. Л., Сазонова М. А. Привлечение директора к ответственности за причиненные организации убытки // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 38–48. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_38.

УДК 347.72

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_38

Гражданское законодательство при регулировании любых правоотношений опирается на презумпцию добросовестного поведения. Это означает, что каждый участник возникающих отношений априори считается действующим разумно и добросовестно по отношению к другим лицам, пока не доказано иное. От-

ношения между корпорацией и ее единоличным исполнительным органом (директором) данную презумпцию не исключают.

Стабильность, эффективность осуществления хозяйственной деятельности, получение прибыли, а также строгое следование цели создания корпорации зависят не толь-

ко от внешних экономических и политических факторов, но и непосредственно от обоснованности решений, принимаемых исполнительным органом юридического лица.

После избрания директора корпорации его решения должны быть прежде всего направлены на поддержание здоровой конкуренции на рынке, своевременное исполнение взятых на себя юридическим лицом обязательств перед кредиторами, удовлетворение интересов участников такой организации и т. д.

Статья 53.1 Гражданского кодекса РФ, ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» прямо обязывают единоличный исполнительный орган действовать в интересах общества добросовестно и разумно. Согласно ст. 53.1 ГК РФ недобросовестным и неразумным является поведение директора, не соответствующее «обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску».

Представляется, что отсутствие границы между указанными выше правовыми категориями («разумность», «добросовестность», «обычный предпринимательский риск») и порочным поведением неслучайно. Широта понимания этих категорий может быть обоснована как отсутствием гибкости законодательства в ситуации постоянной изменчивости экономического и правового пространства, так и оставлением на судьское усмотрение, когда с учетом предмета спора и пределов доказывания обстоятельств дела общая формула закона приобретет вполне конкретное содержание. Это позволяет в будущем подвести под регулирование широкий круг обстоятельств, который законодатель не в состоянии точно очертить на стадии нормотворчества.

Это отразилось на правоприменительной практике. В частности, суды при определении критериев разумности поведения директора вынуждены балансировать между тем, чтобы, с одной стороны, не скатиться к переоценке экономической целесообразности принимаемых им решений, а с другой – «примерить» к обстоятельствам стандарт поведения, не выходящего за рамки обычного предпринимательского риска.

Для более точного разъяснения добросовестности и разумности действий директора обратимся к постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 62). В нем были определены пределы допустимости поведения единоличного исполнительного органа в целях соотношения со стандартами добросовестности и разумности его действий, а также особенности процедуры доказывания обратного для лиц, обладающих активной и пассивной легитимацией.

Отметим, что основная цель деятельности корпорации – извлечение прибыли, а способы достижения данной цели, избранные директором, должны позволить установить их необходимость и достаточность в конкретный промежуток времени. Отсюда и вынужденная необходимость погружения суда в связанные с управлением юридическим лицом корпоративные обязанности директора, который обладает самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса, и изучения судом природы возникших убытков, которым могут сопутствовать как деловые риски, так и сознательная неэффективность действий.

В российском праве можно выделить два вида ответственности единоличного исполнительного органа перед корпорацией.

1. Ответственность единоличного исполнительного органа за убытки, причиненные корпорации недобросовестными и неразумными действиями, в том числе при ненадлежащем исполнении или неисполнении публично-правовых обязанностей (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ)¹. В данном случае круг субъектов, чьи права подлежат защите, сводится к самой корпорации или ее участникам, а ответственность возникает только за нарушение

¹ Здесь нельзя обойти вниманием закрепленный Постановлением Пленума ВАС РФ № 62 принцип, по которому директор отвечает не только за свои действия (бездействие), но и за все действия (бездействие) привлеченных им к исполнению лиц, включая контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица или за ненадлежащую организацию системы управления юридическим лицом.

специальной корпоративной фидуциарной обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. В основе возмещения убытков лежит презумпция вины, что и отличает ответственность данного вида от иной гражданско-правовой ответственности.

2. Ответственность единоличного исполнительного органа за убытки в случае введения в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве (ст. 61.20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закон о банкротстве). Такую ответственность можно назвать подвидом ответственности по ст. 53.1 ГК РФ, поскольку ее отличие состоит в том, что допускается только в процедуре банкротства корпорации и в расширенном круге субъектов, обладающих правом на предъявление требований (помимо участников корпорации этим правом наделяются арбитражный управляющий, конкурсные кредиторы, работники, бывшие работники должника, а также уполномоченные органы).

В то же время взыскание убытков в таком случае допустимо только в части, не покрытой субсидиарной ответственностью (п. 6 ст. 61.20 Закона о банкротстве), и должно применяться в ситуациях, когда основания привлечения к ответственности в виде взыскания убытков отличны от оснований субсидиарной ответственности. Поскольку субсидиарная ответственность и возмещение убытков представляют собой меры гражданско-правовой ответственности, то при конкуренции требований суду необходимо определить их правовую природу.

Особенность требования о привлечении директора к субсидиарной ответственности заключается в том, что оно, по сути, является основанием для подачи иска о возмещении убытка, причиненного кредиторам в связи с доведением организации должника до банкротства.

Привлечение директора организации к ответственности в виде взыскания убытков по тем же основаниям, по которым последний уже привлечен к субсидиарной ответственности, приведет к повторному привлечению к гражданской ответственности за одни и те же действия, что недопустимо.

Далее речь пойдет о первом виде корпоративной ответственности единоличного ис-

полнительного органа. В основе доказывания противоправных действий директора лежат два принципа – добросовестность и разумность. Именно они служат для суда мерилom оценки действий директора в каждом конкретном деле¹.

Принципы добросовестности и разумности были заимствованы гражданским законодательством России из западного законодательства. В частности, раздел С § 8.30 Закона США 1985 г. «О предпринимательских корпорациях» гласит, что каждый директор в процессе осуществления своей деятельности должен поступать добросовестно, принимая соответствующие меры заботы, свойственные любому иному человеку в аналогичной ситуации, а также разумно для каждого случая. Действия директора будут признаны недобросовестными, если в момент принятия им определенного решения он знал, что нарушает принципы, закрепленные в параграфе о стандартах поведения.

Указанные правила и стандарты поведения получили название «фидуциарная обязанность», следовательно, в случае ее нарушения наступает фидуциарная ответственность.

Развитие модели фидуциарной обязанности США началось благодаря кодификации английской судебной практики, а в последующем – и американской. Сегодня данная модель включает два основных «блока» – обязанность должной лояльности (*duty of loyalty*) и обязанность должной заботы (*duty of care*) [Velasco 2018; William 2005].

В процессе рецепции российским законодательством рассматриваемых принципов они были трансформированы: лояльность превратилась в добросовестность, а забота – в разумность.

Обращаясь к российскому законодательству, прежде всего стоит обратить внимание на то, что доказывание недобросовестности и неразумности в действиях (бездействии) еди-

¹ По данным судебной статистики, число рассмотренных дел о взыскании убытков в рамках корпоративных споров в арбитражных судах субъектов РФ за 2018 г. составило 975 на общую сумму 286 848 310 тыс. руб., из которых было удовлетворено 468 дел на сумму 3 629 744 тыс. руб. (48 %), а в 2019 г. из 919 дел на общую сумму в 23 998 217 тыс. руб. удовлетворено 354 на общую сумму 2 230 326 тыс. руб. (39 %) (URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 03.08.2020).

ноличного исполнительного органа (в силу п. 1 ст. 53.1 ГК РФ), является обязанностью последнего возместить причиненные по его вине юридическому лицу убытки по требованию этого юридического лица, а также его учредителей (участников).

Суть понятий недобросовестности и неразумности директора, как было указано ранее, раскрывается в Постановлении Пленума ВАС РФ № 62. Так, недобросовестность действий директора считается доказанной, если директор:

1) действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами его аффилированных лиц) и интересами юридического лица в процессе совершения сделки;

2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица (в том числе если сведения о такой сделке в нарушение законодательства или устава организации не были включены в ее отчетность) либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию о соответствующей сделке;

3) совершил сделку без требуемого в силу закона или устава одобрения;

4) после прекращения своих полномочий уклоняется от передачи новому исполнительному органу документации, касающейся обстоятельств, которые повлекли неблагоприятные последствия;

5) знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица.

Вместе с тем в цитируемом Постановлении поясняется, что если директор вместе с его аффилированным лицом действовали против интересов корпорации, но информация о конфликте интересов действующих лиц и организации была доведена до юридического лица и действия были одобрены в установленном порядке, то директор освобождается от ответственности [Степанов, Михальчук 2007: 8].

Директор также будет освобожден от ответственности в случае, если суд установит, что доходы, полученные после совершения сделки, и расходы на ее исполнение равны нулю [Шиткина 2020: 107].

Нужно учитывать, что вся деятельность корпорации опосредована торговыми сдел-

ками, в том числе имеющими экономические просчеты, следовательно, в целях исключения автоматического вменения директору убытков по любым предпринимательским рискам целесообразно провести оценку следующих компонентов:

1) соответствие характера заключенной сделки масштабам деятельности корпорации. Правоприменительная практика показывает, что доказательствами *prima facie* выступают неспособность руководителя раскрыть экономический смысл приобретения по сделке¹, несоответствие заключенной сделки обычным условиям хозяйственной деятельности корпорации; ненадлежащее принятие мер, обеспечивающих исполнение обязательств сторонами; совершение сделки в отсутствие какого-либо встречного предоставления или заведомой невозможности произвести встречное исполнение², ненадлежащий выбор контрагентов (например, если сделка была заключена со стороной, фактически не осуществляющей хозяйственную деятельность)³, отсутствие направленности сделки на извлечение максимальной прибыли либо какой-нибудь иной экономической выгоды для общества⁴ и пр.;

2) пределы допустимого поведения директора при реализации прав на совершение сделки, в том числе по отношению к иным органам управления корпорации. Здесь важно определить, соответствует ли процедура заключения сделки требованиям корпоративного законодательства⁵, положениям учредительных документов и решений органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т. п.), а также локальным актам организации о внутренних процедурах для совершения аналогичных сделок;

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 марта 2020 г. № Ф09-9067/19 по делу № А60-40982/2018.

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 июня 2020 г. № Ф09-2949/20 по делу № А60-20340/2019.

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 августа 2016 г. № 305-ЭС16-8404 по делу № А40-16650/2015.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 июня 2020 г. № Ф05-4373/2020 по делу № А41-39139/2019.

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 9 октября 2019 г. № Ф09-6357/19 по делу № А50-3057/2018.

3) объем последствий для корпорации от совершения указанной сделки. Причем последствия, во-первых, должны иметь негативный экономический эффект, во-вторых, должны быть установлены максимально достоверно.

В силу подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ для расчета убытков, причиненных директорами, применяются правила, предусмотренные в п. 5 ст. 393 ГК РФ. В соответствии с этой нормой размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства.

Согласно Постановлению Пленума ВАС РФ № 62 неразумность действий директора считается доказанной, если он:

1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации;

2) до принятия решения не предпринял действий, которые направлены на получение необходимой и достаточной для его принятия информации и обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации;

3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т. п.).

Также Постановление содержит небольшую оговорку о том, что в каждом случае при оценке действий директора суды должны учитывать его должностные обязанности, масштабы юридического лица и практику делового оборота.

Несмотря на то что термины «недобросовестность» и «неразумность» часто употре-

бляются вместе, их содержание различно, и их толкование вызывает большое количество споров. Рассмотренные выше разъяснения ВАС РФ позволяют суду и истцу ответить на вопрос о том, можно ли отнести фактически совершенные директором действия к неразумным и недобросовестным, а также служат вспомогательным инструментом для сторон в процессе доказывания [Ершова, Рыбьянов 2019: 85].

По общему правилу, лицо, требующее возмещения убытков, должно доказать факт причинения убытков, их размер, противоправность поведения причинителя ущерба и юридически значимую причинную связь между поведением указанного лица и наступившим вредом. Недоказанность хотя бы одного из элементов состава правонарушения является достаточным основанием для отказа в удовлетворении требований о возмещении убытков.

В исследуемом случае субъектом будет выступать лицо, которое в силу закона или учредительного документа уполномочено выступать и действовать от имени юридического лица (т. е. директор). В процессуальном аспекте субъект является ответчиком по делу.

Субъективная сторона, на наш взгляд, всегда выражена в умышленных действиях или бездействии, поскольку сама должность директора юридического лица предполагает наличие у такого лица должной компетенции.

Объектом правонарушения, как правило, выступают определенного рода охраняемые законом общественные отношения. Поскольку рассматриваемые споры являются корпоративными, то и отношения соответствующие. Здесь важно уточнить, что не все корпоративные отношения подпадают под регулирование дел данной категории. Объектом корпоративного нарушения являются интересы юридического лица как хозяйствующего субъекта в целом (в основе создания юридического лица лежит какая-либо цель).

Объективная сторона рассматриваемого нарушения заключается в совершенных недобросовестных и неразумных действиях (бездействии) директора в отношении корпорации, которые в последующем причинили ей убытки.

По смыслу п. 1 ст. 53.1 ГК РФ управомоченным истцом по делу данной категории может быть любой участник корпорации (неза-

висимо от доли или размера акции), а также учредители общества¹ [Лаптев 2020: 311].

Однако на вопрос о том, может ли руководитель корпорации выступать субъектом ответственности в случае возникновения у общества убытков в результате привлечения его к ответственности за нарушение императивных требований, предъявляемых к корпорации, однозначного ответа нет.

Любое действие (бездействие) руководителя, обладающего самостоятельностью полномочий, продиктовано не только его внутренними побуждениями, но и внешними политическими и рыночными факторами, устойчивость и прогнозируемость которых спорна. А поиск более выгодного экономического решения для корпорации не извиняет руководителя, допустившего осознанное нарушение требований действующего законодательства.

Как следует из Постановления Пленума ВАС РФ № 62, директор может дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на причины возникновения убытков (например, неблагоприятная рыночная конъюнктура, недобросовестность выбранного им контрагента, работника или представителя юридического лица, неправомерные действия третьих лиц, аварии, стихийные бедствия и иные события и т. п.) и представить соответствующие доказательства (например, обоснованный бизнес-план). Подобного рода модель опровержения была заимствована из опыта Германии [Грибов 2019: 27].

Таким образом, правоприменительная практика предоставляет определенный правовой «люфт» в целях обоснования директором добросовестности и разумности своих управленческих действий. Но думается, что сами по себе низкая конъюнктура рынка, аварии и прочие обстоятельства какой-либо значимостью обладать не будут, если убытки не являются их прямым следствием.

Исследовав теоретическую часть вопроса о привлечении к ответственности единоличного исполнительного органа юридического лица, стоит перейти к рассмотрению актуальной судебной практики по некоторым аспектам доказывания. В результате выборочного анализа судебной практики разных

¹ Данная позиция отражена в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ № 62.

регионов были выделены наиболее часто встречающиеся основания привлечения директора к корпоративной ответственности.

1. Ненадлежащее исполнение публично-правовых обязанностей (налоговой, административной и т. п.), возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством: уклонение от уплаты налогов, взносов, занижение налоговой базы, привлечение к выполнению работ, оказанию услуг «фирм-однодневок» в отсутствие проявления должной осмотрительности и проверки контрагента и пр.²

2. Экономическая нецелесообразность заключения сделки, совершения платежей, отсутствие встречного предоставления (к примеру, предоставление имущества в аренду с существенной отсрочкой в уплате арендных платежей или заключение сделки с организацией, бенефициаром по которому выступает сам директор).

Любое действие (бездействие) руководителя, обладающего самостоятельностью полномочий, продиктовано не только его внутренними побуждениями, но и внешними политическими и рыночными факторами, устойчивость и прогнозируемость которых спорна

3. Нецелевое расходование денежных средств общества (к примеру, получение денежных средств под отчет без предоставления бухгалтерии организации отчетных документов).

4. Неравноценное встречное исполнение по сделке, в том числе занижение стоимости отчуждаемого имущества (оказанных услуг, выполненных работ) в худшую для корпорации сторону по сравнению с рыночными условиями (к примеру, отчуждение ликвидного имущества организации по цене в несколько раз ниже ее рыночной или кадастровой стоимости либо получение займа с высокой процентной ставкой, если банковские ставки в тот же период были ниже, а условия предоставления займа – лояльнее).

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 сентября 2019 г. № Ф09-5128/19 по делу № А76-16015/2018, от 19 августа 2019 г. № Ф09-4856/19 по делу № А60-28336/2018.

5. Выбытие из оборота имущества, товарно-материальных ценностей, за счет которых корпорация могла бы извлечь прибыль.

6. Совершение действий, которые не относятся к обычной хозяйственной деятельности корпорации, противоречат ее уставной деятельности, совершены в период корпоративного конфликта между участниками.

7. Искусственное создание кредиторской задолженности, формального документооборота в целях получения возможности предъявления корпорации денежных требований и наложения сопутствующих санкций.

8. Заключение сделки, которая в силу закона не прошла обязательную процедуру одобрения высшим коллегиальным органом.

9. Извлечение выгоды и преимуществ в ущерб интересам корпорации и ее участников.

10. Невыплата заработной платы работнику по вине директора: если работник был незаконно уволен директором, но затем восстановился по суду с выплатой компенсации за время вынужденного прогула, или если в задержке в выплате зарплаты работнику будет установлена вина директора.

Представленный перечень не является исчерпывающим, поскольку судебная практика по делам рассматриваемой категории обширна. Кроме того, некоторым делам предшествует привлечение единоличного исполнительного органа к уголовной ответственности. Здесь хотелось бы отметить, что в ряде случаев приговор по уголовному делу имеет преюдициальное значение для гражданского дела.

Приведем в пример постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12 марта 2018 г. по делу № А79-3120/2016. В данном деле представлено несколько оснований и доказательств для удовлетворения иска о возмещении директором убытков.

Директор общества заключил вместе со своим аффилированным лицом заранее невыгодный для общества договор аренды по неоправданно завышенной ставке арендной платы. В результате у общества перед аффилированным лицом директора возникло крайне тяжелое для исполнения обязательство по выплате задолженности, что в последующем стало причиной возбуждения процедуры банкротства. Истцом по делу являлся сам директор, опровергавший при-

чиненные убытки, бремя доказывания отсутствия виновных действий было возложено на него. В свою очередь, конкурсный управляющий предоставил следующие доказательства, подтверждающие позицию всех нижестоящих судов:

1) расчет убытков конкурсным управляющим, подкрепленный судебной экспертизой по преюдициальному уголовному делу;

2) приговор суда как преюдиция виновных действий директора.

Суд кассационной инстанции еще раз подтвердил правильный вывод всех нижестоящих судов об отсутствии добросовестности и разумности в действиях директора и о его обязанности возместить обществу убытки.

Если параллельно рассматриваются гражданское дело о взыскании убытков с директора корпорации и уголовное дело в отношении него (используемое в качестве преюдиции), это значительно упрощает работу суда по оценке доказательств недобросовестности такого лица.

Здесь важно отметить, что если приговор суда отсутствует, а уголовное дело в отношении директора, например, было прекращено по каким-либо основаниям, то это не является безусловным доказательством отсутствия вины директора. При этих условиях арбитражный суд самостоятельно устанавливает недобросовестность и неразумность действий лица. Такая позиция отражена в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 13 июня 2019 г. № Ф06-47326/2019 по делу № А65-13702/2018. В отношении директора общества было заведено уголовное дело по факту нарушения налогового законодательства, но в последующем оно было прекращено. Также в указанном постановлении раскрываются особенности доказывания наличия скрытой аффилированности лиц в делах рассматриваемой категории.

Понятие аффилированности используется в ст. 53.2 ГК РФ, но данная норма является отсылочной и содержит исключительно гипотезу. Отсылает она к Закону РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», который устанавливает критерии признания лица аффилированным. При этом подобного рода отношения с точки зрения законодательства должны быть юридически оформлены.

Основопологающий признак для признания лиц аффилированными – общий экономический интерес [Ершова 2018]. Экономический интерес в данном случае могут иметь как группа физических лиц, так и целые юридические лица. В результате слияния подобного рода экономических интересов зачастую происходит злоупотребление правом, что нарушает ст. 10 ГК РФ.

В соответствии с действующим законодательством информация о наличии аффилированных лиц должна быть раскрыта (в силу принципа снятия корпоративной вуали).

Можно заключить, что под аффилированным лицам следует понимать физическое или юридическое лицо, которое может оказывать влияние на принятие решений юридическим лицом, тем самым определяя его экономическое положение [Шиткина 2019: 214–216]. Несмотря на это в судебной практике по сей день нет единого подхода к признанию лица аффилированным (в скрытой форме), что в большинстве своем порождает случаи сокрытия таких лиц со стороны юридического лица (например, директором).

В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 13 июня 2019 г. № Ф06-47326/2019 по делу № А65-13702/2018 в качестве основного доказательства наличия скрытой аффилированности принято во внимание решение суда первой инстанции о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. В процессе проведения налоговой проверки было установлено, что между обществом и контрагентами существовали фиктивные взаимоотношения, в результате которых директора трех указанных организаций получали соответствующую прибыль от общества.

Отношения представляли собой следующее: общество закупало товарно-материальные ценности у трех контрагентов, нарушая при этом ведение бухгалтерского учета (в последующем были выявлены расхождения сумм прихода и расхода по НДС). Финансово-хозяйственные отношения с контрагентами в бухгалтерских книгах не отражены. Подобного рода действия совершались с целью увеличения вычетов по НДС.

Таким образом, налоговые органы, оценив вышеописанные действия, пришли к выводу о наличии скрытой аффилированности и, как следствие, о нарушении обществом

налогового законодательства, что повлекло за собой причинение обществу убытков в размере крупного штрафа.

Скрытая аффилированность также может быть доказана путем установления родственных отношений между директором и лицом, с которым он заключал сделки от имени общества (постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 февраля 2020 г. по делу № А10-7579/2015). Помимо наличия родственных отношений, как правило, в делах данной категории отсутствует финансово-отчетная документация (например, оборотно-сальдовая ведомость, в которой отражены все суммы расходов и доходов общества). Поскольку при совершении сделок по отчуждению денежных средств юридического лица недостаточно заключения лишь гражданско-хозяйственного договора, то суд справедливо обратил внимание на то, что подобного рода поведение директора может свидетельствовать о его недобросовестности.

Представляет интерес позиция Верховного Суда РФ о том, что при установлении фактических отношений лица могут быть признаны аффилированными¹.

Также довольно часто директор пытается избежать гражданско-правовой ответственности в виде возмещения убытков юридическому лицу, ссылаясь на наличие одобрения сделки уполномоченными коллегиальными органами. Однако в п. 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 указано, что единоличный исполнительный орган является обособленным и самостоятельным в принятии решении органом, он не имеет обязанности неуклонно подчиняться решениям иных органов юридического лица, например общего собрания.

Кроме того, важно понимать, что процедура одобрения крупной сделки или сделки с заинтересованностью не влечет прямой обязанности директора совершить сделку [Добровольский 2006: 182–210]. Коллегиальный орган таким образом лишь выражает согласие на ее совершение, а решение о том, заключать ли такую сделку, принимает уже директор. Поэтому в случае наступления негативных последствий для организации его доводы о наличии одобрения сделки коллегиальным органом несостоятельны².

¹ Определение Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 49-ПЭК16 по делу № А63-4164/2014.

² Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обще-

Стоит также обратить внимание на то, что если в удовлетворении иска о признании крупной сделки или сделки с заинтересованностью отказано, это не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа¹.

Таким образом, анализ законодательства и правоприменительной практики свидетельствует, что споры рассматриваемой категории достаточно трудоемки с точки зрения правильного и всестороннего оценивания представленных сторонами доказательств. Это связано как со сложностью правильной квалификации поведения руководителя, поскольку одни и те же действия могут охватываться одновременно признаками трудовая и гражданско-правовой ответственности руководителя, так и с большим количеством заложенных в нормативных актах оценочных категорий и рамочных правил должного поведения.

Одной из главных проблем на практике является отграничение ситуаций, в которых убытки причинены при отсутствии каких-либо неправомерных действий (бездействия) руководителя в условиях высокого риска, от

ствах: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25 декабря 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27.

случаев недобросовестного и неразумного исполнения возложенных на него позитивных обязанностей. Например, в ряде ситуаций поведение директора можно было бы оправдать, если бы он шел на неизбежный риск, но имел обоснованные ожидания скоро преодолеть возникшие у организации убытки. Однако здесь разумность его действий зависит от правильного сопоставления выгод с возможными издержками, являющимися следствием опрометчивости в принятии решения. Но даже если руководитель действует добросовестно, стремясь минимизировать будущие убытки за счет совершения сделки с определенной долей риска, это не будет иметь правового значения, если будет установлена неразумность его действий (выход за пределы обычного риска, полагание на неполную информацию), что уже достаточно при наличии иных оснований для возникновения его ответственности.

Еще одна проблема кроется в неограниченности полномочий единоличного исполнительного органа, злоупотребление которыми может привести к банкротству корпорации. В итоге это не только не позволит сохранить бизнес-единицу, но и сведет к нулю какую-либо возможность привлечения директора к ответственности за убытки, причиненные корпорации и / или ее участникам.

Список литературы

- Velasco J.* The Diminishing Duty of Loyalty // *Washington and Lee Law Review*. 2018. Vol. 75. Iss. 2. P. 1035–1097.
- William G. A.* The Fiduciary Duty of Care: A Perversion of Words // *Akron Law Review*. 2005. Vol. 38. Iss. 1. P. 181–206.
- Грибов Н. Д.* Бремя доказывания в корпоративных спорах // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2019. № 2. С. 25–28.
- Добровольский В. И.* Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М.: Волтерс Клувер, 2006. 448 с.
- Ершова Ю. В.* Аффилированные лица и сделки с имуществом корпорации // *Власть закона*. 2018. № 3. С. 49–60.
- Ершова Ю. В., Рыбьянов А. А.* Распределение бремени доказывания причинения убытков юридическому лицу его единоличным исполнительным органом // *Власть закона*. 2019. № 2. С. 83–90.
- Лаптев В. А.* Корпоративное право. Правовая организация корпоративных систем. М.: Проспект, 2020. 384 с.
- Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.
- Шиткина И. С.* Корпоративное право. М.: Статут, 2019. 542 с.
- Шиткина И. С.* Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования. М.: Статут, 2020. 226 с.

Елена Леоновна Налбандян – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права Сургутского государственного университета. 628403, Российская Федерация, Сургут, пр-т Ленина, д. 1; заместитель генерального директора по правовым вопросам, Сургутская торгово-промышленная палата. 628403, Российская Федерация, Сургут, ул. 30 лет Победы, д. 34а. E-mail: elenaln@bk.ru.

ORCID: 0000-0002-2007-8185

Мария Александровна Сазонова – магистрант Института права и предпринимательства, Уральский государственный юридический университет. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: m.velikanovaa@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-7606-8253

The CEO's Accountability for the Losses Suffered by a Company

Corporates disputes so far are the most difficult and laborious disputes heard by the arbitral tribunal. In the paper, regulatory measures and current case law are analyzed. The authors consider uncertainty of the legislation, concerning the authority of a single executive body as the most important problem. According to the legislation the CEO gets almost unlimited authority, this often leads to the losses of the company or to the bankruptcy. At the same time, the analysis of the court practice revealed that the losses are not always connected with CEO's unjust acts.

Comparative analysis of Russian and foreign law showed that CEO's fiduciary responsibility model in Russia is partially borrowed from US. American model, unlike Russian, is fully determined by the legislation where the official conduct boundaries of a single executive body are clearly defined. One of the key problems, which plaintiffs face while proving the CEO's inequitable conduct, is hidden affiliation. Along with the foregoing, one can generally notice the positive dynamic in the case law development on the issue under study.

The authors conclude that the procuring evidence concerning recovery of losses from the CEO comes to laying the burden of proof CEO's unjust actions on the plaintiff, while the CEO must disapprove this.

Keywords: *director liability, fiduciary responsibility, single executive body, integrity and reasonableness of the director's actions, prejudice, affiliated persons*

Recommended citation

Nalbandyan E. L., Sazonova M. A. Privlechenie direktora k otvetstvennosti za prichinennyye organizatsii ubytki [The CEO's Accountability for the Losses Suffered by a Company], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 38–48, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_38.

References

Dobrovol'skii V. I. *Problemy korporativnogo prava v arbitrazhnoi praktike* [The Corporate Law Issues in Commercial Case Law], Moscow, Wolters Kluwer, 2006, 448 p.

Ershova Yu. V. *Affilirovannyye litsa i sdelki s imushchestvom korporatsii* [Affiliates and Transactions with the Assets of the Corporation], *Vlast' zakona*, 2018, no. 3, pp. 49–60.

Ershova Yu. V., Ryb'yanov A. A. *Raspredelenie bremeni dokazyvaniya prichineniya ubytkov yuridicheskomu litsu ego edinolichnym ispolnitel'nyim organom* [Allocation of the Burden Of Proof of Damages to a Legal Entity], *Vlast' zakona*, 2019, no. 2, pp. 83–90.

Gribov N. D. *Bremya dokazyvaniya v korporativnykh sporakh* [The Burden of Proving in Corporate Disputes], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2019, no. 2, pp. 25–28.

Laptev V.A. *Korporativnoe pravo. Pravovaya organizatsiya korporativnykh sistem* [Corporate Law. Legal Organization of Corporate Systems], Moscow, Prospekt, 2020, 384 p.

Shitkina I. S. *Korporativnoe pravo* [Corporate Law], Moscow, Statut, 2019, 542 p.

Shitkina I. S. *Sdelki khozyaistvennykh obshchestv, trebuyushchie korporativnogo soglasovaniya* [Transactions of Business Companies Requiring Corporate Approval], Moscow, Statut, 2020, 226 p.

Stepanov D. I., Mikhal'chuk Yu. S. *Otvetstvennost' direktora pered korporatsiei za prichinennye ei ubytki v sudebnoi praktike* [Director's Responsibility to the Corporation for the Losses Caused to It], Moscow: Izd-vo Statut, 2018, 207 p.

Velasco J. The Diminishing Duty of Loyalty, *Washington and Lee Law Review*, 2018, vol. 75, iss. 2, pp. 1035–1097.

William G. A. The Fiduciary Duty of Care: A Perversion of Words, *Akron Law Review*, 2005, vol. 38, iss. 1, pp. 181–206.

Elena Nalbandian – senior lecturer of Department of civil law and labor law, Surgut State University. 628403, Russian Federation, Surgut, Lenina ave., 1; deputy general director for legal affairs, Surgut Chamber of Commerce and Industry. 628403, Russian Federation, Surgut, 30 Years of Victory str., 34a. E-mail: elenaln@bk.ru.

ORCID: 0000-0002-2007-8185

Maria Sazonova – master's degree student of the Institute of law and business, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya st., 21. E-mail: m.velikanovaa@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-7606-8253

Дата поступления в редакцию / Received: 07.10.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.03.2021

Д. А. Гаврин

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: НАРУШАЯ ГРАВИТАЦИЮ ПРАВОВОЙ МАТЕРИИ

Настоящая статья посвящена вопросу разграничения частного и публичного права, которые часто рассматриваются в качестве самостоятельных систем правового регулирования. Излагаются основные научные концепции их разграничения. Соотношение частного и публичного права последовательно рассматривается с позиций логической и теоретической обоснованности, а также отраслевой значимости. Констатируется уязвимость разделения права на частное и публичное, так как обнаруживается проблема со структурой делимого понятия. Частное и публичное право не могут считаться противоречащими друг другу понятиями, поэтому дихотомическое деление как логическая операция исключается.

В российской правовой науке выделяются два основных подхода, различающихся по количеству критериев, необходимых для разграничения частного и публичного права (например, интерес, способ регулирования, способ защиты и т. д.). Наибольшую дискуссионность представляет категория «интерес», которая составляет основу материального критерия и имеет субъективную и объективную оценку. Столкновение частных и публичных интересов проявляется в структуре не только нормы права, но и отрасли в целом.

Рассматриваются влияние частного права и публичного права на структуру права, отраслевые проявления частноправовых и публично-правовых начал.

Ключевые слова: частное право, публичное право, система права, способ правового регулирования, метод правового регулирования

Для цитирования

Гаврин Д. А. Частное и публичное право: нарушая гравитацию правовой материи // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 49–56. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_49.

УДК 340.12

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_49

Обращение к частному и публичному праву нельзя назвать случайным. Поиск баланса, золотой середины сопровождает нашу жизнь. Стремление человека понять, структурировать, найти логическую последовательность, безусловно, проигрывает всевозможным проявлениям жизни. Жизнь в своем естественном состоянии лишена логики, зависит от различных внешних и внутренних факторов. И в этом плане сосуществование частного и публичного права можно отнести как раз к проявлению столкновения внутренних и внешних процессов. С позиций права эти процессы преобразились в категории частного и публичного права, баланс которых обеспечивает соблюдение частных

и публичных интересов. При этом некоторые ученые считают достижение баланса частноправовых и публично-правовых норм, применяемых при правовом регулировании, невозможным [Маштаков 2013: 212], а теоретическое обоснование деления права на публичное и частное – безнадежным [Черепяхин 2001: 113].

Исследователи предпринимали попытки с математической точностью определить, где граница между частным и публичным правом. Однако принимаемые за основу критерии не давали положительного результата, и сближение структурных элементов системы права на их основе зачастую приводило к интуитивным выводам.

Взаимодействие публичного и частного права в рамках той или иной отрасли важно не только для теории права, структурирования права, методологии, но и для конкретной отрасли или сферы общественных отношений. В отраслевых исследованиях права отсутствует единство взглядов в вопросе определения частноправовых и публично-правовых начал. Более того, часто исследователи обходят данный вопрос стороной либо ссылаются на установленные истины догмы права. Такой подход используется в работах, посвященных не только комплексным отраслям права, но и самостоятельным отраслям права, определенным общепринятой концепцией системы права.

В зарубежных правовых системах частное и публичное право продолжают существовать как две независимые ветви правового регулирования, как два разных типа правового воздействия на общественные отношения [Гражданское право 2000: 18]. При этом, безусловно, имеет значение то, о какой правовой системе идет речь (англосаксонская, романо-германская, мусульманская). Р. Давид, рассматривая английское право и романо-германскую правовую семью, указывает, что в английском праве нет деления на право публичное и право частное, но присутствует деление на общее право и право справедливости [Давид 1988: 281].

Слово «частный» означает личный, не общественный, не государственный. По мере рецепции римского права в русском языке начал употребляться термин «гражданское право», являющийся буквальным переводом латинского *jus civile*. Данное выражение первоначально играло в Риме роль более широкой категории, родового понятия по отношению к терминам «частное право» и «публичное право» [Мамай 2014: 45]. При этом «выгода частных лиц не противопоставляется интересам государства и не находится с ними в противоречии, так что нормы частного права, поскольку они продиктованы прямыми или непосредственными интересами частных лиц, всегда в большей или меньшей степени косвенно реализуют, непосредственно или опосредованно, интересы всего общества» [Чезаре 2002: 26].

Интерес может иметь как субъективную, так и объективную оценку. Первая продиктована внутренними переживаниями человека, а вторая дается обществом и получает

статус общепринятой. Взаимодействие частных и публичных интересов проявляется от момента «рождения» нормы права до ее реализации. Столкновение частных и публичных интересов влияет не только на создание нормы права, но и на саму структуру права, в том числе методологию. Однако проблема определения соотношения частноправовых и публично-правовых начал выходит далеко за границы интереса, а также отдельной отрасли права. Заявленная проблематика имеет не только отраслевое, но и общетеоретическое значение.

Изучая данный вопрос, целесообразно выделить три уровня исследования: 1) логический (исследование дихотомического деления); 2) общетеоретический; 3) отраслевой. Такое последовательное рассмотрение проблемы позволит внести ясность и, возможно, выделить критерии разграничения, либо, напротив, приведет нас к выводу об отсутствии границ между указанными категориями и, как следствие, об отсутствии понятий публичного и частного права.

Обратимся к логической основе деления права на частное и публичное. Как справедливо заметил С. С. Алексеев, «если внимательно приглядеться ко всему построению позитивного права, характеру его принципов, юридических норм, их ассоциаций, их многообразным связям между собой, ко всему сложному комплексу юридических явлений и институтов, то окажется, что все они сплошь строятся по законам формальной логики – исключенного третьего, достаточного основания и пр.» [Алексеев 1999: 179].

В ходе полемики можно услышать о наличии в праве дихотомического деления, так как в системе права выделяются два «плата» – частное и публичное право. Формула дихотомического деления предусматривает два противоречащих понятия (А и не-А), исчерпывающих весь объем делимого понятия [Кириллов, Старченко 1987: 52]. Более того, для правильности дихотомического деления нам необходимо выбрать один признак, по наличию или отсутствию которого мы сможем разграничить члены деления. Необходимо заметить, что в логике дихотомическое деление имеет сторонников и противников. В чем же его уязвимые места?

Греческий термин «διχοτόμια» буквально означает «деление надвое». Наука же наполняет слово не только особым смыслом, но

и методологией. Ученые, исследуя логическое мышление и восприятие, говорят о неоднозначности дихотомического деления [Кириллов, Старченко 1987: 52, Цветков 2014: 15]. За его, казалось бы, привлекательной простотой скрываются недостатки. В частности, при дихотомическом делении «объем отрицательного понятия может оказаться неопределенным» [Кириллов, Старченко 1987: 52], а при дальнейшем делении обычно нарушаются четкость и последовательность. Можно ли отнести публичное и частное право к двум противоречащим друг другу понятиям и исчерпываем ли мы ими систему права? Очевидно, что нет. Более того, в такой операции отсутствует дихотомическое деление. Именно в этом состоит проблема разграничения частного и публичного права: отсутствует единый признак, который позволил бы последовательно и четко разграничить указанные категории.

Деление как логическая операция имеет ценность не только для познания, но и для структурирования и реализации нормы права. По утверждению С. Чезаре, существование публичного и частного права не свидетельствует о противопоставлении двух ветвей, а, скорее, относится к двум моментам единой функции правопорядка [Чезаре 2002: 26]. Справедливо также замечание Ю. С. Гамбарова о том, что разделение на публичное и частное право не подразумевает их противопоставления [Гамбаров 2003: 57]. Таким образом, разграничение публичного и частного права не может основываться на принципах дихотомического деления.

Попытаемся раскрыть категории частного и публичного права, обратившись к общетеоретическим исследованиям права. Теорики права к определению критериев разграничения частного и публичного права относятся с осторожностью. Еще дореволюционные ученые (Г. Ф. Шершеневич, И. А. Покровский, К. Д. Кавелин и др.) изучали данный вопрос. К. Д. Кавелин, слова которого не утратили актуальности, утверждал, что границы между публичным и частным правом колеблются и изменяются. Правоотношение сегодня может иметь частный характер, а завтра уже публичный [Кириллов, Старченко 1987: 52].

Развитие права в ранний советский период было обусловлено господствовавшей

идеологией, которая ничего частного не признавала. Исследование границ частного и публичного права могло привести к нарушению идеологической стройности советской системы права. Но отдельные ученые (М. М. Агарков, А. Г. Гойхбарг, Б. Б. Черепяхин, С. С. Алексеев и др.) все же обращались к этому вопросу. Весомый вклад в исследование данной проблемы внес Б. Б. Черепяхин, посвятивший ей работу, в которой систематизировал существующие взгляды.

Рассмотрим основные подходы в российской правовой науке. С методологической точки зрения по количеству критериев можно выделить два подхода. В рамках одного для разграничения применяется один критерий (например, интерес), в рамках другого – несколько критериев (интерес, способ регулирования, способ защиты, методы и т. п.). Первый подход, в том числе с позиций логической последовательности суждения, мы могли бы назвать идеальной моделью, так как единственный критерий позволяет провести четкую границу. Во втором подходе не все так однозначно. Методологию поиска границ по нескольким критериям следует именовать компенсационной ввиду отсутствия возможности выделения четких границ на основании единого критерия. А это в свою очередь может свидетельствовать лишь об одном: о несостоятельности всех критериев. В результате разграничение понятий становится предметом активных научных дискуссий.

В юридической литературе выделяют *материальный* и *формальный* критерии. Суть материального критерия сводится к тому, что исследователи разграничивают частное и публичное право исходя из содержания регулируемых отношений (интересы государства или интересы отдельных лиц, имущественные или неимущественные интересы). Формальный критерий определяется способом, приемом регулирования или построения тех или иных правоотношений (способ регулирования, различие субъектов правоотношений, субъект, инициировавший защиту нарушенного права) [Черепяхин 2001: 96–107].

Принимаемый за основу критерий разграничения публичного и частного права по интересам, будь то личный интерес или государственный (публичный), представляет собой неустойчивое основание. Частное

и публичное право, проистекающие из частных и публичных интересов, представляют собой два базовых блока, необходимых для структурирования и понимания права. Их взаимодействие очевидно от момента появления нормы права до ее реализации. Публичные интересы, как отмечал Г. Ф. Шершеневич, могут присутствовать и в частно-правовых отношениях [Шершеневич 2001: 12–14]. Тесное взаимодействие создает препятствия для разграничения.

За представленным основанием разграничения разворачивается еще более содержательная полемика о связи между частным и публичным интересом. С одной стороны, совокупность частных интересов – основа публичного интереса, и частный интерес требует охраны государства. С другой сторо-

Частное и публичное право, проистекающие из частных и публичных интересов, представляют собой два базовых блока, необходимых для структурирования и понимания права

ны, частный интерес должен рассматриваться отдельно от публичного интереса и требует не меньшей защиты. Более того, интерес представляет собой «объемную категорию» по своему значению: если применительно к человеку можно говорить об определенном эмоциональном процессе, то уже применительно к коллективным образованиям следует говорить о целях и задачах.

Многогранность проявления понятия «интерес», как и субъекта правоотношений, не позволяет внести ясность в вопрос разграничения частного и публичного права и потому требует иного критерия. Как справедливо заметил К. Маркс, «лишь постольку, поскольку я проявляю себя, поскольку я вступаю в область действительности, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия – это единственная область, где я сталкиваюсь с законом, ибо действие – это единственное, для чего я требую права существования, права действительности, и в силу чего я, таким образом, подпадаю под власть действующего права» [Маркс, Энгельс 1955–1981: 14].

Рассматривая формальный критерий разграничения публичного и частного права, следует обратить внимание также на отсутствие единства научных взглядов. Внутренние противоречия обнаруживаются в различных научных концепциях, основывающихся на тех или иных критериях. Так, публичное и частное право разграничивают в зависимости от субъекта, от которого исходит инициатива защиты права (от частного лица или от органов государственной власти). Однако этот подход представляется не менее уязвимым, чем исследованные ранее. Он не передает всей палитры проявлений правоотношения, сосредоточивается исключительно на моменте нарушения прав и неоправданно сводит на нет значение деления на публичное и частное право, очерчивая их границы лишь на определенной стадии. В большинстве своем мы рассчитываем на идеальную модель правоотношения, а стадия защиты нарушенного права представляет собой модель девиантного развития правоотношения, именно по этой причине данный критерий не может быть взят за основу.

В соответствии с теорией Р. Штаммлера, И. А. Покровского разграничение публичного и частного права необходимо рассматривать с позиций теории централизации и децентрализации [Черепяхин 2001: 107]. Развивает эту позицию и Б. Б. Черепяхин, отмечая, что разграничение права на частное и публичное должно проводиться в зависимости от способа построения и регулирования юридических отношений. Если речь идет о частном праве, то отношения построены на началах координации, представляя собой систему децентрализованного регулирования, если о публичном, то отношения строятся на началах субординации субъектов, являя собой систему централизованного регулирования [Там же: 120].

Позднее С. С. Алексеев, рассматривая частноправовые начала, описывал такой юридический порядок, при котором «отдельное частное лицо вправе самостоятельно, автономно, по своей воле, независимо от усмотрения государственной власти определять юридически значимые условия своего поведения» [Алексеев 1999: 586]. В свою очередь, публично-правовые начала характеризуют такой юридический порядок, в соответствии с которым «лица, обладающие властью, вправе односторонне и непосредственно, в прин-

ципе без каких-либо дополнительных решений иных инстанций, определять поведение других лиц (подвластных, подданных)» [Там же].

Представленная концепция, безусловно, имеет преимущества в сравнении с ранее описанными. Для разграничения публичного и частного права исследователи обращаются непосредственно к регулируемым отношениям, выделяя особый субъектный состав, обусловленный самим характером возникающих отношений (предмет правового регулирования), особые методы и способы правового регулирования. В свою очередь, специфика метода правового регулирования (децентрализованного или централизованного) определяется сочетанием способов правового регулирования (обязывание, дозволение, запрет), которое формирует содержание метода правового регулирования. При этом указанные способы (обязывание, дозволение) присущи как публичному, так и частному праву. Соответственно граница между публичным и частным правом находится в постоянном ситуационном движении.

В научной деятельности есть хорошая черта: перед тем как обсуждать что-либо, нужно определить область обсуждения, терминологию, иными словами, границы. Праву присуще детализировать общественные отношения, получая взамен «структурированное юридическое отражение». Более того, очень часто в исследованиях упоминается диалектический метод познания, хотя зачастую авторы его упоминанием и ограничиваются. Такой подход недопустим. Применение в исследованиях диалектического метода позволяет сделать интересные выводы. Если мы предпринимаем попытку системно-структурного анализа объекта, в нашем случае – публичного или частного права, – то нам необходимо выделить совокупность свойств объекта и его функциональное назначение.

Исходя из представленных концепций, мы утверждаем, что одно из основных отличий публичного и частного права заключается в уровне централизации или децентрализации, иные свойства следует признать факультативными. Очевидно, что объект (частное или публичное право) не является независимым самостоятельным объектом высшего порядка, а представляет собой элемент объекта высшего порядка, в нашем случае – права.

Далее определим функциональное назначение объекта в системе связей: внутренних и внешних. Внешние связи рассматриваются, когда объект есть элемент объекта более высокого порядка, внутренние – когда объект рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов.

Если представить в качестве объекта частное или публичное право, то нужно попробовать разделить их на части, что, возможно, позволит провести границу существования объекта, а также определить внутренние и внешние связи. Каждая часть целого имеет свойства, присущие именно части, и в этом плане нас интересует связь между свойствами частей и свойствами целого объекта. Следует понимать, что при разделении мы получаем части, не обладающие свойством, присущим целому объекту (и только совокупность частей составляет целое), либо обладающие совокупностью свойств целого объекта.

В химии и физике свойства могут быть аддитивными либо неаддитивными, иными словами, совокупная сумма величин составных частей целого равна величине целого либо не равна. Допустимо ли, чтобы части не обладали свойствами, не присущими целому объекту (публичному или частному праву)? И здесь возникает несколько мыслей. Прежде всего мы понимаем, что объект как логическая категория обладает определенным объемом. Если составная часть выходит за пределы данного объема, то будет ли логическая стройность нарушена? Если утверждать, что публичное право состоит из совокупности отраслей (например, уголовного, административного, международного публичного и т. д.), то они должны обладать всеми свойствами, присущими публичному праву. Однако внимательное исследование отраслей позволяет выделить лишь преобладание того или иного свойства и (самое важное в нашей логической цепочке) наличие свойств иного порядка, которые лишают объект целостности (например, наличествуют элементы, присущие децентрализованному регулированию). И вместе с тем не обязательно, чтобы части обладали исключительно свойствами, присущими целому объекту, но в совокупности они создают такое свойство объекта целого.

Разделяя объект, будь это частное или публичное право, мы получаем составные ча-

сти. Можно ли говорить о наличии связей как между частями, так и между частями и целым? Ответ на данный вопрос позволяет, в том числе, ответить на другой важный вопрос о том, имеет ли исследуемый объект систему и можно ли его рассматривать в качестве целостного, можно ли найти связи частей и тем самым перевести их в статус элементов.

В научной литературе высказывается мнение о том, что система публичного или частного права представлена входящими в их состав отраслями права. При этом многие обращают внимание на то, что чистых публично-правовых или частноправовых отраслей не бывает. В таком случае каков критерий отнесения той или иной отрасли к публичному или частному праву? Подход по принципу «здесь публичного больше, а там – меньше» не дает оснований для проведения «демаркационной линии». Если хорошо взвесить все «за» и «против», то для юристов необходима стройная логическая цепочка.

Когда мы переводим наши доводы на язык формул, то мы утверждаем, что есть публичное (А) и частное (Б) право, А обладает признаком Y, а Б – признаком V. Однако при рассмотрении составляющих отрасли публичного права получается следующая картина: $A(Y) = 1(YV) + 2(YV) + 3(YV) + 4(YV)$. Таким образом, составляющие отрасли обладают признаками, присущими не только А, но и Б. И при замене А на Б ситуация не изменится. Более того, на структуру системы публичного права (если исходить из гипотезы, которую мы приняли) не оказывает влияния последовательность составляющих частей. А качественное изменение частей, входящих в объем понятия «публичное право», не меняет характеристики рассматриваемого объекта. В итоге существующий подход к разделению публичного и частного права в корреляции с отраслями права способен создать еще большее заблуждение в отношении структурирования права на публичное и частное.

Другое дело, когда мы обсуждаем структуру системы права от нормы права до отрасли права. Структурирование системы права с позиций «норма – институт – подотрасль – отрасль» представляет собой оптимальную логически обоснованную модель. Именно наличие взаимосвязей между частями

ми позволяет говорить о норме права или институте, подотрасли, отрасли именно как об элементах системы права. Исследуя публичное и частное право, мы можем попытаться отнести те или иные правоотношения к публично-правовым или частноправовым, отнесение же отраслей права к публичному или частному праву уязвимо с позиций научной обоснованности.

Границы публичного и частного права являются «живыми», находятся в постоянном движении. Следует согласиться с позицией В. К. Макутова о том, что «дискуссионно само понятие частного права в применении к экономическим реалиям, ибо право, обеспечивая сочетание публичных и частных интересов, само выступает во многих случаях в роли публичного инструмента» [Хозяйственное право 2004: 22]. Провести четкую границу между публичным и частным правом невозможно.

Особенности частного права находят отражение в публичном праве, а публичное право – в частном. Мы стараемся найти отличия между частным и публичным правом, обрамляя каждое из них в критерий, пытаемся уйти от преследующего нас ощущения переплетения частного и публичного права.

Представляется, что именно во взаимодействии частного и публичного права проявляется их значимость, а раздельное их существование лишено смысла. В свою очередь факторами, влияющими на разграничение частного и публичного права, выступают как правовые, так и политические, экономические и научные процессы. Правовая материя, состоящая из структурированных логически последовательных элементов, развивается благодаря не только внешним связям – импульсам жизненных процессов, но и внутренним связям, которые формируются на уровне идеальных моделей. Частное и публичное право принимает на себя роль идеальных моделей структурных блоков права, создает свое «гравитационное поле», которое притягивает структурные элементы права, воздействует на них на уровне высокой формы абстракции. Таким образом, представленное деление сегодня служит идее достижения баланса частных и публичных интересов на уровне философии права.

Список литературы

- Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
- Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. 796 с.
- Гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2000. Т. 1. 785 с.
- Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. 496 с.
- Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учеб. для юрид. вузов и факультетов ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 699 с.
- Мамай Е. А. Соотношение публичного и частного права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 44–55.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981. Т. 1. 699 с.
- Маштаков К. М. Правовая аргументация необходимости обеспечения баланса публичных и частных интересов // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 209–212.
- Чезаре С. Курс римского частного права: учеб. / под ред. Д. В. Дождева. М.: БЕК, 2002. 400 с.
- Хозяйственное право / под ред. В. К. Мамутова. М.: РДЛ, 2004. 897 с.
- Цветков В. Я. Дихотомический анализ сложности системы // Перспективы науки и образования. 2014. № 2. С. 15–20.
- Черепухин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 476 с.
- Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.

Денис Александрович Гаврин – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-1365-4236

Private and Public Law: Disturbing the Gravity of a Legal Matter

This article is devoted to the issue of distinguishing between private and public law, which are often considered as independent systems of legal regulation. The main scientific concepts of the distinction between public and private law are presented. The relationship between private and public law is consistently considered from the standpoint of logical and theoretical validity, and branch of law significance. The vulnerability of the dichotomous division into private and public law is pointed out, as the problem with the structure of the divisible concept is revealed. Private and public law cannot be considered two contradictory concepts, so the dichotomous division as a logical operation is excluded.

There are two main approaches in the Russian legal science, the essence of which is reduced to the number of criteria necessary to distinguish private and public law (for example, interest, method of regulation, method of protection, etc.). The most controversial is the category of interest, which forms the basis of the material criterion and has a subjective and objective assessment. The clash of private and public interests manifests itself not only in the structure of the rule of law, but also in the branch of law as a whole.

The influence of private law and public law on the structure of law is considered, as well as the branch manifestations of private-legal and public-legal principles.

Keywords: private law, public law, system of law, method of legal regulation

Recommended citation

Gavrin D. A. Chastnoe i publichnoe pravo: narushaya gravitatsiyu pravovoi materii [Private and Public Law: Disturbing the Gravity of a Legal Matter], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 49–56, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_49.

References

- Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy: the Experience of a Complex Research], Moscow, Statut, 1999, 712 p.
- Cherepakhin B. B. *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law], Moscow, Statut, 2001, 476 p.
- Chezare S. *Kurs rimskogo chastnogo prava* [Roman Private Law Course], Moscow, BEK, 2002, 400 p.
- David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [The Main Legal Systems of Our Time], Moscow, 1988, 496 p.
- Gambarov Yu. S. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* [Civil Law. The General Part], Moscow, 2003, 796 p.
- Kirillov V. I., Starchenko A. A. *Logika* [Logic], Moscow, Vyssh. shk., 1987, 699 p.
- Mamai E. A. Sootnoshenie publichnogo i chastnogo prava [The Relationship between Public and Private Law], *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2014, no. 4, pp. 44–45.
- Mamutov V. K. (ed.) *Khozyaistvennoe pravo* [Business Law], Moscow, RDL, 2004, 897 p.
- Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Essays], Moscow, Gos. izd-vo polit.i lit., 1955–1981, vol. 1, 699 p.
- Mashtakov K. M. Pravovaya argumentatsiya neobkhodimosti obespecheniya balansa publichnykh i chastnykh interesov [Legal Argumentation of the Need to Ensure a Balance of Public and Private Interests], *Yuridicheskaya tekhnika*, 2013, no. 7, pp. 209–212.
- Shershenevich G. F. *Kurs grazhdanskogo prava* [Course of Civil Law], Tula, Avtograf, 2001, 719 p.
- Sukhanov E. A. (ed.) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law], Moscow, 2000, vol. 2, 785 p.
- Tsvetkov V. Ya. Dikhotomicheskii analiz slozhnosti sistemy [Dichotomous Analysis of System Complexity], *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2014, no. 2, pp. 15–20.

Denis Gavrin – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of business law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: gavrin@list.ru.

ORCID: 0000-0002-1365-4236

Дата поступления в редакцию / Received: 28.02.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.03.2021

Е. В. Михайлова

Институт государства и права РАН
(Москва)

ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В НОТАРИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В статье рассмотрены теоретические основы понятия «субъективное гражданское право», его виды, признаки и свойства. Реализация любого гражданского права может привести к возникновению конфликта, и порядок разрешения этого конфликта детерминирован природой реализуемого права, характером сложившегося правоотношения и правовым статусом спорящих лиц. У правовых конфликтов в нотариальной сфере есть своя специфика, однако они подчиняются общим законам: могут иметь частноправовой или публично-правовой характер, а их участники могут находиться либо в состоянии взаимного равенства, либо в публично-правовых, «вертикальных» отношениях. В правовом государстве важно предусмотреть способы защиты прав субъектов любой деятельности, поэтому и в нотариальной сфере необходимо определить способы и формы защиты прав граждан и организаций, обратившихся к нотариусу, и права самих нотариусов, которые тоже могут быть нарушены.

В работе исследованы вопросы правового статуса государственного и частнопрактикующего нотариусов, проанализирована природа нотариальной деятельности. В науке укоренился взгляд, согласно которому нотариусы реализуют публично-правовые функции. Это мнение подвергнуто критике. С точки зрения автора, от имени Российской Федерации должны выступать только государственные нотариусы и должностные лица поселений, имеющие полномочия на совершение нотариальных действий. Указано, что конфликты в сфере нотариальной деятельности могут иметь как частноправовой так и публично-правовой характер, определен критерий их дифференциации. Частноправовые конфликты возникают между частнопрактикующими нотариусами и гражданами, организациями. Они подлежат разрешению в порядке искового производства и могут по соглашению сторон передаваться в третейские суды. Публично-правовые конфликты складываются между государственными нотариусами, должностными лицами, осуществляющими нотариальные действия, и гражданами, организациями. Эти дела должны рассматриваться по правилам административного судопроизводства.

Ключевые слова: нотариат, нотариус, публичная власть, сделки, защита права, частноправовое отношение, публично-правовое отношение, исковое производство, особое производство, административное судопроизводство

Для цитирования

Михайлова Е. В. Защита гражданских прав в нотариальной сфере // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 57–64. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_57.

УДК 347.961

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_57

«Защита субъективного гражданского права» – это широкое и сложное юридическое понятие. Во-первых, оно включает в себя материально-правовую основу: «ядром» право-защитной деятельности является правовой конфликт. Без конфликта нет необходимости

в защите, а конфликт всегда возникает в рамках правоотношения. Следовательно, первоосновой защиты субъективного гражданского права служит спорное гражданское правоотношение. Во-вторых, защита нарушенного права – это многостороннее отношение,

субъектами которого выступают не только спорящие участники исходного гражданского правоотношения, но и арбитр, т. е. субъект, уполномоченный осуществлять правовую защиту. Им может быть судья государственного суда или третейский суд. В-третьих, содержанием защиты нарушенного гражданского права являются юридические действия субъектов, осуществляющих защиту, и участников спорного правоотношения; эти действия регламентированы процессуальным законодательством.

Правовая природа конфликта, являющегося основополагающим началом правозащитной деятельности, предопределяет выбор уполномоченного субъекта, осуществляющего защиту, применимую процессуальную форму защиты и ее возможный итог.

По своей природе гражданские правоотношения должны быть частноправовыми, т. е. основанными на равенстве их участников, автономии их воли и имущественной самостоятельности. Государство в лице своих субъектов, органов, должностных лиц может становиться участником гражданских правоотношений, но при этом оно обязано «отбросить» свои публично-правовые, властные свойства и стать на один уровень с противоположной стороной, уважать и соблюдать ее самостоятельность, независимость и свободу ее воли (ст. 124 ГК РФ).

Однако это правило соблюдено далеко не во всех нормах гражданского законодательства. В гражданском законодательстве имеется множество положений, регулирующих отношения с властным субъектом на основе принципа власти и подчинения, когда частное лицо (гражданин или организация) вынуждено против своей воли вступить в гражданские правоотношения с органом или субъектом публичной власти и подчиниться условиям, выработанным этим субъектом в одностороннем порядке. Таковы, например, нормы, регулирующие изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд, пенсионные правоотношения, отношения по обязательному государственному страхованию, изъятие государством земельных участков, которые в течение трех лет не используются по целевому назначению, и др.

Следовательно, гражданские правоотношения могут носить как частноправовой, так и публично-правовой характер. При этом мы

не говорим об административных отношениях – они всегда возникают между публичным органом власти и частным лицом в сфере государственного управления. Публично-правовые отношения не являются административными, так как не связаны с административной (управленческой) деятельностью публичного субъекта, однако построены по тому же принципу власти и подчинения.

В то же время нельзя принимать за публично-правовые «квазивластные» отношения. Эти правоотношения складываются между юридически равноправными субъектами, один из которых в силу договорных, согласованных с противоположной стороной, принятых ею свободно условий имеет право требовать от другого осуществления определенной деятельности и контролировать ее, совершать распорядительные действия. Таковы отношения между работником и работодателем (трудовые, служебные), между директором или учредителем и участниками юридического лица, между третейским судом и участниками третейского разбирательства. Публичное право всегда неразрывно связано с осуществлением верховной государственной власти, и обязательным субъектом публично-правового отношения является государство в лице его органов и должностных лиц как единственный носитель публичной власти. Сам термин «публичная власть» означает, что ее юрисдикция распространяется на неограниченный круг лиц, в то время как «власть» директора юрлица или работодателя весьма условна и ограничена и распространяется лишь на работника и коллектив соответствующей организации, да и то в рамках договора и учредительных документов.

Таким образом, правовой конфликт может возникнуть как из частноправового, так и из публично-правового отношения. Порядок разрешения гражданского дела неодинаков и напрямую зависит от природы спорного материального правоотношения. Частноправовые спорные отношения могут становиться предметом как государственного судопроизводства (в рамках искового производства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах), так и третейского разбирательства. Публично-правовые конфликты подлежат рассмотрению исключительно в государственных судах по правилам специализированной процессуальной формы – административного

судопроизводства, осуществляемого судами общей юрисдикции, а также в арбитражных судах по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Гражданские правоотношения, как правило, двусубъектны. Их участниками выступают стороны – носители корреспондирующих прав и обязанностей. Однако существует ряд сделок, которые подлежат обязательному нотариальному удостоверению. В этом случае сделка становится многосубъектной, так как помимо ее сторон в ней участвует нотариус. Причем нотариус является полноценным и полноправным субъектом сделки, которую удостоверяет, поскольку без его участия и соответственно без совершения им нотариального действия сделка ничтожна (ч. 3 ст. 163 ГК РФ). Отказ нотариуса удостоверить такую сделку создает ее сторонам препятствия в реализации того или иного гражданского права. Точно так же неправильно совершенное нотариальное действие делает реализацию права невозможной. В связи с этим стороны сделки должны предпринять меры по защите своих прав.

Прежде всего следует разобраться в том, как участие нотариуса в сделке влияет на ее природу.

Согласно Основам законодательства о нотариате (далее – Основы) нотариальные действия в Российской Федерации совершают нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой (ст. 1). Хотя при совершении нотариальных действий нотариусы, работающие в государственных нотариальных конторах и занимающиеся частной практикой, обладают равными правами и несут одинаковые обязанности, а оформленные ими документы имеют одинаковую юридическую силу, правовые статусы этих нотариусов отличаются.

Государственные нотариальные конторы открываются и упраздняются полномочным федеральным органом исполнительной власти (ст. 7 Основ). Частнопрактикующие нотариусы состоят в нотариальной палате соответствующего субъекта Федерации, которая является некоммерческой организацией и представляет собой профессиональное объединение.

Частнопрактикующий нотариус обладает всеми признаками субъекта частного права: имущественно обособлен, самостоятелен, осуществляет деятельность от своего имени, несет личную ответственность за совершаемые действия (ст. 8, 17, 23 Основ). Государственные нотариусы, напротив, наделены публично-правовыми свойствами. Так, государство несет ответственность за вред, причиненный действиями (бездействием) нотариуса, работающего в государственной нотариальной конторе, в соответствии со ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 17 Основ). Можно заключить, что государственный нотариус является должностным лицом.

Несмотря на присущие частнопрактикующим нотариусам признаки субъекта частного права, существует одно обстоятельство, которое дает ученым и нотариусам основания говорить о публично-правовом статусе частнопрактикующих нотариусов, называть их должностными лицами и утверждать, что они действуют по поручению государства. В ст. 1 Основ закреплено, что нотариусы совершают нотариальные действия от имени Российской Федерации.

Это позволяет ряду авторов сравнивать нотариат и суд. Т. В. Ярошенко безапелляционно утверждает, что нотариат входит в систему правоохранительных органов и является универсальной формой защиты и охраны прав физических и юридических лиц [Ярошенко 2019: 11]. Отнесение нотариата к правоохранительным органам весьма спорно, кроме того, исследователь смешал понятия «защита права» и «охрана права».

Г. В. Фадеева также отмечает, что нотариусы обладают властными, публичными полномочиями и выступают от имени Российской Федерации, однако оговаривает, что нотариат не входит в систему государственных органов [Фадеева 2012: 8]. В определении сути нотариата, предложенном Д. С. Бугановым, тоже подчеркнута публично-правовая природа этого института [Буганов 2020: 250]. М. В. Ткаченко прямо относит нотариат к органам государственной власти [Ткаченко 2011: 9].

Как видно, весь нотариат рассматривается как орган государственной власти, а но-

тариус – как должностное лицо, от имени и в интересах государства осуществляющее, подобно суду, защиту гражданских прав. Высказываются и более осторожные мнения, например о том, что нотариат функционирует на границе публичной и частной сфер [Черников 2008: 10]. На сочетание частно-правовых и публично-правовых черт института нотариата указывает Е. А. Борисова [Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации 2016: 23]. Следует согласиться с ее суждением о том, что аналогия между нотариальной деятельностью и судебной лишь кажущаяся, поскольку предметом нотариальной деятельности выступают бесспорные дела [Там же: 24]. З. У. Гасанов также исходит из принципа сочетания в деятельности нотариуса частно-правовых и публично-правовых начал [Гасанов 2019: 8]. Наиболее четко сформулировано мнение о том, что нотариусы совершают нотариальные действия от имени государства в рамках публично-правовых полномочий, поэтому действуют в пределах правил и процедур, которые определены законом, однако не являются государственными служащими [Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате 2018: 86].

Итак, в настоящее время господствует подход к определению правовой природы нотариата, согласно которому система нотариата имеет публично-правовой характер с точки зрения ее организации и содержания [Нотариальное право 2017: 35].

На мой взгляд, единственное, с чем нельзя не согласиться, так это то, что сегодня природа нотариальной деятельности четко не определена [Малько, Богатырев 2013: 193].

При всех бесспорных признаках, указывающих на частноправовую природу внебюджетного нотариата – имущественную самостоятельность и финансовое самообеспечение, персональную ответственность и прочее, единственным основанием, на которое опираются приверженцы публично-правовой теории нотариата, – это то, что нотариальные действия, причем как частнопрактикующих, так и государственных нотариусов, осуществляются от имени Российской Федерации. Более никаких публично-правовых признаков у нотариата нет.

Осуществление нотариусами действий от имени Российской Федерации вряд ли

может само по себе служить достаточным обоснованием наличия у них публично-правовых полномочий. Полагаю, что таковыми обладают лишь государственные нотариусы и должностные лица местного самоуправления, перечисленные в ст. 1 Основ. Удостоверение сделок и совершение указанными лицами иных нотариальных действий придает публично-правовые черты самому гражданскому правоотношению. Кроме того, ряд нотариальных действий совершают должностные лица консульских учреждений Российской Федерации (ст. 38 Основ).

Удостоверение сделки частнопрактикующим нотариусом не придает гражданскому правоотношению публично-правовых черт. Частнопрактикующий нотариус не относится к должностным лицам и не является носителем публичной власти.

По моему мнению, правовой статус частнопрактикующих нотариусов весьма схож со статусом третейских судов. Третейские суды, как и государственные, вправе рассматривать и разрешать гражданско-правовые конфликты при условии наличия заключенного его сторонами арбитражного (третейского) соглашения. Нельзя сказать, что государство делегировало третейским судам часть своих полномочий по отправлению правосудия, однако оно позволяет им разбирать частноправовые конфликты и при необходимости даже выдает исполнительные листы на их решения. То же касается внебюджетного нотариата: государство позволяет ему осуществлять полномочия по внесудебной охране гражданских прав путем совершения нотариальных действий. Однако как третейские суды не являются органами судебной власти и не входят в судебную систему нашего государства, так и частнопрактикующие нотариусы, безусловно, не являются должностными лицами и отношения к органам государственной власти не имеют.

Более того, статус нотариально удостоверенной сделки ниже, чем статус решения третейского суда: последнее может быть проверено государственным судом лишь по процессуальным основаниям и никогда – по существу рассмотренного спора, после чего на него выдается исполнительный лист. Нотариально удостоверенная сделка, если она не исполняется одной из ее сторон, не дает

другой стороне никаких преимуществ: при наличии возражений противной стороны спор будет рассматриваться в общем, исковом порядке в суде общей юрисдикции или арбитражном суде. Ну и конечно, на нотариально удостоверенную сделку не выдается исполнительный лист.

Считаю, что от имени Российской Федерации должны выступать только государственные нотариусы и должностные лица поселений, имеющие полномочия на совершение нотариальных действий. Будет правильным внести соответствующие изменения в законодательство.

Правовой статус нотариуса, удостоверившего сделку, чрезвычайно важно определить при решении вопроса о порядке обжалования его действий или бездействия.

Если участник сделки – частнопрактикующий нотариус, который, по мнению ее стороны или обеих сторон, неправильно совершил нотариальное действие или безосновательно отказал в его совершении, то данный правовой конфликт может быть рассмотрен как в государственном суде (общей юрисдикции или арбитражном, в зависимости от типа исходного правоотношения), так и в суде третейском. Однако для того чтобы спор с нотариусом был рассмотрен в третейском суде, необходимо заключение всеми его участниками, включая нотариуса, арбитражного (третейского) соглашения.

Рассмотрение спора участников сделки с частнопрактикующим нотариусом в государственном суде должно осуществляться по правилам ГПК РФ или АПК РФ. Административная процессуальная форма защиты права, закрепленная в Кодексе административного судопроизводства (КАС РФ), к таким правоотношениям не применяется. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» отмечено, что по правилам КАС РФ рассматриваются дела из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Один из признаков публично-правового отношения – реализация одним из его участников административных и иных публично-властных полномочий по отношению к другому. Соответственно участие

в сделке частнопрактикующего нотариуса является основанием для рассмотрения правового конфликта в порядке искового производства по правилам ГПК РФ или АПК РФ.

Участие в сделке государственного нотариуса или должностного лица местного самоуправления, имеющего право совершать нотариальные действия, свидетельствует о публично-правовой природе конфликта сторон сделки с данными субъектами. Таким образом, подобные правовые конфликты должны рассматриваться по правилам административного судопроизводства и передаче в третейские суды не подлежат.

От имени Российской Федерации должны выступать только государственные нотариусы и должностные лица поселений, имеющие полномочия на совершение нотариальных действий

С моей точки зрения, в действующее процессуальное законодательство должна быть включена норма, в силу которой дела с участием государственных нотариусов, а также должностных лиц, наделенных правом совершать нотариальные действия, должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства, а дела, связанные с оспариванием нотариальных действий или отказа в совершении нотариальных действий частнопрактикующими нотариусами, – в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства.

Вместе с тем надо иметь в виду, что дела с участием нотариуса в судах общей юрисдикции рассматриваются не только в порядке искового производства, но и в рамках особого производства.

Особое производство в гражданском процессе считается бесспорным. По мнению Н. А. Чечиной, «по делам особого производства предметом деятельности суда являются потенциально существующие гражданские правоотношения, не находящиеся в состоянии спора. Здесь суд ограничивает свои задачи установлением наличия или отсутствия юридических фактов» [Чечина 2004: 637]. В юридической науке это мнение считается общепринятым, однако существует и точка

зрения, согласно которой в делах особого производства тоже есть спор о праве [Жильцова, Голиченко 2007: 37]. М. С. Шакарян, например, полагала, что в делах по жалобам на нотариальные действия тоже есть стороны [Шакарян 2014: 630].

Заинтересованное лицо, считающее неправильными совершенное нотариальное действие или отказ в его совершении, вправе в течение десяти дней со дня, когда ему стало известно о совершении нотариального действия или об отказе его совершить, подать заявление об этом в суд по месту нахождения нотариуса или должностного лица, уполномоченного на совершение нотариальных действий. Заявление рассматривается судом с участием заявителя и нотариуса, однако их неявка не препятствует рассмотрению дела. Решение суда, которым заявление удовлетворено, отменяет совершенное нотариальное действие или обяывает такое действие совершить (глава 37 ГПК РФ).

Согласно ч. 3 ст. 263 ГПК РФ в случае если при подаче заявления или рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения, в котором разъясняет заявителю и другим заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства. Соответственно при поступлении от нотариуса возражений по существу предъявленных заявителем требований заявление подлежит оставлению без рассмотрения. Если заинтересованные лица (сторона или стороны сделки) решают защитить свои права в исковом порядке, нотариус

перестанет выступать в статусе заинтересованного лица (в особом производстве) и займет правовое положение ответчика по делу.

На мой взгляд, нотариус едва ли будет иметь возражения в случае, когда оспариваются совершенные им действия или отказ их совершить. Подобное поведение причинит вред его деловой и профессиональной репутации. Поэтому представляется, что целесообразнее закрепить общий исковой порядок рассмотрения дел по спорам с нотариусом, осуществляющим частную практику.

М. В. Швачкина считает, что дела по заявлениям на нотариальные действия обоснованно отнесены законодателем к делам особого производства» [Швачкина 2013: 9]. С этим мнением можно и согласиться, и не согласиться одновременно. Приведенные нами выше аргументы доказывают, что в административном судопроизводстве следует разрешать дела по спорам с государственными нотариусами и должностными лицами местного самоуправления, осуществляющими нотариальные действия. Споры с частнопрактикующими нотариусами подлежат рассмотрению в гражданском или арбитражном судопроизводстве (в зависимости от характера исходного гражданского правоотношения), либо по правилам особого производства (при отсутствии возражений нотариуса), либо в исковом порядке (при наличии спора о праве). Разумеется, требования о возмещении нотариусом ущерба, причиненного неправильно совершенным нотариальным действием или отказом в его совершении, компенсации морального вреда – дела исключительно искового характера.

Список литературы

- Буганов Д. С. Правовой статус нотариуса в России на современном этапе // Молодой ученый. 2020. № 47. С. 250–252.
- Гасанов З. У. Основные особенности нотариата в Российской Федерации // Нотариус. 2019. № 2. С. 7–10.
- Жильцова Н. А., Голиченко М. М. О спорности в делах особого производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 2. С. 33–36.
- Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате / под ред. Д. Я. Малешина. М.: Статут, 2018. 719 с.
- Малько А. В., Богатырев Н. В. Место и роль нотариата в правозащитной политике современной России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5. С. 192–195.
- Нотариальное право: учеб. / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2017. 576 с.

Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: учеб. / под ред. Е. А. Борисовой. М.: Юстицинформ, 2016. 480 с.

Ткаченко М. В. Государственный контроль и надзор за нотариальной деятельностью (административно-правовые вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. 27 с.

Фадеева Г. В. Административно-правовое регулирование организации нотариальной деятельности в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 24 с.

Черников А. Е. Конституционно-правовое регулирование нотариата в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2008. 23 с.

Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд-во юрид. фак-та Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004.

Шакарян М. С. Избранные труды. СПб.: Издат. дом Р. Асланова, 2014. 880 с.

Швачкина М. В. Судебное рассмотрение дел по заявлениям на нотариальные действия и отказ в их совершении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.

Ярошенко Т. В. Понятие и роль нотариата в правовой системе: различные подходы // Нотариус. 2019. № 1. С. 10–13.

Екатерина Владимировна Михайлова – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН. 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10. E-mail: e.v.mihailova@bk.ru.

ORCID: 0000-0003-0313-3813

Protection of Civil Rights in the Notarial Sphere

The article deals with the theoretical foundations of the concept of subjective civil law, its types, features and properties. The implementation of any civil right can lead to a conflict, and the procedure for resolving this conflict is determined both by the nature of the right being implemented, and the nature of legal relations, as well as the legal status of the disputing persons. Legal conflicts in the notarial sphere have specificity, but they are subject to general laws: they can be of a private or public legal nature, and their participants can be either in a state of mutual equality, or in a public-legal, «vertical» relationship. In a state based on a rule of law is essentially important to provide methods for the protection of human subjects of any activities, so in the notary area is necessary to define methods and forms of protection of rights of citizens and organizations addressed to the notary, and the rights of the notaries themselves.

The paper examines the issues of the legal status of public and private notaries. The nature of notarial activity is also analyzed. In science, the point of view that notaries implement public legal functions has taken root. The author criticizes this view and expresses an opinion that only state notaries and settlement officials authorized to perform notarial acts should act on behalf of the Russian Federation. It is shown that conflicts in the sphere of notarial activity can have both private and public legal nature, and the criterion of their differentiation is defined. Private law conflicts arise between private practicing notaries and citizens and organizations. They are subject to settlement by way of a claim and may be referred to arbitration courts by an agreement of the parties. Public-legal conflicts develop between state notaries, officials engaged in notarial activities, and citizens and organizations. These cases must be dealt with in accordance with the rules of administrative procedure.

Keywords: notary, public authority, transactions, protection of rights, private law relations, public law relations, claim proceedings, special proceedings, administrative proceedings

Recommended citation

Mikhailova E. V. Zashchita grazhdanskikh prav v notarial'noi sfere [Protection of Civil Rights in the Notarial Sphere], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 57–64, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_57.

References

- Borisova E. A. (ed.) *Pravovye osnovy notarial'noi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii* [Legal Bases of Notarial Activity in the Russian Federation], Moscow, Yustitsinform, 2016, 480 p.
- Buganov D. S. Pravovoi status notarius v Rossii na sovremennom etape [The Legal Status of a Notary in Russia at the Present Stage], *Molodoi uchenyi*, 2020, no. 47, pp. 250–252.
- Chechina N. A. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure], Saint Petersburg, Izd-vo yurid. fak-ta Sankt-Peterburg. gos. un-ta, 2004.
- Chernikov A. E. *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie notariata v sovremennoi Rossii* [Constitutional Legal Regulation of Notaries in Modern Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Belgorod, 2008, 23 p.
- Fadeeva G. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie organizatsii notarial'noi deyatel'nosti v Rossii* [Administrative Legal Regulation of the Organization of Notary Activity in Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saratov, 2012, 24 p.
- Gasanov Z. U. Osnovnye osobennosti notariata v Rossiiskoi Federatsii [The Main Features of the Notary Office in the Russian Federation], *Notarius*, 2019, no. 2, pp. 7–10.
- Maleshin D. Y. (ed.) *Kommentarii zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o notariate (postateinyi)* [Commentary on the Legislation of the Russian Federation on Notaries (Article by Article)], Moscow, Statut, 2018, 719 p.
- Mal'ko A. V., Bogatyrev N. V. Mesto i rol' notariata v pravozashchitnoi politike sovremennoi Rossii [The Place and Role of the Notary in the Human Rights Policy of Modern Russia], *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2013, no. 5, pp. 192–195.
- Shakaryan M. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works], Saint Petersburg, Izdat. dom R. Aslanova, 2014, 880 p.
- Shvachkina M. V. *Sudebnoe rassmotrenie del po zayavleniyam na notarial'nye deistviya i otkaz v ikh sovershenii* [Judicial Consideration of Cases on Applications for Notarial Actions and Refusal to Commit them]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2013, 25 p.
- Tkachenko M. V. *Gosudarstvennyi kontrol' i nadzor za notarial'noi deyatel'nost'yu (administrativno-pravovye voprosy)* [State Control and Supervision of Notarial Activities (Administrative Legal Issues)]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Rostov-on-Don, 2011, 27 p.
- Yarkov V. V. (ed.) *Notarial'noe pravo* [Notary Law], Moscow, Statut, 2017, 576 p.
- Yaroshenko T. V. Ponyatie i rol' notariata v pravovoi sisteme: razlichnye podkhody [The Concept and Role of the Notary in the Legal System: Different Approaches], *Notarius*, 2019, no. 1, pp. 10–13.
- Zhil'cova N. A., Golichenko M. M. O spornosti v delakh osobogo proizvodstva [On Disputability in Cases of Special Proceedings], *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2007, no. 2, pp. 33–37.

Ekaterina Mikhailova – doctor of juridical sciences, associate professor, leading research fellow of the Sector of Civil Law, Civil and Commercial Procedure, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 119019, Russian Federation, Moscow, Znamenka str., 10. E-mail: e.v.mihailova@bk.ru.

ORCID: 0000-0003-0313-3813

Дата поступления в редакцию / Received: 01.02.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 04.04.2021

Г. А. Кокурин

Полковник милиции в отставке
(Екатеринбург)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАСКРЫТИЯ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Исследуются теоретические и практические аспекты раскрытия преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности на основе иных обстоятельств события преступления. Указанные обстоятельства могут отразить мотивационный механизм и личностные качества преступника. Иные обстоятельства могут быть вызваны случайными (казуальными) либо преднамеренными действиями различных субъектов: потерпевших; лица, совершившего половое преступление, либо его соучастников; иных лиц. В зависимости от времени их возникновения иные обстоятельства являются предкриминальными, т. е. создающими условия для совершения половых преступлений; возникающими во время совершения преступления; посткриминальными, т. е. создающими условия для сокрытия преступления. Автор анализирует уголовные дела, приводя примеры возникновения иных обстоятельств (в частности, вызванных преднамеренными действиями субъектов).

В статье также обращается внимание на важность изучения объекта половых преступлений, поскольку образ жизни, окружение, связи, интересы, привычки, личные качества потерпевшего могут иметь значение для определения поведенческих признаков лица, совершающего либо совершившего преступление.

Ключевые слова: понятие иного, иные обстоятельства дела, классификация иных обстоятельств, раскрытие половых преступлений, казуальность, преднамеренность, объект посягательства, поведенческие признаки насильников-маньяков

Для цитирования

Кокурин Г. А. О некоторых аспектах раскрытия половых преступлений // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 65–69. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_65.

УДК 343.985

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_65

Раскрытие и расследование преступлений зависит от различных факторов, изучения следственно-оперативной практики, системного развития науки криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Современные условия работы правоохранительных органов обуславливают необходимость внедрения в практическую деятельность следственных и оперативно-розыскных подразделений концептуальных научных достижений, направленных на совершенствование организационных, тактических, процессуальных средств, методов и приемов раскрытия преступлений.

Некоторые актуальные аспекты раскрытия преступлений пока остаются слабоизученными, а творческие идеи не нашли применения. Прежде всего это касается раскрытия поло-

вых преступлений по иным обстоятельствам уголовного дела.

Поисковая и разведывательная деятельность следователей и взаимодействующих с ними сотрудников оперативно-розыскных органов, экспертов и специалистов различных правоохранительных органов приобретает большое значение из-за латентного (скрытого) характера многих криминальных событий и трудностей получения данных о них и о личности преступников [Кокурин 2001: 29]. Установление всех факторов и обстоятельств «сексуальных» преступлений, а также определение направлений поиска лица, совершившего преступление, в том числе выдвижение перспективных поисковых, оперативно-розыскных версий, выбор методов и приемов поиска источников-объектов но-

сителей информации являются важными задачами при раскрытии половых и иных преступлений.

Следственно-оперативная практика работала следующие способы раскрытия половых и иных преступлений: по следам, оставшимся на месте происшествия; по следам, оставшимся на преступнике; по способу совершения преступления; по приметам внешности преступника; по похищенному имуществу. Однако вопросы раскрытия преступлений по иным обстоятельствам уголовного дела изучены мало.

В криминалистической литературе отмечается, что наиболее слабым звеном в работе правоохранительных органов остается поисковая и разведывательная деятельность. Следует подчеркнуть, что в условиях противодействия предварительному расследованию [Карагодин 1992: 5] организованных преступных групп данное направление деятельности органов следствия и оперативно-розыскных подразделений должно постоянно совершенствоваться. В дальнейшем это позволит при проведении поисковых мероприятий выявить более широкий спектр криминалистически значимой информации об иных обстоятельствах события преступления. Как известно, иные обстоятельства – неизбежный спутник практически любого криминального события.

В толковом словаре термин «обстоятельство» означает: 1) явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное, 2) множественные условия, определяющие положение, существование кого, чего-нибудь, обстановка (во 2-м значении). [Современный толковый словарь русского языка 2004]. Соответственно следователю необходимо учитывать влияние сопутствующих факторов, явлений и условий, развитие которых невозможно заранее однозначно прогнозировать. Следователь должен стремиться выявить и изучить закономерности, обуславливающие появление иных обстоятельств, и возможности их использования в процессе раскрытия и расследования преступлений. Иные обстоятельства, как правило, являются несущественными, но устойчивыми условиями и фактами при расследовании половых преступлений.

Изучение понятия «иные обстоятельства» осуществляется представителями различных научных дисциплин, прежде всего филосо-

фии, претендующей на выработку наиболее общего определения, а также специалистами в сфере уголовного права, уголовного процесса, которые предлагают собственные подходы.

Любое противоречие решается диалектическим путем. Основное значение понятия «иное» в европейской философии определяется оппозициями «тождественное – иное» и «единое – иное»: иное как не тождественное оказывается принципом развертывания бытия в инобытии, а иное как не единое в конечном счете отсылает к сверхбытийному истоку любой бытийной множественности.

Здесь следует обратиться к философии Гегеля, утверждавшего, что в тождестве присутствует различие. Абсолютное тождество встречается только в точных науках, например в математике, а в реальной жизни в тождестве будет наблюдаться различие по казуальным признакам или в различии по важным признакам будет наблюдаться тождество по казуальным признакам. «Иное» определяется различием, оно никогда не тождественно чему бы то ни было, следовательно, отлично и от себя самого. Но «иное» является иным только в том случае, если оно тождественно себе самому. Тождество себе оказывается условием существования «иного». Вместе с тем и понятие не было бы самим собой без «иного» [Гизатуллина, Калматаева, Санай 2014].

При расследовании уголовного дела любые условия, явления и факты события преступления могут быть познаваемы. Не может быть таких фактов и обстоятельств, которые мы не в силах бы выявить и познать в том объеме, который бы позволил правильно разрешить каждое уголовное дело [Трусов 1960: 15].

Иные обстоятельства особенно ценны для выявления и установления лица, совершающего либо совершившего «сексуальное» преступление. Они выступают криминалистически значимой информацией и представляют собой отдельные звенья в ряде фактов и явлений. Иные обстоятельства могут отразить мотивационный механизм и личностные качества преступников, совершивших половые посягательства. Естественно, в действительности поведенческие признаки преступника не существуют изолированно, а взаимодействуют, порождая и усиливая или ослабляя

друг друга. Использование сведений об иных обстоятельствах преступления может способствовать выдвигению более обоснованных следственных, поисковых и оперативно-розыскных версий, определению оптимального направления поиска носителей криминалистической информации.

Иные обстоятельства могут быть вызваны случайными (казуальными) действиями субъекта и преднамеренными действиями, которые возникли по воле и желанию субъекта.

В зависимости от субъекта – лица, обусловившего возникновение иных обстоятельств, можно выделить обстоятельства, возникшие в результате:

непосредственных (целенаправленных) или случайных действий потерпевших;

непосредственных, в том числе случайных, действий лица, совершившего половое преступление, либо его соучастников;

непосредственных (целенаправленных), в том числе случайных, действий иных лиц. К иным лицам следует отнести участников уголовного судопроизводства либо лиц, не имевших отношения к нему (следователь, сотрудник оперативно-розыскного органа, специалист, свидетель, очевидец, понятой, постороннее лицо).

Приведем пример возникновения иных обстоятельств. При расследовании уголовного дела о серийных изнасилованиях члены следственно-оперативной группы осуществляли различные мероприятия, направленные на установление потерпевших, которые не обращались в органы полиции с заявлением. Одна из потерпевших, которая была установлена после задержания преступника, с заявлением в полицию ранее тоже не обращалась. Случайная беседа с сотрудником полиции позволила потерпевшей спланировать свои дальнейшие действия. Нападения на нее и изнасилования продолжались на протяжении длительного периода, а одно время были настолько частыми, что она даже составила их график. Женщина пошла на хитрость, дабы доказать правдивость своих показаний. После того как преступник уходил из дома, она тщательно записывала в тетрадь все его действия, слова и особенно приметы внешности, одежду, походку, особые приметы. Потерпевшая анонимно передала сотрудникам полиции тетрадь, и именно информация, содержащаяся

в ней, способствовала целенаправленному поиску насильника. После его задержания потерпевшая передала сохраненный ей в холодильнике биологический материал, который способствовал изобличению преступника¹.

Таким образом, иные обстоятельства возникли в результате целенаправленных преднамеренных действий потерпевшей и послужили для установления лица, совершившего изнасилование.

В зависимости от времени их возникновения иные обстоятельства могут быть 1) предкриминальными, создающими условия для совершения половых преступлений; 2) возникшими во время совершения преступления; 3) посткриминальными, создающими условия для сокрытия половых преступлений.

Использование сведений об иных обстоятельствах преступления может способствовать выдвигению более обоснованных следственных, поисковых и оперативно-розыскных версий, определению оптимального направления поиска носителей криминалистической информации

Приведем пример возникновения посткриминальных иных обстоятельств. С 1998 г. в ряде городов одного из субъектов России совершена серия изнасилований и убийств несовершеннолетних девочек. Первой была убита ученица школы № 5 Невьянска Тая Козлова. Ее труп обнаружили на 292-м километре Серовского тракта. В этом же районе были найдены тела еще девяти пропавших без вести школьниц.

Установить убийцу удалось только в августе 2003 г. Им оказался житель Новоуральска, автомобильный слесарь Уральского электрохимического комбината 29-летний Евгений Петров. Пытаясь уничтожить следы своего очередного преступления, он сам пришел в милицию.

За несколько дней до этого в одном из городов Свердловской области пропала 16-летняя Екатерина Перезолова, которая отдыхала в спортивном лагере. На очередной тренировке по бегу, проходившей рядом с трактом,

¹ URL: <https://life.ru/929991> (дата обращения: 20.04.2020).

девушка отстала от группы, и больше никто ее живой не видел. Ее тело нашли через несколько дней у болота в Невьянском районе. Данное преступление получило широкую огласку. Петров решил пойти в милицию и заявил ее сотрудникам, что видел, как девушку увозили в иномарке по нижнетагильской трассе.

Установить описанный свидетелем автомобиль сотрудники милиции так и не смогли, однако обратили внимание на самого заявителя, который слишком настойчиво и подробно описывал убитую девушку и якобы увезший ее автомобиль. Именно посткриминальное поведение преступника привлекло внимание правоохранительных органов: обстоятельства, умышленно созданные Петровым, в дальнейшем способствовали организации более тщательной проверки его на причастность к совершенным убийствам. Сотрудники милиции провели обыск у Петрова и на его рабочем месте нашли сережки, которые опознали родители убитой Кати Перезоловой. Петров был арестован, на допросах он подробно рассказал обо всех убийствах, которые совершил, детально описал места захоронения жертв, а главное, его опознали две девочки, которым удалось вырваться из его рук¹.

К иным обстоятельствам следует отнести и объект посягательства. Выявление и установление лица, совершающего либо совершившего половое преступление, по объекту посягательства в науке криминалистике и в оперативно-розыскной деятельности еще не разрабатывались как способ раскрытия преступления. Лицо, совершающее либо совершившее преступление, воздействует на объект посягательства, и это обуславливает возникновение различных изменений. Они локализуются: 1) на месте совершения преступления; 2) на самом объекте посягательства, его частях; 3) в местах последующего

его нахождения, укрытия, реализации; 4) на преступнике (его теле, одежде); 5) на орудиях преступления, технических средствах, использованных преступником [Лоер 2000: 12].

Объектами половых преступлений являются люди, ставшие жертвами указанных посягательств. Полученные при изучении объекта посягательства сведения (свойства личности потерпевшего, его образ жизни, окружение, связи, интересы, привычки, увлечения, места посещения) могут иметь значение для выявления и установления лица, совершающего либо совершившего преступление. Замкнуть логическую цепь «потерпевшая – лицо, совершившее преступление», в дальнейшем проверить его причастность к преступлению, а при ее подтверждении приступить к изобличению – значит раскрыть преступление.

Объект посягательства может характеризовать лицо, совершающее или совершившее преступление, а именно его «окраску», т. е. совокупность присущих ему поведенческих признаков. Также поведенческие признаки убийц и насильников проявляются в предкриминальных действиях, во время совершения преступления и в посткриминальных действиях. Лица, совершающие либо совершившие «сексуальные» преступления, не меняют объект посягательства, систему мест и способ совершения данных преступлений, странности при их совершении, цикл совершения преступлений (периодичность), свою «окраску», способы сублимации, мимикрии. Убийцы-насильники являются, как правило, местными жителями, боятся посещать чужие, незнакомые места до совершения преступления готовят легенду на случай задержания сотрудниками полиции.

Таковы некоторые теоретические и практические аспекты раскрытия половых преступлений по иным обстоятельствам уголовного дела. Их своевременное установление и использование могут способствовать поиску лица, совершившего преступление.

¹ URL: <https://serial-killers.ru>.

Список литературы

- Гизатуллина Г. А., Калматаева Э. М., Санай Г. Е. Проблема «инога» в философии постмодернизма // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 11. С. 88–92.
- Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию: моногр. Свердловск: Урал. ун-т, 1992. 176 с.
- Кокурин Г. А. Теоретические и практические основы поисковой деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 387 с.

Лоер В. Криминалистика: учеб. 2000. 129 с.
Современный толковый словарь русского языка. М.: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
Трусов Л. И. Основы теории судебных доказательств: краткий очерк. М.: Госюриздат, 1960. 176 с.

Геннадий Алексеевич Кокурин – доктор юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке. 620000, Российская Федерация, Екатеринбург. E-mail: kokyrin1952@yandex.ru.
ORCID: 0000-0003-3809-0235

Some Aspects of Solving Sexual Crimes

The theoretical and practical aspects of disclosing crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual are investigated on the basis of other circumstances of the crime event. These circumstances may reflect the motivation and personality traits of the offender. Other circumstances can be caused by accidental or deliberate actions of various subjects: victims, a person who has committed a sexual offense or his accomplices, other persons. Depending on the time of their occurrence, other circumstances may be pre-criminal, that is, they create conditions for the commission of sexual crimes; may arise during the commission of a crime; may be post-criminal, that is, creating conditions for concealing a crime. The author analyzes criminal cases, giving examples of the occurrence of other circumstances (in particular, those caused by the deliberate actions of the subjects).

The article also draws attention to the importance of studying the object of sexual crimes, since the lifestyle, environment, connections, interests, habits, personal qualities of the victim can be important for determining the behavioral characteristics of a person who commits or has committed a crime.

Keywords: *concept of other, other circumstances of the case, classification of other circumstances, disclosure of sexual crimes, casualty, premeditation, object of encroachment, behavioral signs of rapists-maniacs*

Recommended citation

Kokurin G. A. O nekotorykh aspektakh raskrytiya polovnykh prestuplenii [Some Aspects of Solving Sexual Crimes], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 65–69, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_65.

References

Gizatullina G. A., Kalmataeva E. M., Sanai G. E. Problema «inogo» v filosofii postmodernizma [The Problem of the «Other» in the Philosophy of Postmodernism], *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 11, pp. 88–92.

Karagodin V. N. *Preodolenie protivodeistviya predvaritel'nomu rassledovaniyu* [Overcoming the Opposition to the Preliminary Investigation], Sverdlovsk, Ural. un-t, 1992, 176 p.

Kokurin G. A. *Teoreticheskie i prakticheskie osnovy poiskovoi deyatel'nosti v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii* [Theoretical and Practical Bases of Search Activity in the Process of Detection and Investigation of Crimes]: doct. jur. sc. thesis, Ekaterinburg, 2001, 387 p.

Loer V. *Kriminalistika* [Forensic Science], 2000, 129 p.

Sovremenniyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language], Moscow, Riderz Daidzhest, 2004, 960 p.

Trusov L. I. *Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv: kratkii ocherk* [Fundamentals of the Theory of Forensic Evidence: A Brief Essay], Moscow, Gosyurizdat, 1960, 176 p.

Gennady Kokurin – doctor of juridical sciences, associate professor, retired police colonel. 620000, Russian Federation, Yekaterinburg. E-mail: kokyrin1952@yandex.ru.
ORCID: 0000-0003-3809-0235

Дата поступления в редакцию / Received: 13.12.2020

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2021

С. Г. Сидоров

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург)

С. А. Бараковских

Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург)

С. А. Юлчури́н, А. С. Кабрильо

Zamora & Abogados
(Сантандер, Испания)

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ БИЗНЕС-ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ (КОМПЛАЕНС-СИСТЕМА)

В статье высказываются предложения по совершенствованию воспитательной системы в образовательных организациях и формированию основ корпоративной культуры. Анализируется опыт успешного применения технологий международной предпринимательской деятельности – системы комплаенса и внутреннего аудита. Обсуждаются методология предупреждения девиаций и нарушений законодательства, следование корпоративным стандартам и внутренним кодексам поведения в организации. Выделяется два типа обязательств, которые должна выполнять организация: обязательные нормы, т. е. закон, и добровольные обязательства в виде следования отраслевому кодексу либо внутренним правилам, которые сформировались в корпоративной среде.

Рассматриваются методы комплаенс-системы образовательной организации, которые включают в себя административно-правовые средства воздействия в виде убеждения, принуждения и поощрения обучающихся. В основу методологии комплаенс-системы образовательной организации предлагается заложить четыре уровня реализации: ознакомление абитуриентов с ценностями вуза; формирование навыка надлежащего поведения и соблюдения студентами основ комплаенса вуза; мониторинг соблюдения обучающимися требований надлежащего поведения в рамках комплаенс-системы вуза; обеспечение обратной связи и возможная коррекция комплаенс-системы. Также выделяются основные компоненты данной системы (политики и протоколы).

Ключевые слова: комплаенс-система, образовательная организация, воспитание, надлежащее и правомерное поведение обучающихся, политики и протоколы комплаенс-системы образовательной организации

Для цитирования

Сидоров С. Г., Бараковских С. А., Юлчури́н С. А., Кабрильо А. С. Имплементация международных бизнес-технологий в современном юридическом образовании (комплаенс-система) // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 70–77. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_70.

УДК 378.1, 37.075

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_70

В современных условиях приходится констатировать, что растет количество деяний антиобщественной направленности, совершенных молодыми людьми в возрасте до

21 года. Несмотря на активную деятельность политических и общественных институтов в молодежной среде понятие суверенности страны, традиционные духовно-нрав-

ственные ценности, исторически знаковые события и социокультурные традиции как главные смыслы национального бытия девальвируются. Воспитательные меры по профилактике девиации поведения молодых людей силами образовательной организации не теряют актуальности, поскольку напрямую касаются судьбы не только подрастающего поколения, но и всей нашей страны.

Значимость воспитания молодежи, приоритет стабильности и процветания нашего государства подтверждаются внесением изменений в конституционное законодательство и Федеральный закон «Об образовании». Устанавливается приоритет осуществления плановой и целенаправленной воспитательной деятельности в образовательной организации, формирования патриотичной и ответственной личности на основе исторических и национально-культурных традиций, принятых в нашем обществе, а также многовековых правил и норм поведения в интересах гражданина, семьи, общества и государства.

Проблематика качества высшего образования усиливается этическими требованиями в будущей профессиональной деятельности. Деонтологические кодексы поведения обуславливают аккуратность поведения в ситуации конфликта интересов, непримиримость к нарушению закона и нивелирование возможности коррупционных проявлений.

Богатая практика работы воспитательных систем образовательных организаций требует своего дальнейшего развития и совершенствования, в том числе с использованием эффективных технологий международной предпринимательской деятельности.

Имплементация основных положений комплаенс-системы, используемых в бизнесе, в деятельность образовательных организаций может дать новый импульс формированию надлежащего и правомерного поведения обучающихся [Батаева, Черепанова 2017: 30–31; Керимов 2014: 42; Saralaya, Saralaya, D'Souza 2019: 53–54].

На наш взгляд, интересен опыт Королевства Испании. Практика комплаенса в этой стране была внедрена несколько десятилетий назад в двух широко регулируемых секторах – финансовом и фармацевтическом. После вступления в силу Органического закона от 22 июня 2010 г. № 5/2010 о реформе Уголовного кодекса в Испании была закре-

плена уголовная ответственность юридических лиц.

Позже, с новой реформой от 1 июля 2015 г. и циркуляром Генерального прокурора № 1/2016, приоритет был отдан организационным функциям по управлению различными рисками.

Комплаенс – ключевой фактор надлежащего управления организацией. Необходимо подчеркнуть, что практика корпоративного управления и соблюдение юридическими лицами нормативных требований идут рука об руку [Ly, Maggi 2015: 209–211; Melero, Melero-Fuentes, Rodríguez-Gairín 2018: 858–856]. Система корпоративного управления в Испании вытекает из «кодексов и всеобъемлющих отчетов – рекомендаций», которые выступают неотъемлемой частью испанской правовой системы.

При этом стоит подчеркнуть, что одной из проблем комплаенса являются формирование и контроль надлежащей поведенческой матрицы. В этом смысле технология реализации комплаенса играет решающую роль как инструмент управления рисками, создания матриц надлежащего поведения, инструмент подбора средств контроля в картах рисков, следовательно в целом она обеспечивает эффективность комплаенс-менеджмента в организациях.

В рамках нормативной базы комплаенса следует учитывать не только правовые нормы, такие как законы и иные акты, но и внутреннюю политику, обязательства перед клиентами, поставщиками или третьими лицами и особенно этические кодексы, которые установила компания (поскольку есть много случаев, когда действие может быть законным, но не этичным). Именно в подобных ситуациях работодатели и администраторы должны очень четко представлять себе свои обязанности в отношении законодательства, которое применяется к их организации, особенно после реформы Уголовного кодекса Испании в 2015 г.

В настоящее время компании должны выполнять обязательства двух типов:

обязательные нормы. Это законы и практика их регулирования, судебные мандаты и в конечном счете те требования, которые устанавливаются государством;

добровольные обязательства. Это отраслевые кодексы или внутренние кодексы надлежащей практики, созданные ассоциацией,

к которой присоединилась компания, а также ее собственный кодекс этики или поведения.

Современная функция комплаенса обязывает нас соблюдать и то, и другое. Несоблюдение одного обязательства столь же серьезно, как и несоблюдение другого, поскольку оба касаются организации (нет смысла соблюдать закон, но не соблюдать собственные принципы и ценности). Иными словами, формальное следование требованиям закона не всегда является этичным.

На наш взгляд, существует пять блоков действий в исследуемой сфере:

1) *идентификация*: риски, с которыми сталкивается компания, должны быть идентифицированы с учетом их серьезности и воздействия, а также вероятности их возникновения;

2) *предупреждение*: необходимо разработать и внедрить процедуры контроля, защищающие компанию.

3) *мониторинг и выявление*: нужно контролировать эффективность внедренных средств контроля, информируя руководство о подверженности компании рискам и периодически проводя аудит;

4) *решение*: если несмотря ни на что возникает проблема в соблюдении требований, необходимо приложить усилия для ее решения;

5) *совет*: руководители и работники должны получать достаточную и достоверную информацию для выполнения своей работы в соответствии с действующими нормативными актами.

Резюмируя опыт Испании, мы должны сказать, что, несмотря на короткий период соблюдения рассмотренных выше требований, в стране был разработан важный свод законов, который будет совершенствоваться в ближайшие годы.

В Российской Федерации система комплаенса, внутреннего аудита в предпринимательской деятельности находит, на наш взгляд, реализацию в основных положениях Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и в новеллах Федерального закона от 1 марта 2020 г. № 33-ФЗ «О защите конкуренции», который вводит новое определение понятия антимонопольного комплаенса, а также основные требования к нему.

Сегодня могут возникнуть риски и угрозы для репутации как коммерческой, так и бюджетной или некоммерческой организации. Подобные проблемы совсем не чужды системе высшего образования, поскольку репутация вуза становится одним из показателей эффективности его деятельности [Лаврищева 2017: 1473–1476]. По нашему мнению, комплаенс-деятельность в университете имеет приоритетное значение для воспитания обучающихся. Она направлена на поддержку положительной репутации вуза, а также имеет ярко выраженную деонтологическую, корпоративную и антикоррупционную направленность.

Все политики образовательной комплаенс-деятельности еще требуют глубокого изучения и осмысления. Однако уже сейчас можно констатировать, что используемые в образовательной организации методы комплаенс-системы включают в себя все административно-правовые средства воздействия, например убеждение, поощрение и принуждение [Росинский, Стариков 2019: 413–414].

Убеждение реализуется посредством использования целенаправленных разъяснительных, организационных и воспитательных мер воздействия, направленных на формирование или коррекцию воли управляемого субъекта, в данном случае обучающихся. Формами применения этих мер могут служить «воспитание личным примером», пропаганда и агитация.

Поощрение рассматривается как способ воздействия на волю обучающихся посредством создания интереса и стимулирования следования воле доминанта, в данном случае – университета. Основанием поощрения выступает деяние, соответствующее должному поведению и деонтологическим нормам, принятым в образовательной организации. Поощрение может быть моральным (благодарность или грамота), материальным (премия, памятный подарок), статусным (присвоение почетного знака отличия или звания «Лучший студент», «Гордость курса / института / университета...») и смешанным (моральным, материальным и статусным). С правовой точки зрения поощрение может быть формальным (регламентированным нормами права) и неформальным (используемым в рамках внеучебной деятельности образовательной организации).

Принуждение рассматривается как императивный метод воздействия на сознание и поведение, который детерминирует выбор обучающегося. Административное принуждение может быть внешним (психическим, физическим или экономическим), публично-правовым (имеющим формальную определенность принуждения), осуществляемым уполномоченным на то должностным лицом организации. Принуждение подчиняет волю, стимулируя при этом надлежащее поведение, отвечающее публичным интересам университета и социума.

Многие образовательные организации уделяют надлежащему поведению студентов пристальное внимание. В то же время выделение основных ценностей и принципов образовательной организации, следование своему и отраслевому этическому кодексу, реализация корпоративного стандарта поведения и привлечение к этой работе студенческих объединений не везде осуществляются на регулярной основе.

В зоне действия комплаенс-системы вуза находятся инструменты управления комплаенс-рисками, которые позволяют их вовремя распознать, оценить и профилировать, не допуская негативных последствий для репутации образовательной организации [Орлова 2019: 168].

В первую очередь выделим комплаенс-риск в самом процессе качественного и надлежащего выполнения требований федерального государственного образовательного стандарта. Кроме того, как потенциальные комплаенс-риски можно рассматривать основные функции образовательной организации [Ясперс 2006: 64]: образование и воспитание; исследование; обеспечение надлежащего уровня качества обучения.

Предлагаем заложить в основу методологии комплаенс-системы вуза четыре уровня реализации.

Первый, базовый уровень – ознакомление абитуриентов с ценностями образовательной организации и основами ее комплаенс-системы. Формы реализации: работа кураторов групп первокурсников из числа преподавательского состава и актива старшекурсников из студенческих объединений; знакомство обучающихся с различного рода памятками и мультимедийными напутствиями вуза. Базовыми политиками комплаенс-

системы на данном уровне могут быть следующие:

«Деяния студента определяют репутацию образовательной организации»;

«Профилактика и воспитание: чисто не там где метут, а там где не соряют»;

«Наука, творчество, культура и спорт – основа будущей корпоративности и креативности» и т. д.

В зоне действия комплаенс-системы вуза находятся инструменты управления комплаенс-рисками, которые позволяют их вовремя распознать, оценить и профилировать

Второй уровень – непосредственное и систематическое формирование навыка надлежащего поведения и соблюдения обучающимися корпоративных основ, принятых в организации. Оптимальные формы реализации: следование базовым нормам этики и этикета в учебной и внеучебной деятельности, участие в мероприятиях соответствующей направленности, взаимный контроль [Сидоров 2018: 183–185]. В качестве примера можно привести использование комплексных корпоративных состязаний обучающихся экономических вузов в науке, спорте, творчестве, решении бизнес-кейсов, нацеленность на подготовку кадрового резерва.

Третий уровень – мониторинг соблюдения обучающимися требований к надлежащему поведению в рамках комплаенс-системы образовательной организации. Форма реализации: участие в анкетировании и опросах профильных управлений и уполномоченных должностных лиц образовательной организации.

В рамках реализации третьего уровня, возможно, имеет смысл творческое использование китайской системы «социального рейтинга» применительно к российским условиям. На наш взгляд, можно реализовать проект с условным названием «99 специалистов / бакалавров / магистров». Все студенты-выпускники ранжируются по итогам анкетирования в зависимости от условных социальных оценок, выставленных представителями сообщества образовательной организации (профессорско-преподавательским

составом, сотрудниками администрации вуза, студенческими объединениями и самими студентами).

Полагаем, что желание обучающегося занять достойное место в комплексном рейтинге сможет оказать на него известное воспитательное влияние и мотивировать его на личное отношение к качеству образования и престижа самой образовательной организации.

Четвертый уровень – обеспечение обратной связи и возможная коррекция комплаенс-программы. Формой их реализации будет взаимодействие уполномоченных должностных лиц образовательной организации («комплаенс-офицеров» или «внутренних аудиторов») и сообщества обучающихся.

Важны доступность и незаформализованность ключевых студенческих политик комплаенс-системы организации:

- политики образования (*opera et studio*);
- политики честной науки (*fair & smart*);
- политики внеучебной деятельности (*gaudeāmus igitur*);
- политики общежития (*modus vivendi*);
- политики надлежащего поведения и открытости (*est modus in rebus*) и т. д.

Выбранные политики реализуются посредством соблюдения обучающимися соответствующих предложенных протоколов (правил) поведения или принятых в образовательной организации норм этикета. Например, для осуществления политики образования нужно соблюдать протокол сдачи зачета или экзамена, политики внеучебной деятельности – протокол участия в мероприятиях, политики честной науки – протокол соблюдения антиплагиата, политики общежития – протокол совместного проживания обучающихся в жилых помещениях (студенческих общежитиях), политики надлежащего поведения – корпоративный стандарт в общении, а также дресс-код внутри самой образовательной организации и вне ее, политики открытости – практика использования личного бэйджа либо QR-кода в образовательной организации.

В заключение можно предложить следующую методологию комплаенс-системы об-

разовательной организации с использованием метода кругов Эйлера [Эйлер 2002: 218–220], описывающую объединение понятий и демонстрирующую «вложенность» одного в другое:

1) изучение и принятие миссии образовательной организации, приоритет репутации *alma mater*, ее общих и корпоративных ценностей;

2) разработка уровней реализации комплаенс-системы и возможность ее коррекции; подготовка основных политик и протоколов, раскрывающих смысл комплаенс-системы; изучение новых форм реализации традиций образовательной организации;

3) создание саморегулируемых студенческих объединений, обеспечивающих реализацию комплаенс-системы, в том числе «досудебный», предисциплинарный разбор конфликтных ситуаций (например, суд чести *alma mater*);

4) включение в типовую форму договора об образовании как общих, так и специальных обязанностей обучающегося по исполнению положений комплаенс-системы, корпоративного стандарта образовательной организации;

5) активная пропаганда нетерпимости к любым проявлениям коррупции и ненадлежащего поведения в образовательной организации (университетские СМИ, социальные сети, использование всего потенциала внеучебной деятельности).

Отметим, что в рамках статьи невозможно раскрыть всю сущность и специфику методологии комплаенс-системы образовательной организации. Предложения, высказанные авторами, не являются исчерпывающими. Предпринята лишь попытка осмысления возможности внедрения эффективных бизнес-технологий в образовательную среду. Например, не решены проблемы перехода воспитательных отделов образовательной организации от «мероприятийной» повестки к аналитической и активной созидательной деятельности по формированию основ надлежащего поведения будущего профессионала. Поэтому наши научные изыскания будут продолжены.

Список литературы

- Ly L., Maggi F. M. et al. Compliance Monitoring In Business Processes: Functionalities, Application, and Tool-Support // Information Systems. 2015. № 54. P. 209–234. DOI: 10.1016/j.is.2015/02/007.

Melero R., Melero-Fuentes D., Rodríguez-Gairín J.-M. Monitoring Compliance with Governmental and Institutional Open Access Policies across Spanish Universities // *El profesional de la información*. 2018. Vol. 27. № 4. P. 858–878. DOI: 10.3145/epi.2018.jul.15.

Saralaya S., Saralaya V., D'Souza R. G. Compliance Management in Business Processes // *Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies*. Springer Paris. 2019. Vol. 21. P. 53–91. DOI: 10.1007/978-3-319-93940-7_3.

Батаева Б. С., Черепанова В. А. Перспективы развития комплаенса как средства улучшения корпоративного управления в российских компаниях // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. № 5. С. 30–36.

Керимов В. Э. Организация управления рисками на основе системы «комплаенс-контроль» // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2014. № 3. С. 42–46.

Лаврищева Е. Е. Управление рисками образовательного учреждения // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. № 8. С. 1473–1485. DOI: 10.24891/ea.16.8.1473.

Орлова М. Г. К вопросу об эффективности репутационного комплаенса // *Современные финансовые отношения: проблемы и перспективы развития: материалы V Междунар. науч.-практ. конф.* Новосибирск, 2019. С. 163–168.

Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. *Административное право: учеб. для вузов*. 6-е изд., пересмотр. М.: Норма; Инфра-М, 2019. 640 с.

Сидоров С. Г. Внеучебная деятельность как один из факторов повышения качества юридического образования и совершенствования духовно-нравственных и образовательных компонентов воспитания обучающихся юридического вуза // *Новое гуманитарное знание в всузах: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* (Астана, 6 апреля 2018 г.). Астана: АПО при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2018. Ч. 1. С. 178–188.

Эйлер Л. *Письма к немецкой принцессе о разных физических и философических материях*. СПб.: Наука, 2002. 720 с.

Ясперс К. *Идея университета*. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

Сергей Геннадьевич Сидоров – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гражданского права Уральского государственного экономического университета. 620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62/45; доцент кафедры воспитания и дополнительного образования Института развития образования. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Академическая, д. 16. E-mail: s.g.sidorov@usue.ru.

ORCID: 0000-0002-4123-0254

Светлана Анатольевна Бараковских – подполковник полиции, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России. 620017, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66. E-mail: sergen777@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5390-1652

Салават Азатович Юлчурин – кандидат юридических наук, приглашенный профессор Школы практической юриспруденции, Zamora & Abogados. 39002, Spain, Cantabria, Santander, Calle de Calvo Sotelo, 16. E-mail: slv3@ya.ru.

ORCID: 0000-0002-7770-8563

Андрес Себальос Кабрильо – приглашенный профессор Школы практической юриспруденции, Zamora & Abogados. 39002, Spain, Cantabria, Santander, Calle de Calvo Sotelo, 16. E-mail: aceballos@viclegal.eu.

ORCID: 0000-0001-5868-7106

Implementation of International Business Technologies in Modern Legal Education (Compliance System)

In the paper, proposals are made to improve the educational system of educational organizations and to form the foundations of the corporate culture. The problem of improving the quality of higher education is reinforced by deontological requirements, corporate and ethical norms in

future professional activities. The successful implementation of technologies used in international entrepreneurship (compliance system and internal audit) is analyzed.

The methodology for preventing deviations and violations of the law, adherence to corporate standards and internal codes of conduct in the organization is discussed. There are two types of obligations that the organization must fulfill: mandatory rules, i. e. law, and voluntary obligations in the form of compliance with an industry code or internal rules that have been formed in the corporate environment (e. g., one's own code of professional ethics). The methods of the educational organization compliance system, which include administrative and legal means of influence in the form of persuasion, coercion and encouragement of the students, are discussed. The methodology of compliance system of the educational organization can be based on four levels of implementation: enlightening the applicants with the values of the educational organization; the formation of the skill of proper behavior and compliance; monitoring students' compliance with the requirements of appropriate behavior; providing feedback and possible correction of the compliance system. The main components of this system (policies and protocols) are also highlighted.

Keywords: compliance system, educational organization, education, proper and lawful behavior of students, policies and protocols of the compliance system of the educational organization

Recommended citation

Sidorov S. G., Barakovskiyh S. A., Yulchurin S. A., Kabril'ov A. S. Implementatsiya mezhdunarodnykh biznes-tekhnologii v sovremennom yuridicheskom obrazovanii (komplaens-sistema) [Implementation of International Business Technologies in Modern Legal Education (Compliance System)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 70–77, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_70.

References

Bataeva B. S., Cherepanova V. A. Perspektivy razvitiya komplaensa kak sredstva uluchsheniya korporativnogo upravleniya v rossiiskikh kompaniyakh [Compliance as a Means of Improving Corporate Governance in Russian Companies and Its Development Prospects], *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2017, no. 5, pp. 30–36.

Eiler L. *Pis'ma k nemetskoj printsesse o raznykh fizicheskikh i filosoficheskikh materiyakh* [Letters to the German Princess about Various Physical and Philosophical Matters], Saint Petersburg, Nauka, 2002, 720 p.

Kerimov V. E. Organizatsiya upravleniya riskami na osnove sistemy «komplaens-kontrolya [The Organization of Risk-Management Based on the Compliance Control], *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2014, no. 3, pp. 42–46.

Lavrishcheva E. E. Upravlenie riskami obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Risk Management at Educational Institutions], *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2017, vol. 16, no. 8, pp. 1473–1485, DOI: 10.24891/ea.16.8.1473.

Ly L., Maggi F. M. et al. Compliance Monitoring in Business Processes: Functionalities, Application and Tool-Support, *Information Systems*, 2015, no. 54, pp. 209–234, DOI: 10.1016/j.is.2015/02/007.

Melero R., Melero-Fuentes D., Rodríguez-Gairín J.-M. Monitoring Compliance with Governmental and Institutional Open Access Policies across Spanish Universities, *El profesional de la información*, 2018, vol. 27, no. 4, pp. 858–878, DOI: 10.3145/epi.2018.jul.15.

Orlova M. G. K voprosu ob effektivnosti reputatsionnogo komplaensa [To the Question of the Effectiveness of Reputational Compliance], *Sovremennyye finansovyye otnosheniya: problemy i perspektivy razvitiya* [Modern Financial Relations: Problems and Development Prospects]: conference papers, 2019, pp. 163–168.

Rossinskii B. V., Starilov Yu. N. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2019, 640 p.

Saralaya S., Saralaya V., D'Souza R. G. Compliance Management in Business Processes, *Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies*, Springer Paris, 2019, vol. 21, pp. 53–91, DOI: 10.1007/978-3-319-93940-7_3.

Sidorov S. G. *Vneuchebnaya deyatel'nost' kak odin iz faktorov povysheniya kachestva yuridicheskogo obrazovaniya i sovershenstvovaniya dukhovno-nravstvennykh i obrazovatel'nykh komponentov vospitaniya obuchayushchikhsya yuridicheskogo vuza* [Extracurricular Activities as a Factor in Improving The Quality of Legal Education and Improving the Spiritual, Moral and Educational Components of the Education of Law School Students], *Novoe gumanitarnoe znanie v vsuzakh* [New Humanities Knowledge in Higher Educational Institutions]: conference papers, Astana, APO pri General'noi prokurature Respubliki Kazakhstan, 2018, vol. 1, pp. 178–188.

Yaspers K. *Ideya universiteta* [The Idea of the University], Minsk, BGU, 2006, 159 p.

Sergey Sidorov – candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Civil law department, Ural State University of Economics. 620144, Russian Federation, Yekaterinburg, 8 Marta str., 62/45; associate professor of the Department of education and additional education, Institute for Educational Development. 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Academicheskaya str., 16. E-mail: s.g.sidorov@usue.ru.

ORCID: 0000-0002-4123-0254

Svetlana Barakovskiyh – police lieutenant colonel, senior teacher of the Department of administrative law and administrative activity of the internal affairs bodies, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 620017, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepina str., 66. E-mail: sergen777@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5390-1652

Salavat Yulchurin – candidate of juridical sciences, visiting professor, School of Practical Law, Zamora & Abogados. 39002, Spain, Santander, Cantabria, Calle de Calvo Sotelo, 16. E-mail: slv3@ya.ru.

ORCID: 0000-0002-7770-8563

Andres Ceballos Cabrillo – visiting professor, School of Practical Law, Zamora & Abogados. 39002, Spain, Santander, Cantabria, Calle de Calvo Sotelo, 16. E-mail: aceballos@viclegal.eu.

ORCID: 0000-0001-5868-7106

Дата поступления в редакцию / Received: 27.01.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2021

С. В. Бендюрина

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
М. С. САЛИКОВА, С. Э. НЕСМЕЯНОВОЙ, А. Н. МОЧАЛОВА И ДР.
«ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ»**

Для цитирования

Бендюрина С. В. Рецензия на коллективную монографию М. С. Саликова, С. Э. Несмеяновой, А. Н. Мочалова и др. «Права человека в сети Интернет» // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 78–80. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_78.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_78

Рецензируемая монография выполнена коллективом ученых кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета под руководством заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора М. С. Саликова. Исследование является фундаментальным, затрагивающим огромный массив вопросов, отличается новизной и непротиворечивостью, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Интернет как главный символ периода распространения цифровых технологий подчинил своему влиянию многие сферы человеческой жизни, и его дальнейшее развитие неминуемо трансформирует общественные отношения. Авторы ставят перед собой цели выявить зависимость системы прав и свобод человека от технологического прогресса, обосновать возникновение новых прав и свобод, а также сформулировать правовую модель реализации и защиты цифровых прав и свобод граждан.

Информационная база исследования отличается широтой и надежностью. Интересна классификация прав и свобод человека, представленная в первой главе монографии. Авторы, выделяя четыре поколения прав и свобод человека, обращают внимание на приоритеты, присущие каждому из этих поколений. Права первого поколения олицетворяют свободу человека от государства, второго – предполагают активное участие государства в социально-экономической и культурной

жизни общества. Права третьего поколения сформировались в послевоенный период (с 1945 г.) под влиянием глобальных проблем человечества и принадлежат, скорее, народам и нациям, нежели каждому индивидууму. Формирование четвертого поколения прав в конце XX в. отражает масштабное развитие цифровых технологий, меняющих общество.

Авторы доказывают, что механизмы реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, гарантии и ограничения таких прав в Интернете и в обычной жизни различаются. Именно поэтому они рекомендуют при организации защиты прав и свобод человека в сети Интернет принимать во внимание вопросы правового регулирования виртуальной среды в целом и сервисов, обеспечивающих реализацию прав и свобод, в частности.

Рассматривая Интернет как глобальную информационно-коммуникационную сеть со значительным числом характеристик, особенно тех, что влияют на присутствие Интернета в пределах правового пространства, не имеющего национального ограничения, авторы исследования признают, что Интернет как мощный инструмент реализации прав человека должен быть максимально свободным, за исключением ситуаций, когда это может привести к нарушению чьих-либо прав.

Освещая результаты обобщения международной практики, авторский коллектив подтверждает необходимость применения международно-правового регулирования для установления общих параметров доступа

к Интернету. Международное интернет-право, призванное регулировать вопросы взаимоотношений между государствами в интернет-сфере, способы контроля за использованием Всемирной сети и за соблюдением в ней прав и свобод граждан, формируется, пусть и медленно.

Обращаясь к российской практике правового регулирования прав и свобод человека в Интернете, авторы отмечают, что необходимо создать механизмы, обеспечивающие защиту персональных данных, предотвращающие киберпреступления и гарантирующие информационную безопасность граждан.

Во второй главе монографии справедливо указывается, что для сохранения доверия в обществе важен баланс между государственным регулированием и контролем, с одной стороны, и индивидуальной свободой — с другой, особенно при регулировании интернет-пространства. По мнению авторов, доверие в цифровой среде имеет четыре тесно связанных между собой уровня. Во-первых, это доверие человека Интернету как среде общения; во-вторых, доверие людям и организациям, с которыми гражданин вступает в коммуникацию через Всемирную паутину; в-третьих, доверие информации, размещаемой в *онлайн*-ресурсах; в-четвертых, доверие к контролирующим агентам, устанавливающим правила для интернет-коммуникации.

Возможности современной интернет-инфраструктуры позволяют отчасти исключить риски, связанные с мошенничеством и нарушением прав в цифровом пространстве. Так, в течение последнего десятилетия во многих странах получили развитие сервисы доверительного управления информацией. В связи с этим авторы монографии считают перспективным совершенствование среды доверия в Интернете посредством, в том числе, улучшения механизмов идентификации и аутентификации пользователей, модернизации системы электронного документооборота (электронная подпись, печать, обмен документами), а также внедрения смарт-контрактов, посредством технологии блокчейн.

Еще один аспект доверия в сети Интернет связан с инструментами «электронной демократии», одним из которых является «открытое правительство» (*open government*). Однако количество граждан, использующих сервисы «открытого правительства», невелико,

что свидетельствует об отсутствии высокого уровня доверия к этим сервисам.

В монографии представлено сравнение основных подходов к регулированию прав человека в сети Интернет. Восточный тип правового регулирования («сетевой коммунитаризм») отличается от западного типа («сетевого либерализма») степенью индивидуальной свободы интернет-пользователей. При «сетевом коммунитаризме» в приоритете интересы государства и общества, в то время как в основе «сетевого либерализма» лежит идея индивидуальной свободы, которая может подвергаться определенным ограничениям в публичных интересах, но эти ограничения минимальны. Авторы полагают, что в будущем на смену «сетевому либерализму» придет ужесточение правил поведения пользователей в Сети.

Описывая проблемы правового регулирования деятельности человека в Интернете, авторы обращают внимание на острую

Международное интернет-право, призванное регулировать вопросы взаимоотношений между государствами в интернет-сфере, способы контроля за использованием Всемирной сети и за соблюдением в ней прав и свобод граждан, формируется, пусть и медленно

необходимость разработки механизмов защиты личной неприкосновенности человека в онлайн-среде. Поскольку деятельность человека в Интернете часто выходит за пределы допустимого, и порой сложно установить грань, отделяющую неприятные действия от преступных, то право должно встать на защиту личной неприкосновенности человека. Сегодня правовое регулирование в сфере свободы массовой информации в России осуществляется на основе большого количества не взаимодействующих между собой актов. В связи с этим практика, прежде всего судебная, стала неотъемлемой частью регулирования отношений в рассматриваемой сфере.

Проведенный авторами монографии анализ показал, что «разорванность» и непоследовательность правового регулирования влекут затруднения в реализации прав человека и неоправданное вмешательство в этот процесс. Соответственно требуется упорядочение за-

конодательства. Нужны и единые подходы к установлению пределов дозволенного, нельзя предусматривать разные по объему ограничения и неравную ответственность только из-за способа распространения информации.

Государства, стремящиеся к развитию цифровых технологий, одной из приоритетных задач считают обеспечение права на доступ к Сети. Можно выделить основную группу прав человека в Сети – политические права. Из них самым адаптированным к новым технологиям стало право на проведение демонстраций.

В настоящее время в Сети можно создавать площадки для проведения публичных мероприятий, по аналогии с существующими специальными местами в офлайн-среде, «причем с запретом удалять комментарии посетителей (кроме случаев, когда они нарушают законодательство о свободе слова)». Также Интернет открыл пространство для проведения онлайн-голосования, которое, на взгляд авторов, не должно быть единственной возможностью выражения избирателями своей воли. Очевидно, что социальные сети являются благодатной почвой для организации реальных протестов. Однако онлайн-протесты российским законодательством практически не регулируются, в отличие от офлайн-протестов.

Ограниченный объем рецензии не позволил коснуться всех содержащихся в моно-

графии важных и новых положений, поэтому я остановилась лишь на наиболее интересных, с моей точки зрения, выводах.

Авторскому коллективу удалось осуществить масштабное научное исследование актуальной темы, используя множество теоретических аргументов и размышлений о перспективах развития прав человека в сети Интернет в России и в мире. Рассмотрены широкий круг теоретических и правовых проблем реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан в сети Интернет, а также современные интернет-отношения, способы и средства их регулирования. Проанализированы особенности правовой культуры субъектов интернет-отношений и их правосознания.

В целом исследование позволяет сделать вывод о том, что стремительное развитие цифровых технологий повлечет дальнейшее углубленное изучение технологии внедрения Интернета в правотворческую, правоприменительную деятельность органов публичной власти и в сферу реализации прав и свобод человека и гражданина. Это вполне созвучно идее о необходимости разработки теоретических основ так называемого права виртуального пространства.

Монография, на мой взгляд, может быть рекомендована для использования в учебном процессе в рамках изучения дисциплин «Конституционное право», «Права человека», «Избирательное право», «Информационное право».

Светлана Владимировна Бендюрина – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bendurina_s@list.ru. ORCID: 0000-0003-4374-8337

Recommended citation

Bendurina S. V. Retsenziya na kolektivnuyu monografiyu M. S. Salikova, S. E. Nesmeyanovoi, A. N. Mochalova i dr. «Prava cheloveka v seti Internet» [Review of the Collective Monograph by M. S. Salikov, S. E. Nesmeyanova, A. N. Mochalov et al: «Human Rights on the Internet»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 78–80, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_78.

Svetlana Bendurina – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bendurina_s@list.ru. ORCID: 0000-0003-4374-8337

Дата поступления в редакцию / Received: 13.12.2020

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2021

Н. Е. Колобаева

Уральский государственный юридический университет
(Екатеринбург)

**КАЧЕСТВО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА:
ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ**

В статье представлен обзор научно-методической конференции, прошедшей 24 декабря 2020 г. на базе Уральского государственного юридического университета. Целями конференции стали анализ практики внедрения юридическими вузами и факультетами дистанционных технологий и электронного обучения в образовательный процесс, обмен опытом и выработка современных методик в юридическом образовании.

Ключевые слова: конференция, качество образования, дистанционные технологии, электронное обучение, взаимодействие участников образовательного процесса, юридическое образование

Для цитирования

Колобаева Н. Е. Качество юридического образования в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса: обзор конференции // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 2. С. 81–84. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_81.

УДК 342.7

DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_81

2020 год стал испытанием для системы российского образования. Всем вузам пришлось выстроить образовательный процесс в дистанционном формате, чтобы вынужденная изоляция не стала препятствием для обучения. 24 декабря 2020 г. состоялась научно-методическая конференция «Качество юридического образования в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса». Мероприятие организовано Уральским государственным юридическим университетом совместно с Ассоциацией юридического образования и Экспертным центром Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции.

Представители более чем 20 вузов из 32 городов России, Беларуси и Кыргызстана обсудили результаты внедрения в юридическое образование новых технологий и методик. Модераторами были проректор по учебной и методической работе Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) доктор

юридических наук, профессор Мария Викторовна Мажорина и проректор по учебной работе УрГЮУ доктор юридических наук, профессор Дмитрий Владимирович Грибанов. С приветственным словом выступили ректор УрГЮУ доктор юридических наук, профессор Владимир Александрович Бублик и председатель правления Ассоциации юридического образования кандидат юридических наук Александр Сергеевич Чанышев. В приветствиях была отмечена важность обмена опытом, обсуждения как удачных, так и спорных результатов работы вузов в условиях необходимости противодействовать распространению коронавирусной инфекции.

Первым докладчиком стал заведующий кафедрой теории и истории права Высшей школы экономики доктор юридических наук, профессор Владимир Борисович Исаков, который подготовил текст и видеоматериалы, демонстрирующие методику преподавания дисциплины «Правовая аналитика» в дистанционном формате. Участники конференции имели возможность ознакомиться с матери-

алами заблаговременно, а в ходе доклада Владимир Борисович рассказал о технологиях и методических наработках, которые рекомендует использовать в работе со студентами. Было отмечено, что изоляция вынудила осваивать возможности современных технологий и приспособлять их для целей образовательного процесса; многие инновации оказались весьма уместными во взаимодействии со студентами, и их стоит использовать далее, дополняя ими традиционные методы обучения.

Профессор М. В. Мажорина рассказала о практике внедрения дистанционного обучения в МГЮА, в частности о сложностях, с которыми пришлось столкнуться в процессе. Мария Викторовна подчеркнула, что активно развивающиеся информационные

Щербакова рассказала о том, каким образом происходил переход к дистанционной работе в ее вузе, отмечая, что самым важным моментом стало поддержание связи со студентами и их родителями. Регулярные опросы и анкетирования позволили своевременно выявлять проблемные ситуации и регулировать их. О том, как была налажена работа УрГЮУ в непростой период вынужденной изоляции, поведала начальник учебно-методического управления УрГЮУ Наталья Сергеевна Кутузова.

Таким образом, участники конференции имели возможность проанализировать опыт ведущих вузов по внедрению электронного обучения с применением дистанционных технологий. Каждый из выступающих отметил, что необходимость осваивать и новые методики и технологии безусловно привела к положительным результатам. У каждого вуза возникали схожие проблемы на пути, но если весна 2020 г. стала испытанием и «встряхнула» систему образования, то в осеннем семестре работа была уже отлажена в достаточной мере, чтобы говорить о поддержании качества юридического образования и о планах его повышения. Безусловно, в процессе внедрения новых методик между вузами шел информационный обмен, но к схожим (как оказалось в итоге) решениям вузы пришли самостоятельно. При этом опыт каждого вуза уникален, и конференция позволила познакомиться с практикой коллег и взять на вооружение отдельные методы. Все выступающие признали необходимость регулярной обратной связи (горячие линии, форумы, анкетирование) как от студентов и их родителей, так и от преподавателей, поскольку введение новых инструментов без апробации, непосредственно в «полевых» условиях, требовало немедленной корректировки в случае сбоев.

Доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета кандидат юридических наук Максим Владимирович Гончаров предложил вниманию слушателей результаты аналитического исследования педагогической эффективности и целеполагания в условиях дистанционного образовательного процесса. Докладчик продемонстрировал связь между целями обучения и избираемыми методиками, особенности педагогических методик

На успех занятия влияют планирование преподавателем хода мероприятия – составление плана-сценария, обязательное взаимодействие со студентами в ходе занятия, в том числе лекционного

технологии сегодня меняют все сферы жизни, меняют государство и общество. Очевидна и необходимость изменений в сфере образования. Руководитель направления по научно-методическому обеспечению оценки качества образования Экспертного центра АЮР по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции доктор юридических наук Алексей Владимирович Минбалева посвятил свое выступление тенденциям в развитии независимой оценки качества подготовки обучающихся в области юриспруденции, уделив внимание работе АЮР в данном направлении.

Опытом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова поделился заместитель декана юридического факультета по учебно-методической работе МГУ кандидат юридических наук, доцент Андрей Александрович Бережнов, продемонстрировав систему инструментов, используемых в рамках электронной информационно-образовательной среды МГУ. Проректор по учебной работе Саратовской государственной юридической академии кандидат педагогических наук, доцент Ольга Васильевна

в дистанционном образовательном процессе, указал на необходимость пересмотра подходов к обучению в условиях использования информационных технологий. В частности, на успех занятия влияют планирование преподавателем хода мероприятия – составление плана-сценария, обязательное взаимодействие со студентами в ходе занятия, в том числе лекционного (в форме вопросов-ответов, обсуждения отдельных моментов, онлайн-опросов и т. п.). Для успешного проведения практического занятия важно предварительное информирование студентов через электронную информационно-образовательную среду вуза, а именно размещение не только заданий, но и инструкций по их выполнению, критериев их оценивания, необходимых форм, образцов, научных и нормативных материалов. В заключение М. В. Гончаров предложил создать межвузовскую методическую площадку для регулярного обмена лучшими практиками и выработки актуальных подходов для обеспечения возможности вузов готовить юристов, обладающих всеми нужными для их работы компетенциями.

Директор Центра повышения квалификации и переподготовки Национального исследовательского Томского государственного университета кандидат филологических наук, доцент Светлана Борисовна Велединская охарактеризовала особенности смешанного учебного процесса и поделилась многолетним опытом работы с применением дистанционных технологий, в частности порекомендовала способы выстраивания образовательного процесса с учетом предельной нагрузки как на обучающегося, так и на преподавателя.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Ошского государственного юридического института кандидат юридических наук Салия Дженишбековна Тайлакова посвятила свое выступление работе вуза Кыргызской Республики в условиях пандемии, отметив, какие сложности возникают в процессе внедрения дистанционных технологий.

Руководитель аппарата Экспертного центра Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции, доцент кафедры уголовно-процессуального права им. Н. В. Радутной Российского государственного университета право-

судия кандидат юридических наук, доцент Анастасия Николаевна Кравцова раскрыла цели и суть профессионально-общественной аккредитации в области юриспруденции. Данная процедура является одним из способов контроля качества юридического образования профессиональным сообществом и в условиях дистанционного взаимодействия участников образовательного процесса приобретает особое значение.

В завершение мероприятия преподаватели Уральского государственного юридического университета представили свой взгляд на практику использования информационных технологий в организации дистанционного обучения. Доцент кафедры предпринимательского права кандидат юридических наук Татьяна Михайловна Звездина поделилась опытом взаимодействия преподавателя и студента в электронной образовательной среде при дистанционном обучении, поведала об успехах в общении с обучающимися в своей работе. Доцент кафедры международного и европейского права кандидат юридических наук Максим Александрович Лихачев ярко и интересно рассказал о том, как организуются в УрГЮУ внеучебные конкурсные и научно-исследовательские мероприятия в дистанционном формате, подчеркнув, что общение «через экран» не уступает по эффективности работе в аудитории, но требует от преподавателя не только подготовки и времени, но и эмоциональных затрат.

Для участия в конференции зарегистрировались 324 человека из разных вузов, среди которых (помимо названных выше) Белорусский государственный университет, Дальневосточный федеральный университет, Чеченский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, Российская академия адвокатуры и нотариата, Санкт-Петербургский государственный университет, Южно-Уральский государственный университет, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова и мн. др. Огромная благодарность всем участникам мероприятия и всем, кто выступил спикерами. Опыт организации и проведения конференции показал, что

есть потребность в междувузовском общении и что в современном мире качество образования во многом зависит от готовности вузов и их преподавателей меняться. Электронная информационно-образовательная среда работает в каждом вузе, но спектр возможностей ее использования стал более очевидным

с введением ограничительных мер. Безусловно, нет необходимости отказываться от преимуществ классического образования, но, сохраняя традиции и опыт, следует вносить в свою работу что-то новое, если оно будет способствовать повышению качества подготовки российских юристов.

Наталья Евгеньевна Колобаева – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kne003@usla.ru.
ORCID: 0000-0001-9322-0309

Quality of Legal Education in the Conditions of Distance Interaction of Participants of the Educational Process: Overview of the Conference

The article provides an overview of the scientific and methodological conference held on December 24, 2020 in the Ural State Law University. The aims of the conference were to analyze the practice of introducing distance technologies and e-learning in law universities and faculties, to share experiences, and to develop modern methods in legal education.

Keywords: conference, quality of education, distance technologies, e-learning, interaction of participants in the educational process, legal education

Recommended citation

Kolobaeva N. E. Kachestvo yuridicheskogo obrazovaniya v usloviyakh distantsionnogo vzaimodeistviya uchastnikov obrazovatel'nogo protsesssa: obzor konferentsii [Quality of Legal Education in the Conditions of Distance Interaction of Participants of the Educational Process: Overview of the Conference], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 2, pp. 81–84, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_2_81.

Natalia Kolobaeva – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University. 620137, Russian Federation, Yekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kne003@usla.ru.
ORCID: 0000-0001-9322-0309

Дата поступления в редакцию / Received: 15.03.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 01.04.2021

ТРЕБОВАНИЯ

к статьям, направляемым в редакцию журнала «Российское право: образование, практика, наука»

1. К опубликованию в журнале «Российское право: образование, практика, наука» принимаются авторские материалы на русском языке: научные статьи, интервью, рецензии, очерки, научно-практические комментарии законодательства, отрывки из монографий и иные материалы, соответствующие тематике издания.

2. Авторский оригинал материала должен быть набран в текстовом редакторе MS Word (расширение *.doc или *.rtf).

Должны быть соблюдены следующие технические требования: гарнитура Times New Roman, кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5, поля – по 20 мм. Отступ абзаца – 1,25 мм (должен быть задан не табулятором, а командой Формат/Абзац/Отступ/Первая строка).

3. Объем статьи – до 20 страниц, для аспирантов и студентов – до 10 страниц.

4. Файл со статьей должен содержать:
заголовок статьи на русском и английском языках;
фамилию, имя, отчество автора (полностью), место его работы (учебы), ученую степень и ученое звание (при наличии);

ключевые слова на русском и английском языках (5–7 слов);

аннотацию на русском и английском языках (3–5 предложений).

5. К статье прилагается справка, где должны быть указаны следующие данные:

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

число, месяц, год рождения каждого из авторов;

паспортные данные каждого из авторов;

место работы, должность, ученая степень, ученое звание каждого из авторов;

адрес места жительства, почтовый адрес, контактный телефон, адрес электронной почты каждого из авторов.

Должна быть приложена фотография автора (авторов) разрешением не менее 300 dpi.

К статьям аспирантов и студентов прилагаются рецензии научных руководителей.

6. Редакция рецензирует представленные материалы и оставляет за собой право опубликовать материал или вернуть автору для доработки. Также Редакция оставляет за собой право внести редакционную и стилистическую правку в текст авторского материала, его название и аннотацию, не изменяя при этом основной смысл материала, заложенный автором.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 09.06.2021. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10, 23. Уч.-изд. л. 8,9.

Тираж 100 экз. Заказ №

Дата выхода в свет 17.06.2021.

Цена свободная

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11

Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

маркировке не подлежит

Уральский государственный юридический университет.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

РОССИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научно-теоретическое, информационное
и практическое издание, основанное в 1993 г.
Министерством юстиции Российской Федерации
и Уральской государственной юридической академией

■ освещает фундаментальные и прикладные проблемы
правового регулирования и правоприменительной практики

■ публикует материалы, отражающие основные направления
профессиональной юридической деятельности
(правотворческой, экспертной, судебной)

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

С 2011 г. журнал включен в библиографическую базу, размещается
и индексируется на библиотечной платформе EBSCO Host (EBSCO Information
Services, Ipswich, MA, USA). С 2012 г. журнал включен в библиографическую
базу Ulrich's™ (SerialsSolutions®, Seattle, WA, USA). В 2014 г. журнал
стал размещаться на платформе EastView Information Services и вошел
в фонды Президентской библиотеки

Редакция журнала:

Екатеринбург, Комсомольская, 23, каб. 207

Тел./факс (343) 375-54-20

E-mail: ruzh@usla.ru, сайт: www.ruzh.org

Подписка:

По «Каталогу периодических изданий. Газеты и журналы» агентства «УралПресс» – подписной
индекс 72610

По каталогу «Почта России» – подписной индекс 04167

Подписка, в том числе за рубежом, возможна через ЗАО «МК-Периодика» с доставкой издания по
любому адресу.

Подписка на электронную версию журнала доступна на сайте Научной электронной библиотеки –
www.e-library.ru

Желающие приобрести новые или уже вышедшие номера «Российского юридического журнала»
могут оформить подписку в редакции по заявке.